

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigog@gmail.com
- Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.** Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Терещенко О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Академия последиplomного образования, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyril of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 1(493) (091)

В ПОИСКАХ НОВЫХ ОСНОВАНИЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДЖ. ОСТИНА

М. Р. ДИСЬКО-ШУМАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Проблема определения сущности рациональности является одним из сложных и актуальных вопросов современной философии. Это обусловлено кризисом классического рационализма и переосмыслением фундаментальных оснований рациональности, в результате которого в философии второй половины XX в. формируется понимание рациональности как многомерного феномена и происходит становление стратегии коммуникативной рациональности. Для понимания и оценки перспектив развития данной стратегии необходима теоретическая историко-философская реконструкция ее оснований, сформированных в различных направлениях прежде всего аналитической философии. Осуществлен анализ лингвистической феноменологии Дж. Остина с целью определить коммуникативное измерение основных понятий его теории речевых актов. Обоснован тезис о том, что разработанная Дж. Остином теория речевых актов является новым инструментом лингвистического анализа повседневного языка, позволяющим описать механизм коммуникативного взаимодействия субъектов, результатом которого становятся согласованные действия. Показано, что основанием рациональной деятельности является успешная реализация коммуникативных намерений субъекта в различных типах речевых актов (локутивные, иллокутивные, перлокутивные). Сделан вывод, что философская концепция Дж. Остина – одно из значимых достижений в процессе формирования стратегии коммуникативной рациональности.

Ключевые слова: рациональность; коммуникативная рациональность; коммуникативное взаимодействие; язык; теория речевых актов.

Образец цитирования:

Дисько-Шуман МР. В поисках новых оснований рациональности: коммуникативное измерение лингвистической феноменологии Дж. Остина. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:4–10.

For citation:

Dzisko-Schumann MR. In quest of the new foundations of rationality: communicative dimension of Austin's linguistic phenomenology. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:4–10. Russian.

Автор:

Мария Робертовна Дисько-Шуман – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии факультета компьютерных сетей и систем.

Author:

Maria R. Dzisko-Schumann, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy, faculty of computer systems and networks.
mdzisko@gmail.com

IN QUEST OF THE NEW FOUNDATIONS OF RATIONALITY: COMMUNICATIVE DIMENSION OF AUSTIN'S LINGUISTIC PHENOMENOLOGY

M. R. DZISKO-SCHUMANN^a

^aBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics, 6 P. Broŭki Street, Minsk 220013, Belarus

The issues of defining the essence of rationality is one of the most challenging and relevant in modern philosophy. Due to the crisis of classical rationalism and the revision of the fundamental foundations of rationality, as a result the understanding of rationality as a multidimensional phenomenon is formed and the strategy of communicative rationality is being formed in the philosophy of the second half of the 20th century. To understand and evaluate the prospects of the development of this strategy, a theoretical historical and philosophical reconstruction of its foundations, which were formed in various directions, primarily analytical philosophy, is necessary. This article is devoted to analyses the linguistic phenomenology of J. Austin in order to determine the communicative dimension of the basic concepts of his theory of speech acts. As a result of the research, the thesis that J. Austin's theory of speech acts is a new tool for the linguistic analysis of everyday language, which allows us to describe the mechanism of communicative interaction of subjects, the result of which is coordinated actions, is substantiated. It is shown that the basis of rational activity is the successful implementation of the subject's communicative intentions in various types of speech acts (locative, illocutive, perlocutive). This article has concluded that J. Austin's philosophical conception is one of the most significant achievements in the process of forming a strategy of communicative rationality.

Keywords: rationality; communicative rationality; communicative interaction; language; theory of speech acts.

Введение

Неклассическая и постнеклассическая философии отличаются многообразием тем, направлений и школ, методов и подходов, полиморфизмом и вариативностью результатов философской рефлексии. Но, несмотря на все эти различия, базовой ценностью и исходной аксиомой для большинства современных философов остается понимание философского знания как результата рационально-критического осмысления фундаментальных вопросов бытия человека и мира. В трудах философов-классиков (Аристотель, Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель и др.) рациональная природа философского знания трактуется как безусловная, абсолютная ценность, а в философии XX в. происходит переосмысление природы рациональности, а также ее критериев, места и значения в культуре.

Начиная с середины XIX в. феномен рационального философского познания и постижения бытия подвергался достаточно серьезной и обоснованной критике в таких направлениях, как философия жизни, экзистенциализм, психоанализ и др. В результате произошло переосмысление сущности рационального познания; аксиома абсолютного характера и независимости от каких-либо условий и факторов такого познания была признана несостоятельной. В философии складываются представления об исторической и социокультурной обусловленности норм и идеалов рациональности, разрабатываются ее классификации и типологии, определяются критерии демаркации рационального и нерационального, изучаются внерациональные формы по-

знания. Течения современной философской мысли по-разному решают данные вопросы. Как писал Дж. Сёрль, «можно спорить о теориях рациональности, но нельзя подвергать сомнению ее существование» [1, с. 12].

Наряду с вышеперечисленными направлениями в философии XX в. формируется ряд направлений и школ, которые выступили с тотальной критикой преодоления недостатков и ограниченности когнитивно-инструментального понимания рациональности классического рационализма и с идеей этого преодоления. Среди них наиболее значимыми стали постструктурализм, теория деконструкции, неопрагматизм и франкфуртская школа. Данные направления стремятся переосмыслить и переоценить фундаментальные основания самой философии и таких ее основополагающих концептов, как рефлексия, рациональность, структура, метод. В философии второй половины XX в. рациональность понимается как многомерный феномен, имеющий не только логическую, но и аксиологическую, нормативную, лингвистическую размерности. В современной философии плюралистический характер феномена рациональности нашел отражение в процессе формирования стратегии коммуникативной рациональности, в рамках которой становится возможной реализация различных форм, практик и технологий социального и коммуникативного взаимодействия, что особенно важно в условиях трансформации познающего субъекта из агента познавательной деятельности, носителя чистой рациональности

в агента коммуникативного действия, включенного в сложные сетевые инфокоммуникационные структуры современного общества.

Следует подчеркнуть, что переосмысление природы рациональности в философии считается процессом достаточно сложным, длительным, затрагивающим множество проблем и вопросов, разрешение которых в принципе невозможно в рамках какого-то одного направления или какой-то одной школы. Главным условием теоретической реконструкции становления стратегии коммуникативной рациональности является концептуальный анализ данного феномена в широком историко-философском кон-

тексте. Это позволит выявить многогранный и нелинейный характер процесса становления и развития данной концепции, а также преодолеть ограниченность в понимании ее содержания.

В данной статье будут рассмотрены и проанализированы ряд понятий и идей, разработанных в рамках аналитической философии и выступивших в качестве концептуально-семантического предшественника стратегии коммуникативной рациональности. Объектом историко-философского изучения является лингвистическая феноменология Дж. Остина, предметом – коммуникативное измерение основных понятий теории речевых актов.

Основная часть

Аналитическая философия не представляет собой целостной, единой концепции, разделяемой всеми ее многочисленными представителями. Тем не менее, можно выявить общую установку при решении философских проблем посредством анализа языка. «Ядро новейшей аналитической философии составляют, как правило, программы и концептуальный аппарат, вырабатываемые в философии языка, а “периферию” – другие аналитические дисциплины: “философия сознания”, “философия действия”, “философия логики”, “философия морали”, аналитическая метафизика и т. п.» [2, с. 5].

С позиции историко-философской реконструкции следует выделить несколько этапов развития аналитической философии [3], а также определить главные направления и школы, которые условно можно разделить на две категории: философия логического анализа и философия лингвистического анализа.

Очевидно, что предмет и задачи философии представители данных направлений определяли по-разному, равно как и инструменты, подходящие для решения поставленных ими задач. И если в случае с философией логического анализа таким инструментом выступала логика в различных ее версиях, то в случае с лингвистическим анализом, когда объектом философского анализа становится язык повседневности, средств и методов логики оказывается недостаточно. Таким инструментом, по мнению Дж. Остина, одного из наиболее влиятельных философов лингвистического направления аналитической философии, должна была стать разработанная им теория речевых актов.

Эта теория изложена в наиболее известной работе Дж. Остина «Как совершать действия при помощи слов» [3]. Большую часть ее содержания составил курс лекций «Слово как действие», прочитанный в разные годы в Оксфорде и Гарварде, а также ряд статей, опубликованных в журнале «Труды Аристотелевского общества».

Оценка философских идей, сформулированных Дж. Остином и его последователями (прежде всего

Дж. Сёрлем, Г. П. Грайсом и П. Ф. Стросоном) в рамках теории речевых актов, в отечественной философской традиции была далеко не однозначной. Работы Дж. Остина получили признание в рамках исследования проблем лингвистики, языкознания и теории коммуникации. В этом плане достаточно показательным является то, что отрывки из его основных работ, опубликованных еще в начале 1960-х, были переведены на русский язык и изданы только в середине 1980-х в серии сборников «Новое в зарубежной лингвистике» [5]. До этой публикации работы философа не были известны большой группе читателей из-за отсутствия перевода и ограниченного доступа заинтересованных исследователей к оригинальным трудам. Предисловие к частям сборника было написано советскими лингвистами И. М. Кобозевой и В. З. Демьянковым.

Широкому кругу философской общественности работы Дж. Остина стали доступны только в 1990-х гг. Следует отметить одну из первых публикаций его статьи «Значение слова» в специализированной антологии «Аналитическая философия: избранные тексты» [2]. Вступительная статья и примечания к ней были написаны профессором А. Ф. Грязновым. Стоит упомянуть и сборник переведенных работ Дж. Остина «Избранное» [6], в который вошли его статьи «Как производить действия при помощи слов», «Смысл и сенсibiliи» и др.

Таким образом, осмысление наследия и значения трудов Дж. Остина в русскоязычной философии началось достаточно поздно. Кроме внешнего обстоятельства (отсутствия переведенных работ), существовали и внутренние. Во-первых, наблюдалась гегемония марксистско-ленинской философии в советской философской мысли. Автор вступительной статьи к первой русскоязычной публикации «Слово как действие» И. М. Кобозева так характеризует сложившуюся ситуацию: «До недавнего времени Дж. Остин и П. Ф. Стросон были известны советскому читателю только как представители “лингвистической философии”. В работах философов-марксистов их научное наследие рассматривалось в основном

под углом зрения критики неопозитивизма... <...> Неопозитивизм в целом и лингвистическая философия в частности не дали и не могли дать решения актуальных философско-методологических проблем современной науки» [5, с. 8]. Во-вторых, происходила попытка «узурпации» со стороны философов предмета исследования, т. е. языка, феномен которого традиционно считался объектом изучения лингвистов. Указанные обстоятельства привели к тому, что на долгие годы теория речевых актов привлекла «внимание ученых, разрабатывающих проблемы речевой коммуникации как в теоретическом, так и в прикладном аспекте» [5, с. 7]. Например, большая часть научных статей с ключевыми словами «Дж. Остин» и «теория речевых актов», размещенная в электронной библиотеке *eLibrary*, в той или иной степени касается вопросов прикладной или теоретической лингвистики. Данное обстоятельство можно объяснить и тем, что в работах Дж. Остина пристальное внимание уделяется именно специфике употребления различных языковых конструкций в английском языке для выражения разных типов речевых актов. Детальное описание форм глаголов, используемых для выражения перформативов (речевых актов, эквивалентных совершению действия, к которым относятся, например, вынесение приговора или присвоение объекту имени), понятно в большей степени лингвистам, нежели философам.

Несмотря на указанные обстоятельства, работы Дж. Остина имеют первостепенное значение прежде всего для развития аналитической философии. После лингвистического поворота задачей философии становится анализ обыденного языка. В философии неопозитивизма предметом философской рефлексии выступал анализ языка науки, а одним из значимых теоретических результатов – принцип верификации, согласно которому любое теоретическое положение должно быть в состоянии редуцироваться к эмпирическому уровню, совокупности протокольных предложений. Дж. Остин резко противопоставляет предметы философского анализа неопозитивизма и собственных исследований. Философия перестает быть служанкой науки. Логический анализ языка науки – это вопрос о соотношении знака и его значения, сводящий все к проблемам логической семантики. Дж. Остин, переводя анализ в плоскость обыденного языка, во-первых, возвращает философии ее собственный предмет, четко разделяя границы науки и философии; во-вторых, решает вопросы, относящиеся к сфере логической (и лингвистической) прагматики, акцентирующей проблемы взаимодействия пользователя и языка.

Название «теория речевых актов» отсылает к пониманию того, что данная модель объяснения коммуникативного взаимодействия людей в речевой практике нацелена на построение прежде всего

структуры такого взаимодействия. Единицей логико-лингвистического анализа выступает отдельный речевой акт. Значение понятия «акт» указывает на две особенности: 1) акт является завершенным действием; 2) акт выступает единичным элементом какой-либо деятельности, в данном случае коммуникативного взаимодействия.

Одним из наиболее важных теоретических положений, обоснованных в работе Дж. Остина «Как совершать действия при помощи слов», является классификация речевых актов и критериев их разделения. «Вначале мы разграничили группу вещей, которые мы делаем при произнесении чего-либо, обобщив это разграничение словами о том, что мы совершаем локутивное действие... Затем мы сказали, что мы также можем совершать иллюкутивные действия, такие, как информирование, приказ, предостережение... Наконец, мы можем совершать также перлокутивные действия – то, что мы приносим или достигаем посредством говорения чего-либо, например, убеждение, принуждение, устрашение...» [6, с. 94].

Теория речевых актов Дж. Остина противостоит формально-логическому и формально-грамматическому подходам к анализу языка, хотя в последующем предпринимались достаточно успешные попытки интерпретировать содержание его работ как с позиций формальной грамматики, так и с позиций логики. В основании теории речевых актов лежит ключевая идея о том, что любая форма использования языка представляет собой речевой акт, заверченный элемент речевой деятельности. Если учитывать классификацию речевых актов, то можно утверждать, что анализ речевого акта с позиций грамматической или логической структур применяется только к локутивным речевым актам, поскольку «локутивный акт эквивалентен произнесению предложения с определенным смыслом и значением (в традиционном смысле)»¹ [4, р. 108].

Локутивный речевой акт (любое осмысленное высказывание), будучи произнесением предложения, которое, безусловно, построено в соответствии с установленными синтаксическими правилами и имеет значение, может быть проанализирован как грамматическая структура (связь членов предложения, согласование падежей и т. д.) или как логическая структура (связь субъекта и предиката, наличие кванторов, модальных операторов и т. д.). Дальнейшее применение формальных средств анализа к иллюкутивным (сформулированному коммуникативному намерению говорящего) и перлокутивным (ожидаемым эффектам, действиям от произнесения высказывания) речевым актам приводит к определенным сложностям, обусловленным природой данных видов речевых актов. Одно и то же предложение, произнесенное в различных

¹Здесь и далее перевод наш. – М. Д.-Ш.

контекстах, может иметь разные значения. Например, высказывание: «Я позвоню твоим родителям» – без контекста употребления выражает намерение X позвонить родителям Y. Данное значение определяется как абсолютное (или универсальное), т. е. понятное каждому пользователю (носителю) языка. Под относительным понимается то значение данного предложения, которое зависит от контекста его употребления. Таким образом, произнесенное одно и то же предложение (локутивный речевой акт) будет иметь различную иллокутивную силу и разные перлокутивные следствия. В приведенном выше примере произнесение учителем предложения: «Я позвоню твоим родителям», которое адресовано ученику, может иметь относительное значение напоминания, предупреждения, утверждения и т. д. Различными будут и перлокутивные следствия – побуждение к действию, испуг, настороженность и т. д. Относительное значение предложения определяется коммуникативной ситуацией. И если абсолютное значение предложения (значение локутивного речевого акта) может быть дешифровано любым пользователем языка, то относительное значение имеет смысл только применительно к тому или иному конкретному акту коммуникации. Это значение не является предустановленным, а возникает в процессе коммуникативного взаимодействия.

Оба вида речевых актов (локутивные и иллокутивные) характеризуются наличием коммуникативного намерения. Для локутивного речевого акта таким намерением выступает передача информации и, по мнению Дж. Остина, в нем используются констативы. Поскольку любое высказывание имеет логическое значение, то именно возможность установления этого значения отличает употребление констативов от перформативов. «Когда мы вначале противопоставляли перформативное употребление констативному, мы говорили, что 1) перформатив должен делать что-либо в противоположность тому, чтобы говорить что-либо, и 2) перформатив является успешным или неуспешным в противоположность истинности или ложности» [6, с. 112].

Разграничение высказываний, в которых коммуникативным намерением выступает передача информации (констатив), от высказываний, где коммуникативное намерение – это побуждение к действию (перформатив), проявляется в том, что в первом случае присутствует логическое значение, а во втором необходима реакция (слова, действия). «Произнесенный констатив (то, что философы определяют как “утверждение”) обладает свойством быть истинным или ложным. Произнесенный перформатив, напротив, никогда не может быть ни тем, ни другим: у него есть своя особая функция – он используется для выполнения действия» [7, р. 537]. Например, высказывание: «Сегодня холодно» – на уровне локутивного речевого акта может быть проанализировано как

констатив, который обладает логическим значением «истина» в том случае, если сегодня действительно холодно. Значение данного высказывания понятно всем пользователям – носителям языка, т. е. является абсолютным (универсальным). В то же время это выражение в конкретной коммуникативной ситуации может выступать частью иллокутивного речевого акта, имеющего относительное (контекстуальное) значение. «...В случае констативного употребления мы абстрагируемся от иллокутивного аспекта речи и сконцентрируемся на локутивном... В идеале мы стремимся к тому, что было бы правильным сказать при всех обстоятельствах, для любой цели, любому слушателю и т. д. Возможно, иногда это реализуется» [6, с. 212].

Несмотря на описанный критерий разделения констативов и перформативов, лежащий в плоскости определения истинности (ложности) для констативов или успешности (неуспешности) для перформативов, Дж. Остин релятивизирует само понятие истинности, связывая его определение с коммуникативной ситуацией. «Важно понимать, что “истина” и “ложь”, так же как “свобода” и “несвобода”, не означают ничего конкретного, а только общее понимание того, что правильно или неправильно говорить в данных обстоятельствах, для этой аудитории, этих целей и с этими намерениями» [4, р. 78].

Коммуникативное намерение существует как у говорящего, так и у слушающего, и последнее состоит в том, что адресат готов не только воспринять и установить значение обращенного к нему высказывания (речевого акта), но и действовать в дальнейшем в обстоятельствах, озвученных говорящим, другими словами распознавать коммуникативное намерение адресанта. По мнению Дж. Остина, это должно выразиться в реализации перлокутивных эффектов, т. е. в тот момент, когда «слово становится действием». Сила иллокутивного речевого акта определяется как готовность слушающего действовать в дальнейшем в координатах полученной информации, независимо от того факта, является ли конкретный речевой акт простым утверждением, просьбой, указанием, вопросом и т. д. «...В случае перформативного употребления мы уделяем столько внимания, сколько можем, иллокутивной силе высказывания в противоположность измерению соответствия фактам (т. е. установлению его истинности. – *М. Д.-Ш.*)» [6, с. 121].

Коммуникативное намерение говорящего может не быть правильно распознано, понято и интерпретировано слушающим, даже при условии использования адресантом подходящих языковых средств (логически и грамматически верной конструкции, правильного перформативного глагола) и наличии должных языковых компетенций у адресата. Если оценивать такую ситуацию с позиций формально-грамматического или формально-логического

подходов (с соблюдением всех требований), то мы имеем дело с примерами успешной коммуникации и эффективного речевого акта. В теории речевых актов Дж. Остина выполнение логических и грамматических правил построения локутивного речевого акта не гарантирует реализацию иллокутивного речевого акта и достижение перлокутивных эффектов. Иллокутивная сила высказывания не зависит ни от логической структуры пропозиционального выражения, ни от грамматической структуры высказывания.

Анализ речевого акта с точки зрения его структуры не является эффективным, поскольку такой подход не объясняет причинно-следственную связь между совершенным речевым актом и его успешностью или неуспешностью в конкретной коммуникативной ситуации. Оценка успешности или неуспешности речевого акта может быть произведена только с позиции результатов коммуникативного взаимодействия или же отсутствия таковых, а не с позиции соответствия или несоответствия речевого акта заранее установленным правилам. Речевой акт является актуальной реальностью «здесь и сейчас», а исход его процесса определяется непосредственно в момент взаимодействия. Акт речи не предопределен никакими внешними факторами, кроме тех, которые затрагивают непосредственных участников коммуникативной ситуации (например, имеющих социальную природу ценностей, норм, установок, разделяемых участниками процесса). Основной характеристикой речевого акта является его принципиальная intersubjectивность

– направленность не на абстрактного рационального субъекта, своего рода «интеллектуальную машину», вступившую в коммуникацию и реализующую речевые акты в соответствии с заранее заданными правилами, а на конкретного слушателя (читателя), имеющего намерение как минимум стать участником коммуникативной ситуации, как максимум реализовать перлокутивные эффекты речевых актов говорящего (ответить на вопрос, выполнить просьбу, изменить свое мнение и т. д.). Речевой акт является рациональным в той степени, в которой в нем реализованы коммуникативные намерения как говорящего, так и слушающего. С этой точки зрения речевой акт Дж. Остина следует рассматривать как прототип концепта коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

В теории речевых актов язык, выступая предметом логико-философского анализа, не образует самостоятельной реальности и не является только способом передачи информации, а служит инструментом, обеспечивающим коммуникативное взаимодействие, результатом которого становятся как речевые акты, так и конкретные действия. Вследствие такого понимания феномена языка в концепции Дж. Остина не совсем корректно характеризовать теорию как лингвофилософию и философию лингвистического анализа. Наиболее точным и отражающим всю полноту содержания данной теории видится ее определение как лингвистической феноменологии, задачей которой становится беспредпосылочная дескрипция опыта использования языка.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что лингвистический поворот в аналитической философии, одной из значимых фигур которого стал Дж. Остин, трансформировал понимание природы рациональности, сместив фокус исследования с когнитивно-инструментального объяснения субъект-объектного взаимодействия на изучение коммуникативной природы рациональности, лежащей в плоскости субъект-субъектного взаимодействия. В лингвистической феноменологии речевая деятельность является рациональной не из-за соответствия системе правил, удовлетворяющих определенным, заданным критериям рациональности. Ее рациональный характер обусловлен непосредственно процессом

коммуникативного взаимодействия участников. Рациональность речевой деятельности (совокупности речевых актов) определяется ее успешностью, эффективностью реализации коммуникативных намерений участников процесса, т. е. последующими действиями – ответом на вопрос, выполнением просьбы, изменением точки зрения и др. Таким образом, речевая деятельность является принципиально intersubjectивной. Реализующий субъект-субъектное взаимодействие и ее рациональный характер не может быть обоснован с позиций когнитивно-инструментального понимания природы рациональности и только средствами логико-эпистемологического анализа.

Библиографические ссылки

1. Сёрль Дж. *Рациональность в действии*. Колодий А, Румянцева Е, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2004. 336 с.
2. Грязнов АФ. *Аналитическая философия: избранные тексты*. Москва: Издательство МГУ; 1993. 191 с.
3. Грязнов АФ. Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия. *Вопросы философии*. 1996;4:37–47.
4. Austin J.L. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press; 1962. 174 p.

5. Кобозева ИМ, Демьянков ВЗ, составители. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII: теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. 424 с.
6. Остин Дж. *Избранное*. Макеева ЛБ, Руднева ВП, переводчики. Москва: Идея-Пресс; 1999. 332 с. Совместно с издательством «Дом интеллектуальной книги».
7. Austin JL. Performative-Constateive. In: Nuccetelli S, Seay G, editors. *Philosophy of Language*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2013. p. 504–516.

References

1. Searle J. *Rationality in action*. Cambridge: The MIT Press; 2003. 319 p.
Russian edition: Searle J. *Ratsional'nost' v deistvii*. A. Kolodii, E. Rumyantseva, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2004. 336 p.
2. Gryaznov AF. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytical philosophy: selected texts]. Moscow: Izdatel'stvo MGU; 1993. 191 p. Russian.
3. Gryaznov AF. The phenomenon of analytical philosophy in the Western culture of the 20th century. *Voprosy filosofii*. 1996;4:37–47. Russian.
4. Austin JL. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press; 1962. 174 p.
5. Kobozeva IM, Dem'yankov VZ, compilers. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XVII: teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17: theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. 424 p. Russian.
6. Austin JL. *Izbrannoe* [Favorites]. Makeeva LB, Rydneva VP, translators. Moscow: Idea-Press; 1999. 332 p. Co-published by the «Intellectual Book House». Russian.
7. Austin JL. Performative-Constateive. In: Nuccetelli S, Seay G, editors. *Philosophy of Language*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2013. p. 504–516.

Статья поступила в редколлегию 16.09.2021.
Received by editorial board 16.09.2021.

УДК 1(091):(1019)

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КИТАЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ЛУ ЦЗИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирована глубинная общность основных понятий китайской классической философии и мыслительной системы Хайдеггера. Актуальность выявления этой общности обусловлена мощным гуманистическим посылом обоих философских дискурсов, а также их принципиальным акцентом на практическом значении, применении философского знания в повседневном опыте. В результате предпринятого сопоставления обнаружено, что конфуцианство и даосизм в Китае не считаются двумя параллельными ветвями философствования, как их традиционно дифференцируют, а являются различными способами говорить об одном и том же – о путях более гармоничного сосуществования мира (общества, природы) и человека. Прописанная детально, но компактно, при этом, возможно, более универсальным языком, взаимопроницаемая модель *М. Хайдеггер – китайская философия* может служить эффективным методологическим компонентом темы «Китай и Запад» в самом широком смысле, иначе говоря, может быть применимой не только на философском, но и филологическом, культурологическом, социальном, психологическом уровнях (или на междисциплинарном уровне в целом). В этом случае формируется базовый контур методологии компаративного изучения китайской и европейской (западной) поэзии. Представленный в сравнении модус бытия человека в китайской традиции и у М. Хайдеггера в дальнейшем должен быть дополнен компаративным срезом феномена времени – воплощения бытия для данных мыслительных систем (ближайшая перспектива исследования).

Ключевые слова: М. Хайдеггер; фундаментальная онтология; конфуцианство; даосизм; китайская классическая поэзия; гармония сущего.

CLASSICAL PHILOSOPHICAL AND POETIC THOUGHT OF CHINA AND THE FUNDAMENTAL ONTOLOGY OF MARTIN HEIDEGGER: COMPARATIVE ANALYSIS

LU JIGN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The deep commonality of the basic concepts of Chinese classical philosophy and Heidegger's thinking system is analysed. The relevance of identification this commonality is dictated by the powerful humanistic message of both philosophical discourses, as well as their fundamental emphasis on the practical significance, application of philosophical knowledge in everyday experience. Through the prism of the comparison undertaken, it becomes obvious that Confucianism and Taoism in China are not two parallel branches of philosophising, as they are traditionally differentiated, but different ways of talking about the same thing: ways of possibly more harmonious coexistence of the world (society, nature) and man. The mutually permeable model «M. Heidegger and Chinese philosophy», spelled out in detail, but compactly, while possibly in a more universal language, can serve as an effective methodological component of the development of research «China and the

Образец цитирования:

Лу Цзин. Классическая философская и поэтическая мысль Китая и фундаментальная онтология М. Хайдеггера: сравнительный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:11–17.

For citation:

Lu Jign. Classical philosophical and poetic thought of China and the fundamental ontology of Martin Heidegger: comparative analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:11–17. Russian.

Автор:

Лу Цзин – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук Л. Л. Авдейчик.

Author:

Lu Jign, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
723311545@qq.com

West» in the broadest sense – in other words, it can be applicable not only in philosophical, but also at the philological, cultural, social, psychological levels (or at the interdisciplinary level as a whole). In this case, we form the basic outline of the methodology of comparative study of Chinese and European (Western) poetry. The mode of human existence presented in comparison in the Chinese tradition and in M. Heidegger should then be supplemented by a comparative cross-section of the phenomenon of time – the embodiment of being for these thought systems (immediate perspective of study).

Keywords: M. Heidegger; fundamental ontology; Confucianism; Taoism; Chinese classical poetry; harmony of being.

Введение

Значение М. Хайдеггера в современной философии трудно переоценить. По данным интернет-опроса, организованного Российским философским обществом в 2017 г., М. Хайдеггер входит в пятерку наиболее выдающихся мыслителей современности (наряду с Д. Чалмерсом, Е. Жижекком, Ю. Хабермасом и М. Фуко), при этом экспертная выборка респондентов отдала приоритет М. Хайдеггеру [1, с. 95]. В Китае интерес к М. Хайдеггеру проявился благодаря переводу его книги «Бытие и время» (1985). В качестве отклика на эту и другие работы немецкого философа изданы значительное число монографий и статей, как правило рассуждающих о возможности адаптации его мысли к китайским моделям мышления и морально-социальным приоритетам [2–4]. В России подобный ракурс исследования представлен прежде всего работами Е. А. Торчинова и М. Я. Корнеева, издавшими в 2001 г. коллективную монографию, которая стала первой в отечественной историко-философской мысли попыткой прочтения М. Хайдеггера «в диалоге и сравнении с философскими традициями Востока», в том числе Китая [5, с. 2].

Интерес российских китаеведов и китайских исследователей к немецкому мыслителю неслучаен и обусловлен: а) концептуальной общностью представленного М. Хайдеггером направления западной

философии и китайского философского канона, конфуцианского «Четверокнижия» и даосских текстов (приоритет практической философии, акцент на онтологии как антропологии и времени как основном модусе человеческого бытия (ср. *Путь и вперед-себя-бытие*¹)), б) сущностной близостью связанных частностей – тематики, образов, мотивов, специфического «направляющего» стиля философствования как формы, которая указывает на его практическое значение и необходимость адаптации к повседневной практике.

Представленный ниже компаративный анализ мог бы начинаться с любого из его компонентов (сравнительной пары концептов), ибо изначально важна их всеобъединяющая мысль о человеке как бытийном фокусе концентрации сущего. В этом контексте логическая взаимосвязь и необходимая последовательность проявляют тенденцию, когда одно суждение влечет за собой последующие. Включение в сравнительный анализ образцов китайской классической поэзии обусловлено намерением возможно более полно и наглядно отобразить общность китайской классической и хайдеггеровской философии, максимально приблизив к универсальному восприятию, согласно особенному, вневременному и внепространственному их значению.

Материалы и методы исследования

В сравнительном анализе использованы тексты конфуцианского канона («Четверокнижие»), образцы ки-

тайской классической поэзии, ключевой текст М. Хайдеггера «Бытие и время» и ряд его философских статей.

Результаты и их обсуждение

Изначальное (中) – подлинное (Eigentlich). «Открытие поистине нового может быть осуществлено лишь при способности проявлять реальность из самого Начала» [6, с. 129]. Сущность и свойства состояния изначального (что это, как оно достигается и сохраняется) являются основой содержания второй части конфуцианского канона «Чжун Юн» (中庸 «Учение о Середине» («Удержание Изначального» в переводе И. А. Канаева)) [7]. В то время как в первой части «Четверокнижия» – «Да-сюэ» (大學, «Великое учение») – прописан принцип необходимости личного совершенствования человека, во вто-

рой части (как об условии вышеуказанного) говорится о единении человека и реалий, среди которых он совершенствуется (ср. европ. *становится*). Среди, в среде, в среде как посередине – сущность «Учения о Середине» («Учения об Изначальном»).

В 1920-х гг. М. Хайдеггер, разрабатывая картину «экзистенциалов» (маркеров собственно человеческого способа бытия), в качестве основных из них выводит пару «подлинное» и «неподлинное» (в других переводах – «собственное» и «несобственное» (*Eigentlich und Uneigentlich*)) бытие. В трактовке подлинного существования, противопоставленного

¹Аналогия, проведенная И. А. Канаевым [6, с. 128].

неподлинному, используются различные критерии: «собранность», «укорененность», «упорство», «верность», но чаще всего «открытость» (*Offenheit*). У критерия «открытость» два модуса: в то время как подлинно существующий (иначе – бытийствующий) человек открыт миру, мир открыт человеку.

Мысль М. Хайдеггера об открытости как взаимопроницаемости мира (ближайшей среды и мироздания) и сущего (человека) демонстрирует цельность бытия, изначально чуждого субъект-объектным противопоставлениям. Открытость – «доверенное бытие к чему-то» [8, с. 57] – неразрывно связана с целым рядом хайдеггеровских концептов: *In-der-Welt-sein* (бытие-в-мире), *In-sein* (бытие-в), *Mit-sein* (бытие-с), *Befindlichkeit* (находимость) [9]. Внешняя странность (начертание через дефис) понятий связана прежде всего с намерением автора найти «нехоженую тропу» (*Holzwege*) в философии, возможно, плотнее приблизиться к Изначальному. Круг замкнулся: Изначальное как Середина, Середина как бытие-в-мире, Середина как бытие. Два направления мысли – древнее восточное и современное западное – встречаются здесь.

Китайская поэзия неоднократно фиксировала образные соответствия ключевым положениям традиционной философской мысли. Это есть яркий пример общности двух сфер, которую тот же М. Хайдеггер склонен был определять как общность онтологическую, предельную [10, с. 103]. Цельность и гармония сущего являются ключевым мотивом поэзии Китая, в первую очередь поэзии традиционной: *Алеют горы, потоки лазурны – во множестве сияют повсюду, / Порою встречаю сосну или дуб – все в десять они обхватов. / Войдя в поток, по камням на дне, босыми ногами иду я – / Вода шумит, журчит, несётся, ветер платье моё развеивает!..* (Хань Юй. Камни горы (в переводе В. Самошина)) [11].

Отрывок, приведенный из стихотворения поэта VIII–IX вв., демонстрирует явное отличие воссозданного единства сущего (человека и мира) от проявлений психологического параллелизма, более характерного для новой поэзии Китая, которая активно опирается на западные образцы. Психологический параллелизм фиксирует в природе настроение, ответное состоянию рефлексирующего субъекта (знаменитые верленовские строки: *Il pleure dans ton coeur / comme il pleut sur la ville...*) [12]), в то время как запечатленный факт единства прямо говорит о слиянии и тождестве: *Войдя в поток... босыми ногами...* [11].

О ключевом бытийном значении единства сущего, его укорененности в сознании человека традиционной культуры говорит многообразие воссоздания китайскими поэтами моментов единства. Так, оно может быть подчеркнуто осмысленным: *Гляжу я на*

горы, / И горы глядят на меня, / И долго глядим мы, / Друг другу не надоедая (Ли Бо, VIII в.) [13]. Бытийное единство может быть медитативным, данным в сознании безрефлексивно: *Тростник / на тихой отдели речной, / И абрикос / под тёплым ветром. / В глуши такой / зачем зазеленел он? / Ведь я уж стар, / так для кого цветёт?* (Ван Аньши, XI в.) [14]. Оно может проникать в интимную лирику: *Завидую сейчас плакучей иве, / чей белый пух летит в покои к милой...* (Ван Аньго, XI в.) [14], а также фиксировать исходный (дописьменный) опыт интимнейшего и априорного общения-единства человека и окружающего мира: *В премудростях календаря / монах-отшельник не силен, / Один опавший лист увидит – / поймёт, что осень настаёт* (Тань Гэн, XI в.) [14].

Искренность (誠) – открытость (Offenheit). Коррелят значимости хайдеггеровской категории «открытость» в конфуцианском каноне – категория «искренность». В «Чжун Юн» сказано: «Становление искренним – это Путь человека. Искренний – тот, кто без усилия пребывает в Изначальном, без стремления воплощает Порядок, молчаливо позволяет всему совершаться – таков наделенный мудростью» [6, с. 134–135]. В конфуцианстве категория «искренность» имеет приоритетное значение в воспитании юношества и отношениях старший – младший (искренность в данном случае полагается как метод).

«Для совершенствования своего сердца совершенному не нужно ничего, кроме искренности. Только искренность позволяет обрести человеколюбие и исполнить свой долг. Обладание ею делает излишними любые другие средства» [15, с. 113]. Стоит отметить, что те же принципы формулирует и «Да-сюэ».

Спонтанная самоестественность (自然, цзы жань) – здесь-бытие (Dasein). На уровне открытой расположенности, характерной для «совершенномудрого присутствия»², всему существующему предоставлено право свободно и независимо быть в своей собственной неповторимой сущности. Неслучайно в отношении к трактовке цзы жань, означающей естественность, природность (данность-таким-как-оно-есть, мог бы сказать М. Хайдеггер), школы Конфуция и Лао-цзы оказались ближе друг к другу, чем изначально себя позиционировали. Особенно заметно это в мыслительной практике представителей школы Сюань-сюэ (III в.) и неоконфуцианцев: даосское цзы жань, которое есть трансцендентная произвольность творения и воспроизведения сущего, последние дополнили социально-этическими коннотациями, восприняв его как «врожденное знание блага» и в этом смысле как «высший принцип бытия человека и мира» [16].

В то время как цзы жань относится к сущему в целом, хайдеггеровское *Dasein* является исключительно

²Позволим себе употребить такой «китайско-хайдеггеровский» конструкт.

человеческим модусом экзистенции: быть означает быть здесь и сейчас; произвольно, естественно быть расположенным, открытым, внимательным и вдумчивым ко всему. Принципиальны следующие моменты: 1) так расположенное присутствие (вариант перевода *Dasein*, намекающий на близость к сути) есть подлинное, т. е. полное, интенсивное бытие в отличие от примитивного вульгарного существования; 2) такое присутствие бережет, охраняет, хранит окружающее; 3) внимательное присутствие, замечая окружающее, будучи не равнодушным к нему, обладая мышлением и речью, выражает в этих процессах коренные (впрочем, любые) свойства самого по себе безмолвного и бессознательного окружающего, иначе говоря, побуждает его полнее, интенсивнее быть, являться. По словам М. Хайдеггера, язык – дом бытия [17, с. 192], человек – пастух бытия [17, с. 203]. Художник способен являть бытие, его место-присутствие: произведение искусства «восстанавливает мир» [10, с. 105], делает зримым «тот специфический способ и ту степень открытости, которыми данный мир открыт бытию» [18, с. 34]. Непредвзятое и произвольное, открытое и расположенное отношения позволяют увидеть (а художнику и запечатлеть) то, что М. Хайдеггер называет «полем развертости (*die Lichtung des Da*)... в котором всякое сущее распускается-расцветает в своем своеобразии» [10, с. 92].

Согласно тому, как тесно между собой взаимосвязаны мыслительные позиции, представленные в данной работе, в дополнение к рассмотренному выше принципу бытия «посередине мира» китайская классическая поэзия создала множество образцов лирики, которую (в духе М. Хайдеггера) можно назвать восстанавливающей мир. *Зелёной листвы глубокая сень – / примета летнего дня, / Беседки резной отражень в воде / маленького пруда. / Едва лишь качнулась от ветерка / прозрачной шторы хрусталь, / И в то же мгновенье разлился кругом / шиповника аромат* (Гао Пянь, IX в.) [14].

Традиция поэтического «восставления» в Китае тесно связана с традицией живописной. Приведенный пример отличается от большинства сходных тем, что изображение в нем нестатично и даже пытается вызвать обонятельные ассоциации. В основном же китайские классические поэты настолько органично воспринимали «восставление», что в реальном видели как будто уже «восставленное» – запечатленный на полотне некий распространенный мотив: *Журчит в реке стремительный поток, / цветущей сливы ветви у моста, / И тихо кружатся снежинки над водой – / как будто кто нарисовал Цзяннань!* (Чжу И, XII в.) [14]. Особенно это касается аллюзий на классические живописные мотивы «горы и воды», «цветы и птицы». Стихотворение «Снегопад над рекой», «восставляя» реальность, воспроизводит популярнейшую китайскую иконографию: *Тысячи гор вокруг, – / но птиц в них не ви-*

дать, Тысячи троп в горах, – / но ни одного следа. / Только маленький чёлн, / да старый рыбак в плаще, / Удит рыбу один, / а над рекою – снег (Лю Цзуньюань, VIII–IX вв.) [14].

Литературное произведение Ван Аньши «Свиток с изображением тигра» весьма отличается от приведенных выше, в нем проясняется один из самых важных и в то же время достаточно сложных хайдеггеровских принципов «расположения» к сущему как открывающемуся бытию:

Мельком лишь посмотрел я на него / и изумился так, что и не скажешь... / Как будто слышишь завыванье ветра, / шумящего в пожухлых тростниках, / А где-то наверху – озябших птишек / разносится пугливое стенанье. / А вот – на ветках дерева сухого / ворчливо каркает крикливая ворона, / Нагнулась к тигру, клюв свой протянув, / как будто накормить птенца собралась. / Повесьте этот живописный свиток / на стену горной хижины какой – / Отчаянный смельчак с повозки бы сошёл, / вступил бы с этим тигром в поединок! [14] (выделено нами. – Л. Ц.).

При взгляде на искусно изображенного тигра (пусть и как будто) возникает еще масса реалий, вызванных мастерством изображения реалии центральной. Однако это стереоскопическое видение, эту связь вещей, связность мира ощутит не каждый, но лишь тот, кто, по словам М. Хайдеггера, обладает «изначальной установкой переживания» [19, с. 141]. «Изначальное переживание» (*Urerlebniss*) есть переживание, абстрагированное от теоретических представлений о чем бы то ни было в пользу вовлечения в значимость этого чего-либо в своей среде и на своем месте. Именно об этом толкует знаменитая хайдеггеровская лекция о переживании кафедры (Фрайбург, февраль 1919 г.).

«Кафедра мирствует», – заявил тогда М. Хайдеггер. Иначе говоря, данная здесь (в этой аудитории) и сейчас кафедра есть то, что она представляет (сделана из того-то, размещена там-то, освещена так-то, служит для того-то и т. д.), но главное, у нее есть история. Поколения студентов с разной степенью усердия заинтересованно слушали преподавателей, стоящих за кафедрой; длинная череда профессоров и доцентов раскладывали (или не раскладывали) на ней свои записи и книги, и каждый был Личность; озвученные за этой кафедрой мысли могли бы составить огромную библиотеку. «Кафедра мирствует, что означает: она концентрирует в себе целый мир и в пространственном, и во временном смысле». В то время приват-доцент Фрайбургского университета М. Хайдеггер напоминает слушателям, чтобы они глубже поняли эту мысль, описанную в знаменитом фрагменте из книги М. Пруста «В сторону Сванна» о кусочке печенья «Мадлен»: «...окунув его в чай, герой отчетливо вспомнил мир своего детства: “Печенье “Мадлен” мирствовало”» [19, с. 143].

Тигр, запечатленный средневековым китайским живописцем, и кафедра, одушевленная немецким мыслителем XX в., говорят об одном и том же – вещах-существах, чья сущность раскрывается изначально переживательным (*Urerlebniss*) отношением к ним человека.

Вещи-существа, «десять тысяч наличного» (一万现金) – вещь (*Ding*). В Древнем Китае под словом «вещь» понимались не только предметы, но и все живые существа, включая человека. Характеризуя воззрения представителей конфуцианской школы Сюань-сюэ, Е. А. Торчинов пишет: «Все реальное – это мир вещей-сущств, “десять тысяч наличного” (вань ю). <...> Каждая вещь-существо самосуще, обладая своей собственной и притом совершенно самостоятельной природой (цзы син). Эта природа и является основанием и источником существования каждой вещи»³ [20, с. 94]. В то время, как уже было упомянуто, он считает, что вещь живет (мирствует), т. е. бытийствует, а не просто наличествует. Возникает вопрос: «Как именно она сбывается, иначе говоря, “заявляет” о себе как таковой?» (Помимо того что человек обладает изначальным переживанием этой вещи, она имеет уникальное собственное свойство объединять собой мироздание.) «Веществу, вещь дает пребыть собранию четверых – земле и небу, божествам и смертным – в односложности их самою собой единой четверицы <...> Вещью веществуется мир» [21, с. 323]. Иначе говоря, быть вещью означает ни много ни мало воплощать бытие, т. е. быть Делом. Неслучайно по-китайски со времен неоконфуцианства (у Ван Янмина, например) вещь и дело называются одинаково (事, ши). М. Хайдеггер в статье «Вещь» напоминает о происхождении немецкого слова «вещь» (*Ding*) от древненемецкого *Thing* – народное собрание, публичный процесс, дело.

Дао (道) – бытие (*Sein, Seyn*). И все же сказанное о вещах опять теряет смысл без человеческого внимания, мышления и выражения. «Величье гор отнюдь не в их вершинах, вот если в них отшельник поселился – тогда и горы славу обретают» (Лю Юйси, VIII–IX вв.) [14]. Согласно и М. Хайдеггеру, в китайской классической мысли то, что предоставляет человеку быть самому и даровать бытие осмысленному окружающему, неизъяснимо и невыразимо, но является основой (основанием): «Ничто не есть без

основания. Бытие и основание то же самое. Бытие как основывающее не имеет никакого основания, играя как бездна ту игру, которая в качестве посыла судьбы бросает нам в руки бытие и основание» [22, с. 190]. Приведем сравнение из книги «Гуаньинь-цзы» (關尹子): «О Дао нельзя говорить. Но то, без чего речь невозможна, и есть Дао. Дао нельзя мыслить. Но то, без чего мышление невозможно, и есть Дао» [22, с. 113].

В поздних работах М. Хайдеггер неслучайно заменяет в слове бытие (*Sein*) одну букву так (*Seyn*), что о нем уже как бы нельзя помыслить. В лекции «О принципе тождества» (1957) немецкий мыслитель припоминает еще одно древнейшее непередаваемое слово (греч. *Logos*), которое, как и китайское слово «Дао», все же мыслилось в основе всего [23]. В его переводах нет единообразия («слово [Бога]», «речь», «связь»). Понятие *Logos* бесконечно, беспредметно, «немыслимо», но допустимо. И допускающий его как основание (*Dao, Seyn*) есть человек, обладающий сознанием и словом, расположенный к миру искренне и открыто, признающий «своетакость» сущего, включая себя самого и себя включая в «своетакость» мира.

«Через соответствующий опыт человек реализует не только адекватное понимание реальности, но и правильное поведение», – отмечает востоковед Е. А. Торчинов, рассуждая о близости философско-практических наставлений М. Хайдеггера и китайских мудрецов [22, с. 113]. Стоит добавить: человек проявляет не только правильное поведение, но и взаимоотношения, и взаимодействие, что приближает к историчности фундаментальной онтологии и китайского классического канона. О каких бы частностях и предельностях ни рассуждал немецкий мыслитель, он всякий раз напоминает об «историческом свершении народа». Так, Конфуций (наставник правителя), формируя высоконравственное первое лицо в его взаимодействии с народом, печется о достойном будущем Поднебесной. Историчность (как концептуальное свойство общности модели *М. Хайдеггер – китайская философия*) может составить дальнейшее продуктивное исследовательское направление, в котором появится еще ряд концептуальных схождений, например сущностное родство китайского тун лэй (единства различного, 统关系) [24] и бытия-в мире как бытия-с-другими.

Заключение

Приведенный компаративный анализ конфуцианского и хайдеггеровского смыслотворчества как жизнетворчества подчеркивает их универсальный характер: рожденные «за полмира» и за тысячелетия друг от друга, они «встречаются» как символ единства исходных оснований цивилизации,

источник диалога и взаимопонимания, симпатизирующего интереса каждой культуры к культуре иной.

Прослеженные параллели позволяют четко представить, что конфуцианство у своих корней (и далее у неоконфуцианцев) есть и идеология,

³Существования, но не бытия, как отметил бы М. Хайдеггер.

и онтология, и антропология (если говорить об онтологии «субъекта»). Это важно подчеркнуть в связи с распространенным стереотипом о пренебрежении к индивидуальности в традиционном и современном Китае. Однако прослеженная сущностная параллель «своетакости» (цзы жань) всего сущего и здесь-бытия (*Dasein*) демонстрирует лишь снятие категории «индивидуализм», в то время как

индивидуальности-«своетакости» отдается приоритетное значение. По мнению автора данной работы, дальнейшее пристальное внимание к теме близости «нововременной» фундаментальной онтологии и китайского классического философствования, сохраняющего свое значение и в наши дни, даст возможность ощутить более тесные ментальные связи Запада и Востока, чем они мыслятся сейчас.

Библиографические ссылки

1. Беседин АП, Васильев ВВ, Волков ДБ, Кузнецов АВ. О чем думают российские философы? Результаты интернет-опроса. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2017;6:84–116.
2. 刘小枫. 海德格尔与中国. 上海: 华东师范大学出版社; 2017. 294 页 = Лю Сяофэн. *Хайдеггер и Китай*. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета; 2017. 294 с.
3. 江文, 王均江. 走在海德格尔的《林中路》上. 长江文艺评论 = Цзян Вэй, Ван Цзюньцзян. Прогулка по «лесным тропам» Хайдеггера. *Обзор литературы по реке Янцзы*. 2019;5:122.
4. 王庆节. 海德格尔与哲学的开端. 北京: 生活·读书; 2015. 160 页 = Ван Цинцзе. *Категория Начала у Хайдеггера*. Пекин: Жизнь. Чтение; 2015. 160 с.
5. Корнеев МЯ, Торчинов ЕА, редакторы. *Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество; 2001. 324 с.
6. Канаев ИА. Китайский классический текст «Удержание Изначального» в свете современной теории познания. *Вопросы философии*. 2018;8:127–138.
7. Конфуцианский трактат «Чжун Юн»: переводы и исследования. Лукьянов АЕ, составитель. Москва: Восточная литература; 2003. 247 с.
8. Ставцева ОИ. Очерк хайдеггеровской философии. В: Корнеев МЯ, Торчинов ЕА, редакторы. *Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество; 2001. с. 29–58.
9. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Биbihин ВВ, переводчик. Москва: Академический проект; 2013. 452 с.
10. Хайдеггер М. Исток художественного творения. В: *Работы и размышления разных лет*. Михайлов АВ, переводчик. Москва: Гнозис; 1993. с. 92–105.
11. Камни горы [Интернет]. *Переводы китайской поэзии* [проецировано 20 сентября 2021 г.]. Доступно по: <https://www.poesia.asia/2135>.
12. Verlaine P. *Il pleure dans mon coeur* [Интернет; процировано 20 сентября 2021 г.]. Доступно по: https://libweb.kpfu.ru/virt_vust/066/verlen.htm.
13. Гитович АИ. Одиноко сию в горах Цзинтиншань [Интернет]. *Китайская поэзия* [проецировано 20 сентября 2021 г.]. Доступно по: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=1438.
14. Китайская поэзия в переводах Владимира Самошина [Интернет]. *Стихи. ру* [проецировано 20 сентября 2021 г.]. Доступно по: <https://stihi.ru/2012/11/15/5812>.
15. Псху РВ, Крыштоп ЛЭ. Тема учительства и ученичества в Индии, Китае и Европе. *Вопросы философии*. 2018; 4:118–127.
16. Юркевич АГ. Цзы жань [Интернет]. *Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия* [проецировано 20 сентября 2021 г.]. Доступно по: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523722935f23f4467bc452>.
17. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. В: Биbihин ВВ, составитель. *Время и бытие: статьи и выступления*. Москва: Республика; 1993. с. 192–221.
18. Бимель В. *Мартин Хайдеггер, сам свидетельствующий о себе и своей жизни*. Челябинск: Урал LTD; 1998. 288 с.
19. Сафрански Р. *Хайдеггер. Германский мастер и его время*. Москва: Молодая гвардия; 2005. 614 с.
20. Торчинов ЕА. Вещь и вещьность в китайской и европейской философии. В: Торчинов ЕА. *Пути философии Востока и Запада: познание запредельного*. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2005. с. 85–95.
21. Хайдеггер М. Вещь. В: *Работы и размышления разных лет*. Михайлов АВ, переводчик. Москва: Гнозис; 1993. с. 316–326.
22. Торчинов ЕА. Беззаботное скитание в мире сокровенного: Хайдеггер и даосизм. В: Корнеев МЯ, Торчинов ЕА, редакторы. *Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество; 2001. с. 89–114.
23. Хайдеггер М. Тожество и различие [Интернет]. *Библиотека учебной и научной литературы*. 1997 [проецировано 20 сентября 2021 г.]. Доступно по: http://sbiblio.com/biblio/archive/haydegger_tojdestvo.
24. Стёпин ВС, Семигин ГЮ. Новая философская энциклопедия. Том первый [Интернет]. 2010 [проецировано 20 сентября 2021 г.]. Доступно по: <https://litvek.com/br/147423?p=564>.

References

1. Besedin AP, Vasiliev VV, Volkov DB, Kuznetsov AV. What do Russian philosophers think? The Internet-survey results. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2017;6:84–116. Russian.
2. Liu Xiaofeng. [Heidegger and China]. Shanghai: East China Normal University Press; 2017. 294 p. Chinese.

3. Jiang Wei, Wang Junjiang. [Walk along the «forest trails» of Heidegger]. *Review of the Yangtze River Literature*. 2019;5:122. Chinese.
4. Wang Qingjie. [Heidegger's Beginning category]. Beijing: Life. Reading; 2015. 160 p. Chinese.
5. Korneev MYa, Torchinov EA, editors. *Khaidegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitel'nosti kul'tur* [Heidegger and Eastern philosophy: the search for complementarity of cultures]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2001. 324 p. Russian.
6. Kanaev IA. Chinese classical text «Inception retaining» in light of contemporary theory of knowledge. *Voprosy filosofii*. 2018;8:127–138. Russian.
7. Lukyanov AE, compiler. *Konfutsianskii traktat «Chzhun Yun»: perevody i issledovaniya* [Confucian treatise «Zhong Yun»: translations and research]. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003. 247 p. Russian.
8. Stavtseva OI. [Essay on Heideggerian philosophy]. In: Korneev MYa, Torchinov EA, editors. *Khaidegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitel'nosti kul'tur* [Heidegger and Eastern philosophy: the search for complementarity of cultures]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2001. p. 29–58. Russian.
9. Heidegger M. *Sein und zeit*. Heilbron: Gutmann & Co.; 1967. 437 p.
Russian edition: Heidegger M. *Bytie i vremya*. Bibikhin VV, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2013. 452 p.
10. Heidegger M. [The origin of artistic creation]. In: *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Mikhailov AV, translator. Moscow: Gnozis; 1993. p. 92–105. Russian.
11. Mountain stones [Internet]. *Perevody kitaiskoi poezii* [cited 2021 September 20]. Available from: <https://www.poesia.asia/2133>. Russian.
12. Verlaine P. *Il pleure dans mon coeur* [Internet; cited 2021 September 20]. Available from: https://libweb.kpfu.ru/virt_vust/066/verlen.htm.
13. Gitovich AI. Sitting lonely in the Jingtianshan mountains [Internet]. *Kitaiskaya poeziya* [cited 2021 September 20]. Available from: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=1438. Russian.
14. Chinese poetry in translations by Vladimir Samoshin [Internet]. *Stikhi. Ru* [cited 2021 September 20]. Available from: <https://stihi.ru/2012/11/15/5812>. Russian.
15. Pshu RV, Kryshchok LE. The theme of teaching and learning in India, China and Europe. *Voprosy filosofii*. 2018;4: 118–127. Russian.
16. Yurkevich AG. Zi Ran [Internet]. *Elektronnaya biblioteka IF RAN. Novaya filosofskaya entsiklopediya* [cited 2021 September 20]. Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523722935f23f4467bc452>. Russian.
17. Heidegger M. [Letter on Humanism]. In: Bibikhin VV, compiler. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. Russian.
18. Bimel' V. *Martin Khaidegger, sam svidetel'stvuyushchii o sebe i svoei zhizni* [Martin Heidegger testifying about himself and his life]. Chelyabinsk: Ural LTD; 1998. p. 192–221. Russian.
19. Safransky R. *Khaidegger. Germanskii master i ego vremya* [Heidegger. The German master and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2005. 614 p. Russian.
20. Torchinov EA. [Thing and substance in Chinese and European philosophy]. In: Torchinov EA. *Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2005. p. 85–95.
21. Heidegger M. [Thing]. In: *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections of different years]. Mikhailov AV, translator. Moscow: Gnozis; 1993. p. 316–326. Russian.
22. Torchinov EA. [Carefree wandering in the secret world: Heidegger and Taoism]. In: Korneev MYa, Torchinov EA, editors. *Khaidegger i vostochnaya filosofiya: poiski vzaimodopolnitel'nosti kul'tur* [Heidegger and Eastern philosophy: the search for complementarity of cultures]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2001. p. 89–114. Russian.
23. Heidegger M. Identity and difference [Internet]. *Biblioteka uchebnoi i nauchnoi literatury*. 1997 [cited 2021 September 20]. Available from: http://sbiblio.com/biblio/archive/haydegger_tojdestvo. Russian.
24. Stepin VS, Semigin GYu. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom pervyi* [New encyclopedia of philosophy. Volume one] [Internet]. 2010 [cited 2021 September 20]. Available from: <https://litvek.com/br/147423?p=564>. Russian.

УДК 101:62:004+316.4

КОНВЕРГЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. БЕЛОКРЫЛОВА¹⁾, Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема социального доверия в контексте конвергентного развития информационных и социальных технологий. Доверие является основой как межличностных, так и институциональных отношений. На современном этапе наметилась тенденция к делегированию производства социального доверия технологической сфере. В Китае конвергенция информационных и социальных технологий позволила создать всеобъемлющую систему социального рейтинга, призванную обеспечить высокий уровень социального доверия в условиях модернизации общества и трансформации системы ценностей и норм. Анализируются возможные риски реализации такой системы: недостатки методологии сбора данных, монополизация контроля над системой и участниками, утечка персональных данных, человеческий фактор, замещение моральных и правовых регулятивов и формирование конформистской модели поведения. Формулируются требования, способные снизить риски использования системы социального рейтинга и сохранить ее фундаментальную установку – повышение уровня социального доверия. Определяется специфика центростремительной (китайской) и центробежной (основанной на блокчейн-технологии) моделей доверия в цифровом обществе.

Ключевые слова: информационные технологии; социальные технологии; конвергенция; доверие; социальный скоринг; система социального кредита; блокчейн.

Образец цитирования:

Белокрылова ВА, Доброродний ДГ. Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:18–26.

For citation:

Belakrylava VA, Dabrarodni DG. Convergence of social and information technologies and the problem of trust in a digital society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:18–26. Russian.

Авторы:

Вера Анатольевна Белокрылова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии.
Данила Григорьевич Доброродний – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования.

Authors:

Vera A. Belakrylava, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy.
ralfinaster@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4306-8991>
Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education.
danila_dobr@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>

CONVERGENCE OF SOCIAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES AND THE PROBLEM OF TRUST IN A DIGITAL SOCIETY

V. A. BELAKRYLAVA^a, D. G. DABRARODNI^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Corresponding author: D. G. Dabrarodni (danila_dobr@mail.ru)

The article deals with the problem of social trust in the context of convergent development of information and social technologies. Trust is the foundation of both interpersonal and institutional relationships. The trend of delegating the production of social trust to the technological sphere has emerged at the present stage. The convergence of information and social technologies has made it possible to create a comprehensive social credit system in China, designed to ensure a high level of social trust in the conditions of modernisation of society and transformation of the system of values and norms. The article analyses the possible risks of implementing such a system: shortcomings of the data collection methodology, monopolisation of control over the system and participants, leakage of personal data, the human factor, substitution of moral and legal regulations and the formation of a conformist model of behaviour. The authors formulate requirements that can reduce the risks of using the social rating system and preserve its fundamental setting – increasing the level of social trust. The specifics of centripetal (Chinese) and centrifugal (based on blockchain technology) models of trust in a digital society are determined.

Keywords: information technologies; social technologies; convergence; trust; social scoring; social credit system; blockchain.

Информационные технологии по праву считаются отличительной чертой современного общества. Более того, специфика социума, культуры, экономики и даже индивидуального сознания все чаще определяется через информационный (цифровой) атрибут (информационную культуру и потребление, цифровое государство, экономику, маркетинг, менеджмент, образование и здравоохранение). Можно утверждать, что понятия *информационный* и *цифровой* стали синонимами слова *современный*, маркерами эпохи. Однако эпохальное значение информационных технологий во многом обусловлено их конвергенцией с социальными технологиями. Обилие информационных средств и сред, глубина их интеграции в жизнь современного человека многократно усиливают возможности локальной социальной инженерии. Объектами воздействия информационных и социальных технологий становятся не только деятельность и поведение, но и мышление, эмоции, чувства, симпатии и антипатии как отдельных индивидов, так и социальных общностей различного масштаба [1]. На современном этапе информационные и социальные технологии начинают использоваться для решения фундаментальной проблемы общества – проблемы доверия.

Общество, как социальный организм, не существует без доверия, которое представляет собой подлинные «скрепы» как межличностных, так и институциональных отношений. Исторически менялись и гаранты этого общественного ресурса. Племенные, религиозные, сословные, политические взаимодействия обеспечивали воспроизводство разнообразных конструкций и механизмов доверия. Конвергенция информационных и социальных технологий заставляет вновь обратиться к феномену доверия, который неотделим от цифровизации. В данной

статье предпринимается попытка проанализировать перспективы и риски конвергенции информационных и социальных технологий в сфере обеспечения общественного порядка и повышения уровня социального доверия на примере системы социального рейтинга, которая наиболее активно реализуется в Китае.

В современном обществе социальные и информационные технологии переплелись настолько, что порой их невозможно различить и представить друг без друга. Социальные технологии формируют у субъекта определенные идеи, убеждения, линии поведения, однако решение остается в его внутренней компетенции, хотя и со значительной долей вероятности соответствует исходным целям технологии. Личные границы, ставшие для современного человека неотъемлемой составляющей психологического и социального благополучия, оказываются проницаемыми для объединенного воздействия социальных и информационных технологий. Цифровую эпоху отличает потребность в более тонком воздействии на человека, которое способно обеспечить не просто подчинение и дисциплину, а высокомотивированный труд, инициативность, эмоциональную вовлеченность и креативность.

Одним из атрибутов социальных технологий является их возникновение в результате целенаправленной деятельности, моделирующей определенные фрагменты социальной реальности (сознание, поведение, взаимодействие) в соответствии с намерениями и интересами субъекта (конструктора, социального инженера). Однако искусственность намерений и целей по аналогии с технознанием основана на теоретическом овладении объективными параметрами и характеристиками социальной среды, а также на понимании психологической кон-

ституции человека. Проектные задачи реализуются не вопреки, а благодаря объективным (естественным) параметрам исходного социального объекта сообразно его природе. А. А. Аргмакова отмечает: «Социальные “демиурги” обычно не с нуля творят реальность, а совершенствуют уже существующие практики» [2, с. 79]. Таким образом, социальные технологии информационного общества предполагают определенное окно возможностей. В связи с этим А. С. Дацюк заключает: «Любое влияние возможно, с одной стороны, на изменяющееся общество, с другой стороны, внутри его собственной перспективы, с третьей стороны, внутри его собственного культурного пространства. Попытка оказывать влияние на основании некоторого ностальгического содержания прошлого может быть некоторое время успешной, но в целом является бесперспективной, поскольку эксплуатирует отмирающие смыслы, а не создает новые» [3].

Процесс социализации внедряемых в общественную практику технологий должен оцениваться не только с позиций их эффективности, но и с позиций гуманитарной экспертизы, широкого общественного обсуждения. В частности, отдельного осмысления требуют превращенные формы социального доверия в современном цифровом пространстве. Важно избежать крайностей: редукции доверия к технологиям, с одной стороны, и сведения доверия к чисто духовным инстанциям, с другой. Ключевой проблемой является позиция агентов доверия, признаваемых обществом или по крайней мере значительной его частью. Агент доверия – это тот, кто может убедить своим авторитетом, выступить поручителем доверия людей к друг к другу, к общественным и государственным институтам. По аналогии со средствами производства можно эксплицировать средства и способы воспроизводства доверия: символические, политические и технологические. Последние, поднявшись на новый уровень развития благодаря технологической конвергенции, начинают играть ключевую роль в современном обществе.

Ярким примером конвергенции социальных и информационных технологий для обеспечения социального доверия служат рейтинговые системы, которые за счет сбора данных и ранжирования пользователей по определенным критериям обеспечивают прозрачность и предсказуемость результатов социального взаимодействия. Беспрецедентный масштаб приняла система социального рейтинга, разработанная в Китае, где возможности информационных технологий и стремление к социальному контролю, управлению поведением и мотивацией слились в одном из самых масштабных экспериментов в истории человечества.

Система социального рейтинга – это одна из версий репутационного или социального скорин-

га, который представляет собой систему оценки действий человека или организации по совокупности параметров. На основании проведенной оценки определяется доступ человека к ресурсам, товарам и услугам. В современных условиях сбор данных осуществляется при помощи передовых информационных технологий. Социальный скоринг активно используется для оценки платежеспособности клиента и рискованности сделок в банковско-финансовом секторе, а также в сферах страхования, аренды жилья, в службах знакомств, на торговых площадках, т. е. везде, где требуется дифференцированный подход к человеку в зависимости от его качеств, действий, наличия собственности и т. д. В масштабах всего общества система социального рейтинга очерчивает круг социально-экономических и политических возможностей личности. Можно утверждать, что система социального рейтинга (и социальный скоринг в целом) – это яркий пример конвергенции информационных и социальных технологий, инструмент мягкого социального управления, поскольку с его помощью происходит коррекция социальной активности личности в необходимом направлении.

Социальный скоринг может осуществляться частной компанией или государственной службой, иметь разную степень сложности и функциональности и выражаться в различной форме, но так или иначе он служит источником классифицирующей или квалифицирующей информации о субъекте. Система социального рейтинга, разработанная и принятая к реализации в Китае, представляет собой наиболее резонансный случай использования социального скоринга, вызвавший широкую дискуссию среди ученых и общественности. В настоящей статье кратко рассматриваются особенности данной системы, при этом учитывается, что полных и достоверных сведений о ее работе, методологии определения рейтинга и практики его реализации не существует. Тем не менее имеющейся информации достаточно для начала обсуждения перспектив и рисков, связанных с использованием подобных технологий.

В 2013 г. Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР выступило с инициативой о создании системы социального кредита (рейтинга доверия), которая опирается на целенаправленную государственную политику Китая по научному развитию и построению гармоничного общества. В 2007 г. были опубликованы «Некоторые замечания канцелярии Госсовета КНР о создании системы социального кредита». Первоначально данная система копировала опыт финансовых институтов западных стран в сфере социального скоринга и должна была способствовать бурному экономическому росту Китая через инструменты кредитования. В 2014 г. Государственный совет КНР обнаружил

документ «О планировании строительства системы социального доверия (2014–2020)», согласно которому значение системы социального кредита значительно повысилось. Главной ее целью стало установление атмосферы доверия в сфере государственных, экономических, социальных и юридических отношений через создание централизованной системы объективной оценки организаций и отдельных граждан. Основная задача системы состоит в том, чтобы «оправдавшие доверие пользовались всеми благами, а утратившие доверие не могли сделать ни шагу» (цит. по [4]). Таким образом, система социального скоринга, ограниченная первоначально финансово-кредитной системой, расширилась до системы социального доверия – основы «построения социалистического гармоничного общества» [5, с. 252].

Эксперимент по реализации системы социального кредита проводился в различных городах и регионах Китая. Так, например, 670 тыс. жителей г. Жунчэн (провинция Шаньдун) был присвоен стартовый рейтинг в 1000 баллов, который можно было повысить или понизить, совершая определенные действия. Законопослушный гражданин, который платит налоги, своевременно погашает кредиты, соблюдает правила дорожного движения, следует морали и выполняет социально полезные поручения, обладает высоким уровнем социального доверия, поэтому может рассчитывать на льготный кредит, социальное жилье, скидки на товары и услуги, более быстрый интернет, бронь гостиниц, билеты на самолет и скоростной поезд. Гражданин, низкий уровень социального доверия которого сформировался из-за совершенных противоправных действий, задержек в оплате жилищно-коммунальных услуг или платежей по кредитам, скандалов с соседями, развода, антиправительственной деятельности, попадает в черный список и не может рассчитывать на хорошую работу, льготный кредит и даже на аренду велосипеда. Информация о социальном рейтинге человека размещается на «доске почета» или «доске позора», указывается в его профиле, например, на сайте знакомств. По мнению Д. Б. Графова, «система социального рейтинга стала средством не только исправления недобросовестного поведения, но и инструментом социального менеджмента, который позволяет фиксировать незаконное, ненадлежащее, ненадежное поведение граждан и применять к ним автоматически дисциплинирующие меры ограничительного характера» [5, с. 252].

Закономерно, что разработкой программного обеспечения для системы социального кредита занимались такие организации, как *Ant Financial Services Group*, *Tencent* и *Alibaba Group*. Это крупнейшие компании Китая в сфере финансов и информационных технологий, которые обладают практически без-

граничными базами данных пользовательской информации. *Alibaba Group* даже разработала систему *Sesame Credit*, которая используется в отношении физических лиц – клиентов компании – и позволяет предоставлять им различные услуги в зависимости от рейтинга. *Sesame Credit* ориентирована на покупательскую активность пользователя. Ее главным поощрением является предоставление скидок и доступных кредитов на онлайн-покупки. *Tencent* – это компания, которой принадлежат два самых популярных в Китае мессенджера *Wechat* и *TencentQQ*. Синхронизация с наиболее популярными социальными сетями открывает для системы социального кредита безграничные возможности по анализу пользовательской активности. Перемещения по стране, появление в определенных местах, контакты с различными людьми, активность в комментариях, посещение информационных ресурсов – все это является основанием для оценки социальной активности личности и уровня доверия к ней, при этом отказ от социальных сетей или интернета воспринимается с подозрением и наверняка негативно скажется на рейтинге социального доверия.

В середине декабря 2016 г. Си Цзиньпин на заседании Политбюро ЦК КПК заявил: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надежности, покрывающей все общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие» (цит. по [4]).

Аналогичным образом система социального кредита действует в отношении юридических лиц. Компании и организации проходят регулярную проверку на соответствие экологическим нормам, своевременность уплаты налогов и погашения кредитов. Оцениваются условия, финансовая отчетность, участие в государственно-частном партнерстве, отзывы клиентов и т. д. На основании этих данных организации присваивается определенный рейтинг, с которым каждый желающий может ознакомиться в Национальной информационной системе публичной кредитной информации для компаний¹.

Организациям с высоким рейтингом доверия доступны кредитные и налоговые льготы, упрощенные административные процедуры и другие послабления со стороны государства. Компании с низким рейтингом не получают указанных льгот и подвергаются дополнительным лимитациям в виде запрета на эмиссию ценных бумаг, инвестиционных ограничений, дополнительного лицензирования и согласования на осуществление определенной деятельности. Таким образом, система социального кредита

¹ 全家企业信用信息公示系统 = Национальная информационная система публичной кредитной информации для компаний [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gsxt.gov.cn/index.html> (дата обращения: 06.12.2021).

способствует повышению доверия в обществе через предоставление информации о благонадежности социальных агентов. Если человек будет знать, что его сосед имеет низкий социальный рейтинг, он будет меньше ему доверять, не оставит вещи без присмотра или не одолжит деньги. Рейтинг организации будет влиять на решение партнера или клиента вступать в деловые отношения, позволит объективно оценить риски сотрудничества. По словам С. В. Решетникова и О. Е. Побережной, «...китайская система социального рейтинга... служит прекрасным примером использования возрастающих информационных технологических возможностей в социальном инжиниринге и государственном управлении. Она формирует необходимый уровень прозрачности социального поведения и повышает возможности его контроля и корректировки. По сути, процесс естественного, стихийного социального ранжирования заменяется контролируемым и направляемым процессом» [6, с. 260]. Таким образом, система социального кредита поднимает традиционную для Китая модель государственного управления, контроля и патернализма на новый технологический уровень, «обеспечивающий контроль в режиме реального времени и формирующий социально ответственное поведение в более принудительном порядке, чем идеология, право, общественная мораль или нравственность» [6, с. 261].

Очевидные перспективы системы социального рейтинга, обусловленные ускоренным развитием и внедрением информационных и социальных технологий, на наш взгляд, требуют более скрупулезного анализа рисков, связанных с ее реализацией. Главная проблема системы социального кредита для граждан – отсутствие прозрачного механизма начисления и снятия баллов рейтинга. А. Д. Трахтенберг указывает, что «единый информационный центр анализирует 160 тысяч различных параметров из 142 учреждений» [7, с. 113], но узнать, какие именно действия повысили или понизили рейтинг конкретного человека, невозможно. Это создает дополнительный ореол таинственности, вездесущности контроля и неизбежности воздаяния, однако, на наш взгляд, не способствует росту социального доверия, на который ориентирована система. Прозрачность методологии скоринга, четкость процедуры занесения в черные списки, защита от ошибки и прозрачность ее исправления способны значительно повысить доверие граждан к системе социального рейтинга.

Другая сложнейшая проблема – хранение персональных данных – является приоритетной для всех современных компаний, государств, а также для каждой личности, которая надеется сохранить тайну переписки, неприкосновенность личной жизни, защитить свои финансовые средства. Гарантом сохранности данных системы социального кредита вы-

ступает государство. Однако это не отменяет риска монополизации персональных данных и последующей коррупции. Кроме того, сведения для системы социального кредита поступают из самых разнообразных источников, среди которых как государственные организации (жилищно-коммунальные службы, органы правопорядка, налоговая инспекция и др.), так и частные компании (банки и другие кредитные учреждения, торговые площадки, социальные сети), и даже отдельные лица, которые могут сообщать об аморальном поведении гражданина (например, о том, что он не заботится о пожилых родителях). В последнем случае возможно искажение информации в личных целях (для повышения рейтинга друзей, родственников и знакомых).

И. В. Пашковская и Н. И. Валенцева считают, что «в настоящее время система репутационной оценки должна базироваться на официальных правилах и стандартах регулирования, включающих описание общих положений системы оценки, основных источников получения информации о пользователях, описание набора стимулов и ограничений, мер по защите прав и интересов участников системы, мер регулирования и содействия развитию системы оценки на перспективу, включать законодательные основы по ответственности государственных и частных учреждений, участвующих в системе репутационной оценки» [8].

Безусловно, технология социального скоринга повышает уровень ответственности за действия в цифровой среде, ставшей практически всепроникающей. Возможно, следует предупреждать человека о негативной оценке его действий, но это не снимет проблемы прозрачности его жизни. А. А. Беспалько полагает, что «в современных условиях говорить о неприкосновенности личной жизни уже бессмысленно, вся жизнь, в том числе и личная, начинает постепенно приобретать публичный характер. На первый план выходит не сам факт сбора информации, а вопрос: кто и как этой информацией будет далее пользоваться, какая информация и как долго должна храниться, кому и на каких основаниях может или должна передаваться, а также кто и как будет контролировать выполнение правил обработки информации?» [9, с. 74].

Еще один важный аспект дискуссии о рисках связан с трактовкой социального рейтинга как инструмента подчинения личности тоталитарной цифровой системе. Критики считают, что с помощью системы социального кредита правительство Китая обеспечивает повышение лояльности молодых граждан, которые иногда пренебрегают традиционными ценностями и много времени проводят в интернете. Однако надо признать, что система социального кредита не создает новой информации о человеке или организации, а обрабатывает сведения из различных источников

на основании критериев, заданных ее создателем. Проблемы неприкосновенности личной жизни и ограничения свободы обусловлены не сущностью новой технологии, а властными отношениями между людьми. Социальный рейтинг может использоваться как для укрепления авторитарного политического режима, так и для информационного обеспечения открытых рыночных отношений и современной демократии участия. Он может стать инструментом повышения доверия, защитить общество от недобропорядочных личностей (мошенников, популистов, коррупционеров) и организаций, нарушающих правовые и этические нормы или экологические стандарты.

С философской точки зрения технология социального рейтинга как мягкой силы, которая управляет поведением индивида при помощи цифрового контроля и системы бонусов и наказаний, а также всячески мотивирует его совершать социально приемлемые поступки, вызывает опасения не как политическая технология, а как универсальный регулятив человеческого поведения. Наибольший риск использования социального рейтинга связан с тем, что система позволяет человеку отказаться от необходимости осознанно искать и анализировать информацию о другом человеке или организации, принимать самостоятельные решения о выборе партнера по коммуникации, критически относиться к социальному окружению, общественному мнению и стереотипам, предвзятому отношению, а также задумываться над своим поведением и его последствиями. Социальный рейтинг редуцирует весь сложный внутренний мир, направляющий человеческое поведение, до элементарных действий в своеобразной виртуальной игре, в которой нужно следовать предписанной стратегии и ориентироваться на четко заданные указания. Существует опасность того, что система социального кредита будет способствовать формированию общества конформистов, соревнующихся в успешности приспособления под требования рейтинговой системы, серой массы «демократического большинства авторитарных индивидуумов» [10, с. 246].

Таким образом, можно констатировать, что система социального рейтинга, как технология с обширными перспективами и многочисленными рисками, требует определенной настройки. Чтобы не стать угрозой для демократического общества, она должна удовлетворять следующим требованиям:

- открытости и прозрачности методологии сбора информации и определения социального рейтинга;
- гарантии сохранности персональных данных;
- наличие четкого механизма оспаривания оценки рейтинга и возможности его коррекции;
- проведению регулярного аудита системы независимыми экспертами;

- отсутствию дискриминации по национальному, религиозному, половому, профессиональному, возрастному, политическому, социальному или имущественному признаку;

- устойчивости к попыткам повысить или понизить оценку гражданина в обход заданной методологии [9, с. 77–78].

Если обобщить тенденции по использованию информационных и социальных технологий для повышения уровня социального доверия, то в качестве двух исходных идеально-типических схем можно выделить центростремительную и центробежную модели доверия в цифровом обществе. Отметим, что данные модели лишь абстрагируют, генерализуют отличительные черты различных социотехнологических подходов к проектированию, воспроизводству и институциализации доверия в пространстве цифрового общества. В современных условиях еще ни одна из них не была реализована в полной мере. Речь скорее идет об их экспериментальной эксплуатации, последствия которой для человека и общества нуждаются в осмыслении. Цифровизация служит технологической платформой обеих моделей доверия. Однако социальные стратегии и принципы, согласно которым достигаются доверительные отношения, существенно различаются. Как показывает практика, технологические возможности пластично реализуют диаметрально противоположные социальные запросы.

Центростремительная модель (примером которой является система социального кредита, реализуемая в Китае) основана на иерархическом принципе и обладает, по сути, элитарной установкой, предполагающей наличие легитимированных и легитимирующих доверие позиций в общественной структуре. Держателям последних принадлежит структурная и символическая монополия оценки благонадежности и выдачи кредитов доверия. Центростремительная модель воплощает экзистенциальный запрос: «Спаси нас от себя самих», о котором Ф. М. Достоевский говорит устами Великого инквизитора. Законность и справедливость в рамках такой системы отождествлены по умолчанию. Сакраментальный вопрос: «А судьи кто?» – тут фактически не встает, поскольку и судья, и законодатель, и исполнитель совпадают в лице эмитента доверия.

Является ли китайская система социального рейтинга воплощением цифрового паноптикума, пусть и направленного (по мнению ее разработчиков) на благо общества? Может ли доверие считаться результатом общественного признания, если процедура его оценки, по сути, представляет собой не констатирующий, а перформативный акт? Какова вероятность того, что цифровизация станет новой технологической основой очередного витка социального отчуждения – отчуждения общества от себя как ис-

точника социального доверия? Так или иначе демократичность и эгалитаризм современных цифровых технологий не распространяются без оговорок на их социальную миссию.

В технологии блокчейн нашли свое отражение многие знаковые явления современности: децентрация социальных коммуникаций на основе цифровых платформ, распространение сетевого принципа самоорганизации далеко за пределы онлайн-реальности, запрос неолиберализма на очередной реванш и даже идеология анархии гиперпространства – ровесница интернета. Блокчейн, как современный цифровой хедлайнер, может служить иллюстрацией центробежной модели воспроизводства социального доверия. Децентрализация является главным преимуществом и гарантом устойчивости блокчейна как способа организации данных в виртуальных сетях. В отсутствие выделенного центра информация дублируется в каждом из узлов сети. Как отмечает А. Середа, «данные на блокчейне, как правило, являются открытыми и неизменными и потенциально могут считаться вечными: они будут храниться, пока существует хотя бы один узел в сети (примером такого узла может быть криптокошелек)» [11]. Некоторые авторы утверждают, что блокчейн является изобретением, следующим по значимости после интернета. «Можно ожидать существенные изменения в представлениях о социальном мире, которые будут вызваны влиянием этой “умной” технологии на человеческую практику и стандарты ее интерпретации» [11, с. 159].

Как принцип действия технологии блокчейн коррелирует с центробежной моделью доверия? Участники транзакций делегируют удостоверение и регулирование своих сделок не гарантам от власти, а технологии, алгоритму, виртуальному носителю их социальной конвенции. По мнению М. Пантыкиной, доверие – «уверенность в алгоритмизированной определенности развития событий и последовательности действий участников коммуникации, основанная на гарантиях, предоставляемых децентрализованными техническими системами, а также подчинения анонимной коллективной идентичности» [11, с.158].

Критика центристской модели создания доверия способствует продвижению ее социотехнических альтернатив. М. Пантыкина полагает, что «...одной из причин экспансии блокчейн в социальные практики следует считать необходимость преодоления девальвации доверия как социальной ценности, возникшей в последние десятилетия. А основанием популярности новой идеологии доверия – беспомощность государственных институтов в отношении вызовов тотальной неопределенности и возрастания рисков» [11, с. 161]. Ряд авторов ассоциируют структуру коммуникативных транзакций технологии блокчейн с идеологией анархизма:

это «анархические, аполитичные структуры, способные наконец подорвать порядок вещей и заменить ненадежных и недостойных доверия “человеческих агентов” в новом политическом проекте» [12]. Такому подходу противостоит скептический взгляд на освободительные возможности блокчейна.

Цифровые технологии в качестве инструментальных средств обеспечения и поддержания доверия в обществе не являются самодостаточными, социально и идеологически нейтральными ни в центристской, ни в центробежной моделях. Симптоматично, что в адрес социальных практик производства доверия (системы социального кредита и технологии блокчейн), основанных на моделях противоположной конфигурации (центристской и центробежной), выдвигаются схожие обвинения в цифровой диктатуре и репрессивной децентрализации соответственно [12].

Центристская модель, как социо- и литтехнологический фундамент доверия в обществе, представляет собой превращенную форму тотального недоверия власти к гражданам и граждан друг к другу. Основанный на блокчейне умный контракт (англ. *smart contract*) воплощает не моделирование доверия в цифровом пространстве, а его технологический эрзац. По словам М. Пантыкиной, «алгоритмическое доверие является лишь превращенной формой доверия (“не доверяющее доверию”)». Действительно, его специфика обнаруживается в том, что блокчейн превращает доверие между отдельными правовыми лицами в доверие к децентрализованным технологическим системам с их квазисушностями [11, с. 163]. Аналогичную ситуацию наблюдаем в случае с системой социального кредита, основное назначение которой – быть технологически беспристрастным залогом доверия людей друг другу. Доверие в обществе в конечном итоге оказывается функцией цифровых алгоритмов, на откуп которым отданы оценочные суждения, репутация и социальное ранжирование граждан.

Таким образом, альтернативой китайскому социодигитальному «большому брату», имеющему вполне осязаемый властный денотат в реальности, является децентрализованный виртуальный алгоритм, ставший возможным благодаря конвергентному синтезу информационных подходов и социальных стратегий. Наблюдается тенденция делегирования производства социального доверия технологической сфере.

Очевидно, что социальные технологии активно используют информационные технологии для достижения своих целей, а многие и вовсе стали возможны благодаря их развитию. В свою очередь, востребованность информационных технологий в качестве платформы эффективного и высокопродуктивного инструмента социального влияния, мягкого регулирования общественных

процессов в желаемом направлении, будь то коммерческий или государственный интерес, во многом обусловили заказ на их разработку и распространение. Конвергентное функционирование обоих видов технологий в информационную эпоху становится одновременно и внутренним драйвером их совершенствования, и источником культурных вызовов, поскольку социальные и информационные технологии не являются интеллектуальными и гуманными по умолчанию.

Конвергентная социотехнологическая реальность открывает многообещающие перспективы и одновременно становится источником вызовов и рисков. Это типично для утверждения новых технологических укладов. Консолидированная экспансия социальных и информационных технологий отличается порождением особой конвергентной среды, оказывающей экстенсивное (расширяющееся по масштабам) и интенсивное (углубляющее-

ся по степени влияния) человекомерное воздействие. Системная интеграция информационных и социальных технологий в жизнедеятельность современного общества, латентные формы их реализации актуализируют проблему гуманитарной экспертизы технологических проектов. В ракурсе внимания должны находиться границы и потенциально запретные приемы и методы, которые чреваты деструктивными последствиями. Установление ограничений применения таких технологий и методов – непосредственная задача гуманитариев. В эпоху всеобщей коммодификации дистанция между императивами эффективности и гуманизма постоянно увеличивается, а ключевым параметром технологии как таковой остается целерациональность, поэтому процесс социализации человекомерных социальных и информационных технологий должен стать предметом широкого общественного обсуждения.

Библиографические ссылки

1. Доброродный ДГ, Белокрылова ВА. Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху. *Философские науки*. 2021;64(5):71–92. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92.
2. Аргамакова АА. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия. *Эпистемология и философия науки*. 2015;4:70–84.
3. Дацюк СА. Гуманитарные технологии как инструменты влияния. *Центр гуманитарных технологий* [Интернет]. 2006 [процитировано 6 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/library/articles/2749>.
4. Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. *Московский Центр Карнеги* [Интернет]. 2017 [процитировано 6 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://carnegie.ru/commentary/71546>.
5. Графов ДБ. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания. *Власть*. 2020;28(2):250–259. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7165.
6. Решетников СВ, Побережная ОЕ. Система социального рейтинга в функционировании социального государства. В: Василевич ГА, редактор. *Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции; 3–4 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 258–263.
7. Трахтенберг АД. Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри. *Дискурс-Пи*. 2019;4: 108–118. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10407.
8. Пашковская ИВ, Валенцева НИ. Развитие системы репутационного скоринга на примере Китая и России. *Вестник Евразийской науки* [Интернет]. 2019 [процитировано 6 декабря 2021 г.];11(2). Доступно по: <https://esj.today/PDF/94ECVN219.pdf>.
9. Беспалько АА. К вопросу о критике системы социального кредита. *Systems and Management*. 2019;1(2):72–80.
10. Графов ДБ. Повышение устойчивости политической системы КНР и система социального рейтинга. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019;3:235–248.
11. Пантыкина М. Блокчейн и социальные концепты: экспозиция проблемного поля. *Социологическое обозрение*. 2019;18(1):158–187.
12. Серета А. Философия блокчейна: цифровая демократия или репрессивная децентрализация? *Лятучы ўніверсітэт* [Интернет]. 2019 [процитировано 6 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://fly-uni.org/stati/filosofija-blokcheyna-cifrovaja-demokratija-ili-repressivnaja-decentralizacija>.

References

1. Dobrorodny DG, Belokrylova VA. Convergence of information and social technologies in the digital age. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2021;64(5):71–92. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92.
2. Argamakova AA. Applied socio-humanitarian knowledge, social technologies and engineering. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2015;4:70–84. Russian.
3. Datsyuk AS. Humanitarian technologies as instruments of influence. *Centre for humanitarian technologies* [Internet]. 2006 [cited 2021 December 6]. Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/2749>. Russian.
4. Kovachich L. Big Brother 2.0. How China is building a digital dictatorship. *Carnegie Moscow centre* [Internet]. 2017 [cited 2021 December 6]. Available from: <https://carnegie.ru/commentary/71546>. Russian.
5. Grafov DB. The system of social ranking in the PRC as the information and communication technology of reward and punishment. *Vlast'*. 2020;2(28):250–259. Russian. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7165.

6. Reshetnikov SV, Poberezhnaya OE. [The social rating system in the functioning of the welfare state]. In: Vasilevich GA, editor. *Konstitutsionno-pravovye osnovy razvitiya Respubliki Belarus' kak sotsial'nogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 3–4 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Constitutional and legal foundations of the development of the Republic of Belarus as a social state in modern conditions: materials of the International scientific and practical conference; 2019 October 3–4; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 258–263. Russian.

7. Trakhtenberg AD. China's social credit system: look inside and out. *Discourse-P*. 2019;4:108–118. Russian. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10407.

8. Pashkovskaya IV, Valentseva NI. Development of reputation scoring system on the example of China and Russia. *The Eurasian Scientific Journal* [Internet]. 2019 [cited 2021 December 6];11(2). Available from: <https://esj.today/PDF/94ECVN219.pdf>. Russian.

9. Bepalko AA. On the issue of criticism of the social credit system. *Systems and Management*. 2019;1(2):72–80. Russian.

10. Grafov DB. «Social credit system» and other approaches to strengthen stability of China's political system. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019;3:235–248. Russian.

11. Pantikina M. Blockchain and social concepts: exposure of the problem field. *Russian Sociological Review*. 2019;18(1): 158–187. Russian.

12. Sereda A. Blockchain philosophy: digital democracy or repressive decentralization? *Ljatychy wniwersitjet* [Internet]. 2019 [cited 2021 December 6]. Available from: <https://fly-uni.org/stati/filosofija-blokchejna-cifrovaja-demokratija-ili-repressivnaja-decentralizacija/>. Russian.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021.
Received by editorial board 30.12.2021.

ИНКЛЮЗИЯ ПРОТИВ ПРИВИЛЕГИЙ: МОТИВЫ ЛОЯЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫМ ПОРЯДКАМ

А. И. ЕКАДУМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Лояльность домодерным и антимодернистским социокультурным стратегиям обуславливается запросом на эксклюзивные возможности, юридическую и моральную безответственность. В свою очередь лояльность современному социальному порядку, гарантирующему инклюзию, объясняется стремлением акторов к обязательному равенству возможностей. Однако инклюзивный социальный порядок создает юридические помехи и моральные проблемы в реализации притязаний на исключительные права и моральную безответственность. Мотивационные преимущества инклюзивного социального порядка на фоне стремлений к свободе от юридической ответственности и моральных обязательств являются его слабыми сторонами. Вместе с тем высокая экономическая эффективность и высокий уровень защиты от насилия, гарантированные социальными институтами зрелого модерна, не согласуются с юридически санкционированными и этически приемлемыми практиками сегрегации. Лояльность домодерным или квазитрадиционным практикам и представлениям, санкционирующим сегрегацию, возникает из-за потребности акторов в высокой моральной самооценке, а также в юридической и моральной безответственности при извлечении выгод из неравенства возможностей.

Ключевые слова: порядок открытого доступа; порядок ограниченного доступа; инклюзия; эксклюзивность; рынок лояльности; власть предложения.

INCLUSION VERSUS PRIVILEGE: MOTIVATIONS FOR LOYALTY TO SOCIAL ORDERS

A. I. EKADUMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Loyalty to pre-modern and anti-modern sociocultural strategies is motivated by the demand for exclusive opportunities, legal and moral irresponsibility, which cannot be satisfied by the institutions of mature modernity. Loyalty to the modern social order guaranteeing inclusion is motivated by the actors' desire for guaranteed equality of opportunities. However, the inclusive social order creates legal obstacles and moral problems in the realisation of claims to exclusive rights and moral irresponsibility. The motivational advantages of an inclusive social order are its weaknesses amid the aspiration for freedom from legal responsibility and moral obligations. The high economic efficiency and high level of protection from violence guaranteed by the social institutions of mature modernity, however, are inconsistent with legally sanctioned and ethically acceptable practices of segregation. The actors' need for both high moral self-esteem and legal and moral irresponsibility to benefit from unequal opportunities initiates loyalty to pre-modern or quasi-traditional practices and notions that sanction segregation.

Keywords: open access order; limited access order; inclusion; exclusivity; loyalty market; supply power.

Образец цитирования:

Екадумов АИ. Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:27–31.

For citation:

Ekadumov AI. Inclusion versus privilege: motivations for loyalty to social orders. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:27–31. Russian.

Автор:

Андрей Иванович Екадумов – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrew I. Ekadumov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. ekadumov@gmail.com

Власть становится тем прочнее, чем больше свобод она предоставляет подвластным, которые в результате делают выбор в пользу властных решений при наличии альтернатив. Данная идея, высказанная Н. Луманом [1], выступает основанием для оценки перспектив конкурирующих социокультурных моделей в динамике глобального общества. В этом контексте лояльность институтам определяется качеством реализуемой ими власти предложения, т. е. совокупностью доступных возможностей, репертуаров поведения, востребованных подвластными и согласующихся с порядком господства.

Социокультурная стратегия модернизации знаменует переход от политико-экономического режима ограниченного доступа (естественного государства), предоставляющего эксклюзивные возможности обладателям вооруженной силы и богатств, к режиму открытого доступа, характеризующемуся возрастанием инклюзивности [2].

Модернизация утверждает принцип инклюзии, что обеспечивает присоединение новых участников к обществу как совокупности коммуникативных процессов. Расширение возможности для инклюзии – фактор лояльности современным политическим институтам, подробно исследованный Д. Нормом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом [2]. Однако наличие как в модернизирующихся, так и в зрелых современных обществах стратегий демодернизации актуализирует проблему пределов лояльности современным институтам, предопределенных спецификой современного порядка. Иными словами, проблема «сосуществование – конфронтация» порядков открытого и ограниченного доступа внутри единой социокультурной системы может быть решена посредством определения присущих им возможностей мотивировать лояльность институтам, а также посредством выявления факторов дрейфа в направлении эксклюзивности или инклюзивности.

С учетом тезиса Н. Лумана о фундированности устойчивой власти совокупностью предоставляемых ею возможностей автор настоящей статьи полагает, что пределы лояльности властным практикам модерна определяются, наряду с прочими факторами, согласованностью персональных притязаний с моральным и юридическим универсализмом, а также с институционально подкрепленным морально-психологическим запросом на инклюзию. Если последовательная реализация равенства прав и расширение доступа к возможностям в социально-политической системе модерна предполагает лояльность именно универсалистской морали и равенству прав, то лояльность сословно-корпоративным юридическим и этическим системам соответствует запросу на эксклюзивность.

Власть современных институтов легитимна в контексте универсальной этики, но их эффективное функционирование противоречит реализации притязаний на исключительные возможности. Имен-

но в способности удовлетворять притязания на заведомые преимущества, безнаказанное насилие и моральную безответственность в отношении тех или иных групп или индивидов порядок открытого доступа и универсальная мораль уступают порядку ограниченного доступа и партикулярной морали. Наличие запросов на привилегии, фактические и формально гарантированные, санкционированные моральным самосознанием, – фактор лояльности антимодерным социокультурным стратегиям, политико-экономическому режиму ограниченного доступа.

Если институциональная система модерна (система открытого доступа) манифестируется в универсалистской идеологии эмансипации, предполагающей ориентацию на равенство в свободе, то антимодернизм представляет собой отказ от эмансипаторных стратегий модерна, который характеризуется игнорированием свободы другого человека. Это успешно осуществляется благодаря институциональным гарантиям неравного воздаяния за идентичные действия и усилия, а также благодаря юридически и этически санкционированной безответственности в отношении лиц и групп, не располагающих теми же эксклюзивными возможностями.

Если на глобальном рынке лояльности, где конкурируют модерн и суррогаты архаики, порядок открытого доступа предлагает адептам равенство в свободе, то порядок ограниченного доступа предоставляет гарантии эксклюзивной свободы за чужой счет.

Режим открытого доступа, защищая равенство в свободе, а именно принципы юридического и морального универсализма, тем самым навязывает равенство в ответственности. Режим ограниченного доступа допускает безответственность в отношении всех, кто не наделен достаточными привилегиями, существенно экономит моральные усилия, снижает экономические и юридические издержки. Такой режим ограничивает число лиц, которые способны на возмездие и чьи суждения могут быть приняты во внимание привилегированным актором, повлиять на его самооценку, вызвать в нем угрызения совести.

Социально-политическая инклюзия предполагает стремление к равенству в распределении рисков и вознаграждений при осуществлении схожих притязаний, в том числе моральных. Режим эксклюзивности, напротив, строится на асимметричном распределении свободы от последствий риска в пользу обладателей ресурсов насилия и богатства. Хотя в глобализирующемся обществе происходит универсализация рисков, трансформирующая прежние отношения неравенства, У. Бек рассматривает большую или меньшую подверженность рискам как четкий маркер социального положения, причем речь идет об обществе модерна, существенно обогнавшем домодерные порядки ограниченного доступа в предоставлении равных возможностей [3].

Свобода от рисков – это свобода от негативных последствий совершенного действия. Эффективная реализация универсальных обезличенных прав, свойственная режиму открытого доступа, если не устраняет асимметрию в распределении угроз и вознаграждений, то по крайней мере тяготеет к ее минимизации, умаляя эксклюзивные основания свободы от ответственности. Точно так же нарушение универсальных этических требований, прежде всего соответствующих приверженности этике запретов, по В. А. Лефевру, несет существенные угрозы моральной самооценке деятеля независимо от статуса жертв осуществленных действий [4]. Напротив, узаконенные привилегии и эксклюзивная, кастовая, сословная, корпоративная мораль перераспределяют и защищенность законом, и положительные моральные самооценки в пользу своих приверженцев-бенефициаров. Сторонник партикулярной морали и фактического юридического неравенства, занимающий выгодные социальные позиции, извлекает как властно-экономические бонусы из своего положения, так и социально-психологические выгоды из исповедуемой картины мира, в соответствии с которой люди в своих притязаниях на значимость неравноценны по природе.

Лояльность современным институтам заканчивается там, где начинается соблазн эксклюзивных возможностей. Сочетание социальных и морально-психологических бонусов, минимизирующее моральные издержки и максимизирующее выгоды от приверженности тем или иным практикам, выступает фактором институциональной лояльности.

Стремление к положительной самооценке – существенная психологическая потребность [5]. Соответственно, то, насколько удачно режимы открытого или ограниченного доступа способны ее удовлетворить, определяет лояльность этим режимам (помимо материальных мотивов). К факторам, определяющим институциональную лояльность, следует отнести как возможности повышения социального статуса, так и способность согласования поступков с выгодной моральной самооценкой и защищенностью от их негативных последствий.

Порядок открытого доступа, ориентированный на равенство в свободе, из-за механизма разрушительного созидания и институционально обеспеченной конкуренции во всех сферах влечет риски для претендентов на консервацию своего высокого статуса. Наряду с этим в морально-психологическом отношении универсалистская инклюзивная этика обесценивает моральные притязания, обеспеченные не личными достижениями, но социальной позицией. Кроме того, в условиях инклюзивного социально-политического порядка число лиц, чья моральная оценка способна приниматься во внимание и в отношении которых применяются те же этические требования, что и к себе, растет. Если всеобщие обезличенные права (и обязанности) отражают фор-

мальное равенство, нивелируя статусные позиции в отправлении правосудия, то моральный универсализм уравнивает схожие действия в их этической квалификации, независимо от статуса как морального деятеля, так и любого другого члена общества.

Хотя корпоративно-сословная этика предъявляет высокие требования к актору, число лиц, в отношении которых он обязан поступать в соответствии с принятым моральным кодексом, остается ограниченным. Пределы дозволенного и предпочтительно определяются границами каст, сословий и прочих иерархических групп с их партикулярной моралью, не распространяющейся за пределы этих сообществ. Порядок открытого доступа, помимо соблюдения равенства в правах, требует также следовать универсальной этике, фундирующей консенсус институтов. Такая инклюзивная этика санкционирует чужие притязания на равенство в свободе, автономию моральных квалификаций от статусов. Здесь социальное признание, сопряженное с высокой моральной самооценкой, не гарантируется принадлежностью к сословию, некоторой статусной группе и ее обычаям. В порядке ограниченного доступа моральный поступок универсализируется и вместе с тем индивидуализируется, поскольку лицо, в отношении которого осуществляется этически квалифицируемое действие, является не просто представителем некоторой группы с определенным репертуаром поведения, а анонимным носителем универсальных прав, уникальной самоценной личностью, равной актору в притязаниях на свободу, в том числе на свободу моральных суждений.

В инклюзивном социальном порядке претензии на богатство, власть и признание предполагают равные институциональные возможности их достижения. Эксклюзивный порядок, выстроенный как система привилегий, пропорциональных ресурсам насилия, допускает заведомые преимущества одних перед другими.

В системе открытого доступа по мере устранения социальных барьеров общественное признание, социально-экономическое и субъективное моральное возвышение (над равными в свободе) достигаются прежде всего благодаря реализации персональных усилий и талантов. Но режим ограниченного доступа способен утолять подобные притязания уже за счет наличия в иерархии тех, кто не равен в свободе претенденту на социальной и этический статус. Как отмечает Э. Аронсон, в условиях социальной сегрегации для психологического комфорта существенным оказывается наличие лиц и групп, находящихся на более низкой иерархической ступени, т. е. пораженных в правах и по умолчанию наделенных более низкой моральной оценкой безотносительно к фактическому проявлению моральных качеств [5].

Сословно-клановая мораль предоставляет своим адептам преимущества на высокую самооценку и вынесение суждений о чужих поступках в свою

пользу, поскольку лишена критерия универсальности, который учитывает уникальность чужой экзистенциальной ситуации. Категорический императив (этическая квинтэссенция инклюзивного порядка), соединяющий индивидуальное и универсальное измерения морального действия, не согласуется с этической эксклюзивностью и узаконенными привилегиями.

Порядок открытого доступа функционирует в логике созидательного разрушения, постоянного институционального самообновления, препятствующего монополизации высоких социальных позиций обладателями вооруженной силы и богатства. Порядок ограниченного доступа организуется вокруг баланса угроз, торгового обмена рент на лояльность ради максимального продления *status quo*, выгодного обладателям ресурсов насилия и богатства. Если бенефициары режима ограниченного доступа занимают достаточно высокие позиции, не предполагающие принятия рисков в борьбе за еще более высокий статус, их стратегия будет тяготеть не к личным свершениям, достижение которых может сопрягаться с рисками конкуренции, а к воспрепятствованию чужим свершениям, способным спровоцировать перераспределение ресурсов и положения в иерархии. Стратегия сохранения выгодного *status quo*, преобладающая в социокультурной системе порядка ограниченного доступа, требует сопротивления созидательному разрушению, гарантирующему воспроизводство (развитие) институтов порядка открытого доступа, недопущения равенства в свободе. В связи с этим политика и этика, оберегающие эксклюзивность, сопряжены с легитимирующими дискурсами, санкционирующими обесценивание, очевидное пренебрежение чужими притязаниями на более высокие социальные позиции и моральное признание. Традиционалистски-консервативный дискурс предоставляет адептам неравных возможностей приемлемые идеологические основания, производя натурализацию социокультурных позиций и вменяя требования жесткого статусно-ролевого соответствия. Лояльность режиму ограниченного доступа сочетается с партикулярной моралью, поскольку именно такая мораль санкционирует комфортное осуществление сегрегации.

По мере экспансии режима открытого доступа из-за производимой им смены технологий и эрозии рент прежние ресурсы насилия и богатства сокращаются. Одновременно в связи с ростом индустриальной мощи система открытого доступа развивает инклюзивные политические институты и утверждает этические образцы, усвоение которых сопряжено с обретением возможностей, предоставляемых режимом открытого доступа.

Лояльность современным институтам обеспечивается приобщенностью к новым благам, производимым в процессе созидательного разрушения, растущими гарантиями защиты, сохранением для проигравших

возможности участия в политической или экономической конкуренции.

Режим ограниченного доступа тяготеет к реализации принципа «победитель получает все», не связывая претензии бенефициаров с необходимостью достижения компромисса или консенсуса с оппонентами, оказавшимися на менее прочных позициях. Однако преимущества порядка открытого доступа, преследуемые конкурирующими элитами, победили на рынках лояльности ведущих современных держав. Режим открытого доступа позволяет более эффективно экономить насилие и производить широкодоступные блага.

Находящиеся у власти группы, как и их конкуренты, стремятся к обретению и сохранению лидирующих позиций в контроле над насилием и источниками богатства. Но институциональные условия и способы реализации этих притязаний разнятся в порядках открытого и ограниченного доступа. Для элит естественного государства конкуренция с могущественными контрэлитами опасна фатальным проигрышем в борьбе за власть и богатство (игра с нулевой суммой). Абсолютная победа здесь сопряжена с рисками абсолютного поражения и отсутствием гарантий проигравшему. Напротив, институциональные ограничения режима открытого доступа предотвращают как абсолютную победу, так и абсолютный проигрыш. Ограничение притязаний элит на консервацию своих преимуществ само выступает как институциональное преимущество, когда проигравший не теряет все и сохраняет шанс на реванш. С переходом к порядку открытого доступа война на истребление сменяется борьбой за переходящий приз. В этой более экономной в плане насилия институциональной системе универсалистская этика, не выносящая оппонента за пределы этического отношения, более приемлема, чем партикулярная, санкционирующая сегрегацию и геноцид в борьбе за абсолютную победу.

В экономическом измерении порядки открытого и закрытого доступа вполне способны к симбиозу. Наряду с эрозией рент режим открытого доступа продуцирует новые технико-экономические возможности, которыми могут воспользоваться успешные режимы ограниченного доступа. Но тесно взаимодействующие социальные порядки, ориентированные на инклюзивность либо эксклюзивность, вредоносны друг для друга. Принципиальные проблемы их сосуществования в системе транснациональной политики связаны с тем, насколько политические решения определяются требованиями этики и правового равенства. Правовая система открытого доступа предоставляет всеобщие гарантии, но не дает исключительных возможностей. Точно так же универсальная мораль санкционирует персональные притязания на значимость и равенство в достоинстве, но создает издержки, связанные с утратой эксклюзивности. Универсальная этика распространяет сферу персональ-

ной моральной ответственности на все человечество. Для рефлексирующего морального сознания это достаточно ощутимый вызов, чреватый психологическим дискомфортом от констатации персональной причастности к извлечению выгод из чужих лишений. Медийная глобальность расширяет эмоциональную вовлеченность в события без непосредственного участия в них, вносит в персональную этическую повестку глобальное измерение. Новые медиа навязывают осведомленность о последствиях причастности к институтам, производят эффект опосредованной вовлеченности в отдаленные моральные коллизии, провоцируют этическую рефлексию. Потребность в психологическом комфорте способна стимулировать запрос на партикулярную мораль, равно как и на раздельное мышление и цинично-наивное подавление рефлексии в ситуациях осознанного несоблюдения универсалистских этических установок ради извлечения персональных выгод.

Ощутимые экономические, статусные и психологические издержки, связанные с приверженностью универсалистской морали, или же ощутимые выгоды отказа от нее создают предпосылки как для примитивизации морального самосознания, подавления этической рефлексии, так и для дрейфа лояльности в направлении институтов, функционирующих на принципах эксклюзивности. Освобождение от расширенной моральной ответственности в пользу комфортной безответственности, осознанного извлечения выгод из чужих лишений – психологический бонус приверженности режиму ограниченного доступа.

Морально-психологическая заинтересованность в принятии партикуляристской этики, не приемлющей всеобщность моральной ответственности, – мотивационный ресурс для лояльности порядку ограниченного доступа, т. е. домодерным социокультурным стратегиям организации насилия и получения рент, поскольку именно институты ограниченного доступа, нормализующие сегрегацию, коррелируют с партикуляристскими морально-психологическими установками, оберегающими комфортную самооценку бенефициаров эксклюзивности. Выгодное сотрудничество с режимом открытого доступа несет порядкам ограниченного доступа угрозы отсроченной эрозии рент и дрейфа лояльности групп и лиц, чьи притязания институционально ограничены, в направлении современных институтов. Но для режима открытого доступа такое сотрудничество также несет риски, обусловленные соблазнами эксклюзивности. Взаимодействие с бенефициарами системы ограниченного доступа чревато коррумпированием участников режима открытого доступа, способных присоединиться к режиму эксклюзивных возможностей, выступая посредниками между двумя этими политико-экономическими порядками. Если фактором лояльности порядку открытого доступа выступает гарантированное равенство в свободе и ответственности, то лояльность порядку ограниченного доступа определяется перспективами осуществления привилегий, юридической и, что существенно для глубинной психологической мотивации, моральной безответственности.

Библиографические ссылки

1. Луман Н. *Власть*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Праксис; 2001. 256 с.
2. Норт Д, Уоллис Д, Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Узланер Д, Марков М, Расков Д, Раскова А, переводчики. Москва: Издательство Института Гайдара; 2011. 480 с.
3. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Седельник В, переводчик. Москва: Прогресс-Традиция; 2000. 384 с.
4. Лефевр ВА. *Алгебра совести*. Москва: Когито-Центр; 2003. 426 с.
5. Аронсон Э. *Общественное животное. Введение в социальную психологию*. Москва: Аспект Пресс; 1998. 517 с.

References

1. Luhmair N. *Macht*. Stuttgart: Lucius & Lucius Verlagsgesellschaft; 1988. 156 p.
Russian edition: Luhmair N. *Vlast'*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Praksis; 2001. 426 p.
2. North DC, Wallis JJ, Weingast BR. *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 328 p.
Russian edition: North D, Wallis J, Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Uzlaner D, Markov M, Raskov D, Raskova A, translators. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 480 p.
3. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 1986. 391 p.
Russian edition: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Sedel'nik V, translator. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 384 p.
4. Lefevr VA. *Algebra sovesti* [Algebra of conscience]. Moscow: Kogito-Tsentri; 2003. 426 p. Russian.
5. Aronson E. *Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu* [The social animal. Introduction to social psychology]. Moscow: Aspect Press; 1998. 517 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2021.
Received by editorial board 02.06.2021.

МОЖЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТАТЬ ЧЛЕНОМ ОБЩЕСТВА КАК АВТОНОМНАЯ ЛИЧНОСТЬ?

А. МЕЦ¹⁾

¹⁾Тартуский университет, ул. Юликооли, 18, 50090, г. Тарту, Эстония

Отмечается, что в результате стремительного развития искусственного интеллекта и роботостроения скоро появятся искусственные человекоподобные существа. Поднимаются вопросы о наделении их моральным статусом и юридическими правами. Предполагается, что роботы и искусственный интеллект (мозг робота) могут быть автономными агентами, личностями. Эта возможность рассматривается через сравнение машинного и человеческого мышления на разных уровнях, преимущественно с опорой на научную материалистическую аргументацию. Во-первых, анализируется существенное отличие в том, как люди и машины распознают материальные объекты и ориентируются среди них. Обосновывается, что эта способность лучше развита у машин, но при этом они не могут формировать понятия, как это делают люди. Делается вывод, что машинам не хватает базовых пространственно-временных знаний. Во-вторых, изучается социальное мышление, поскольку рассматривается возможность для роботов стать автономными членами общества, и отмечается, что некоторые аспекты социального мышления у них достаточно развиты (например, интерактивная речь). Однако некоторыми авторами оспаривается тезис о том, что автономия на самом деле необходима роботам. Также обсуждаются нейронные и феноменологические основы самости, сознания и личности, чтобы выявить некоторые дальнейшие фундаментальные вопросы, связанные с возможностью управления роботами. На основании проведенного исследования утверждается, что неорганическое существо не может быть личностью в смысле полноценной социальной субъектности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; роботы; нейронаука; когнитивная наука; сознание; личность; философия искусственного интеллекта.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Тартуского университета (грант РНВFI20930), Эстонского исследовательского совета (грант PRG462) и Европейского фонда регионального развития. Идеи, высказанные в статье, впервые были озвучены на конференции «Философия и экономика в эпоху цифровой трансформации», проходившей на базе Белорусского государственного экономического университета 15 декабря 2020 г. Автор выражает благодарность А. А. Головач за приглашение выступить на этой конференции и Д. Г. Доброродному за предложение опубликовать статью в настоящем журнале, а также Х. Хосейнпур, Н. А. Х. Абделазем Мухаммед, Дж. Б. Смит, Т. Луик и М. Раштипур за полезные обсуждения по философии искусственного интеллекта, которые легли в основу настоящей статьи.

Образец цитирования:

Мец А. Может ли искусственный интеллект стать членом общества как автономная личность? *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:32–41 (на англ.).

For citation:

Mets A. Can artificial intelligence become a member of the society as an autonomous personality? *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022; 1:32–41.

Автор:

Аве Мец – кандидат философских наук; научный сотрудник Института философии и семиотики.

Author:

Ave Mets, PhD (philosophy); researcher at the Institute of Philosophy and Semiotics.
avemets@ut.ee
<http://orcid.org/0000-0003-3105-1313>

CAN ARTIFICIAL INTELLIGENCE BECOME A MEMBER OF THE SOCIETY
AS AN AUTONOMOUS PERSONALITY?A. METS^a^aUniversity of Tartu, 18 Ülikooli Street, Tartu 50090, Estonia

The development of artificial intelligence and robotics is proceeding so rapidly that many philosophers and technologists believe them to soon become human-like beings, and consequently consider attribution of moral and legal rights to them. Such attribution presupposes that robots and artificial intelligence (robot's brain) can be autonomous agents, persons. This article discusses this possibility by comparisons of machine and human cognition on different levels, with a primarily materialist-scientific argumentation. Firstly, how humans and machines recognise and navigate the sheer material world of objects differs in essential ways. Although this is the cognition most developed in machines, they cannot form concepts like humans do, thus they lack basic spatio-temporal knowledge. Secondly, social cognition is considered, since this is the context for robots as autonomous members of the society, and some aspects of this are fairly developed in them (like interactive speech). Some authors' discussions hint that autonomy is not really desired from robots. The third part discusses the neural and phenomenal foundations of self, consciousness and personality, to bring out some further fundamental issues with the possibility of robot agency. It will be concluded that a non-organic being cannot be a locus of personality necessary for social subjectivity.

Keywords: artificial intelligence; robots; neuroscience; cognitive science; consciousness; personality; philosophy of artificial intelligence.

Acknowledgements. The work was supported by the University of Tartu (grant PHVFI20930), the Estonian Research Council grant (PRG462), the European Regional Development Fund (Centre of Excellence in Estonian Studies). The ideas expressed in this paper were first formulated for the conference «Философия и экономика в эпоху цифровой трансформации» (15 December 2020; Belarus State Economic University, Minsk). The author thanks A. A. Golovach for the invitation to present at that conference, D. G. Dabrarodni for discussion and invitation to contribute to the journal and H. Hosseinpour, N. A. H. Abdelazim Mohamed, J. B. Smith, T. Luik and M. Rashtipour for discussions on the philosophy of artificial intelligence that have informed and inspired this paper.

Introduction

I. Asimov [1] formulated three laws for robotics in 1942, the second of which reads as follows: «A robot must obey the orders given it by human beings except where such orders would conflict with the first law (i. e. cause harm to human by action or inaction – *A. M.*)», implying robots' adherence to human superiority. However, robots and artificial intelligence (AI) – the brain of robots – seem to be evolving so rapidly that philosophers and technologists-engineers are seriously discussing their status in society as its autonomous members. A widespread optimism concerning the capabilities of AI and robots, both in utopian and dystopian (or neutral) keys, is seeping from science fiction into futuristic and philosophical literature [2–7]. There is certainly some backing from real life too, such as robots performing human-like functions as a member of the board of an organisation, as a family member, as a conversation partner, and others [2], strongly impinging on the human viewer an impression of real intelligence and personality. Thus many philosophers argue that robots might have to be assigned the same moral (and legal) rights and agency, or personhood, as humans are assigned [2].

This is particularly poignant in possible cases of (moral) conflict, for instance, when having to choose between a human's rights and a robot's rights. If a robot is assigned personhood, autonomy and rights, then in such conflicts it may be preferred to the human's

rights, causing genuine suffering to the latter whereas the robot's suffering would not be genuine if it has to defer to human. The argument for robot rights often draws from the fact of past extensions of rights from free men only, to women, children and slaves, to animals, to other kinds of species and environment in general [2]. An obvious counterargument is that there is clear ontological difference between living beings and machines (see also [8]), that will be discussed in detail below.

Although D. J. Gunkel [2] discusses the option that AI could deserve rights without an ability to have them, mostly it seems that this ability is assumed implicitly. The ground for this may be that robots come to resemble humans or other living beings, they seem to have certain personal traits that are similar to human ones, such as autonomy and consciousness. This contradicts Asimov's second law which precludes robot's own initiative. Contrary to this, we do not expect that a human person always obeys all the orders that are given to them. We assume that a person is autonomous to a certain extent and they have the right to be autonomous and to initiate their own actions. Can a robot be autonomous, refuse to comply with a human order? What are the features of autonomy and is it possible to build a robot with such features, having personhood? Autonomous action in society also presupposes ethical

rules, their knowledge, understanding and adherence to them. Can artificial intelligence understand morality? Can it be conscious?

To answer the above questions, I will look at some aspects of how robots and artificial intelligence work and how they function differently from humans. This will significantly be a materialist argumentation, including cognitive neurological and other natural scientific accounts to inform the posed philosophical questions. The first section discusses the cognition of the physical

world – the world of space and objects – since this is the basis and environment of any action. It is concretely determinable by its external, measurable and numerically modellable traits; and it is most implemented and thus furthest advanced in machines by now, giving an idea of how an AI could navigate our world. This will inform the next section about the social world, learning about and coming to terms with it. In the third section, I will consider some arguments about the possibility of authenticity of artificial minds.

Cognition of the physical world

Some aspects that cognition includes are physical perception, processing of the percept into an «image» (meant also about non-visual percepts), acting upon it (thereby gaining additional percepts of its object), contextualisation and expression, memory and recollection. The European Commission High-Level Expert Group on AI (henceforth – Commission) includes similar aspects also in the definition of AI: perception of «the environment through data acquisition, interpreting the collected structured or unstructured data, reasoning on the knowledge derived from this data and deciding the best action(s) to take to achieve the given goal» [8].

Importantly, the Commission includes under AI software and possibly also hardware which act in the physical or digital dimension, meaning that AI and robots are taken on equal terms. For an important reason I consider it necessary to differentiate between robots and AI in some contexts. If (general) AI is taken to be analogous to human, as it often is, then human is thereby, perhaps unconsciously, reduced to their intelligence, the latter (again unconsciously) equated to the brain, or more accurately – cerebral cortex – in a vat: like we feed a computer with codes and data which it uses to compute a result, the cerebral cortex would analogously be fed with percepts which it is to process by its supposedly innate codes. It is true that new-born babies have some very abstract unconscious innate ideas: distinction between visual and audible, a kind of notion of number, the notion of object that takes a certain space, moves in continual manner, and can not occupy the same place as another object, etc. [9–11]. However, human is not only their cerebral cortex and not even only their brain: besides this central nervous system, we have peripheral nervous system and the whole rest of the body besides. And human intellect or mind works not disconnectedly from the rest [11–13]. Those new-borns' ideas listed above are like hypotheses that will be put to test through experiments with the external world, learning that things are weighty and fall if unbalanced, causes and effects of things, telling things' nature from creatures' nature, etc., and the development of a person's intelligence depends on the richness of its experiences with the world as a child [9]. We have those many senses to explore and interact with the physical world: besides vision and hearing we have touch, taste and smell,

proprio- and nociception (body position and pain), etc., which give us input about the world, both the environment and our own body. We also have our inner life – thoughts, feelings and emotions, influencing each other and the learning process. Importantly, we do not learn by mere passive glancing at the world but by practice, that is, bodily activity related to objects and situations, and this has a fundamental role in the development of human mind and intellect. Many of those senses and their enabled percepts and learning modes are such that an AI as a software can not be provided with their analogues but an appropriately built robot can, especially motion, relating to proprioception and handling of objects, and change of position and location and thus perspective on, and shifting of, the surrounding space and its markers.

Let us consider a simple example of cognition. When a person is familiar with one object, he is able to recognise other objects similar to it; already small children have flexibility to counter new situations [9]. For example, they see a car standing or moving, walk around it, get inside and take a lift etc., acquiring different views on it. Thereupon they will recognise other vehicles among the objects that they encounter. An AI needs to «see» millions of photographs with cars of different colours, shapes, taken from different perspectives and distances, so that its «knowledge» about machines would not depend on a small set of these properties. And still they will not recognise a toppled vehicle's underside in a car accident on the road as what it is but perhaps as a dog instead. Yet this, along with recognising regularly situated vehicles and persons, is very important for autonomous vehicles which have to recognise the traffic conditions in order to decide its tactics of moving from their current position towards the prescribed destination.

Take another example – an artificial photograph of a non-existent person. Everything looks very truthful, but the glasses' earpiece is directed towards the middle of the ear, not to its upper end where the temple should rest on the ear. The machine is not familiar with the temples and ears as objects and how they are connected; it only recognises patterns. Those patterns were obtained from photos of persons fed to the machine. A human has the ideas educated with experience with

objects not merely visually, but bodily and conceptually; even when they themselves wear no glasses, they understand how the earpieces of glasses function, namely that they have something fundamentally physical to do with ears. Humans build concepts upon their cognition and can thereupon extrapolate their knowledge to new situations.

Those were examples of AI failing in conceptualising and contextualising objects. Yet there are important differences already on the sensory and processing level which undoubtedly conditions the level discussed. On a phenomenological level, a human person *feels* the properties of objects qualitatively. The various qualities – visual, audible, tactile, etc. – are linked to the object or situation perceived and participate in the formation of a single unified concept to which they belong. In a computer, all «knowledge» enters in discretised numerical form and is stored as data – vectors of zeros and ones [14], it does not feel, does not «understand» the quality or the object as such, and does not form concepts. As seen in the above example, the machine merely «perceives» patterns which it educes from the data vectors if it has an appropriate code for doing so [15]. Also, due to concepts formed through comprehension and experience, a person recognises untruth and errors (including in data), while a computer does not. Certain learning algorithms, such as neural networks, simulate the exclusion of single erroneous data by assigning them appropriately low weights, but if errors abound, they also would include them as part of the data on the conceptual level [15].

The two «information processing devices» themselves work quite differently. The brain is constantly at work, its billions of neurons firing at once; which of the processes becomes conscious is decided randomly, by noise that enhances certain synapses to fill the workspace («an internal system [the brain], detached from the outside world, that allows us to freely entertain our private mental images and to spread them across the mind's vast array of specialised processes» [5, p. 151]) [10; 16], all this being carried out and influenced by the various chemicals in the brain. A computer, in compar-

ison, has very clear and unambiguous calculation processes: on the «sensory» level of cognition, signal versus thermal noise is determined by a threshold for the voltages determining 0 and 1 [5]. Human memory is plastic, reinventing itself, reconstructing and reinterpreting, even confabulating, past events and knowledge [10; 16]. Computer memory is fixed: an item once stored there can become defective, but not be reshaped into a different form [12]. The human cognitive extrapolation even works on the perceptual level, since the brain fills in the parts of the «image» which are not perceived due to the specificities of human perceptual organs (for instance, the retina has a blind spot, and is two-dimensional, so the spotless, three-dimensional image is inferred by the brain; [10; 16]). For analogous compensation, the AI would need additional sensing devices or special code deducting its measurement apparatus's inherent idiosyncrasies and errors.

There are robots who do have to learn mechanically about objects (including walls) and their positions, such as the robotic vacuum cleaners and self-driving cars. For this recognition they wear lidars and radars (aside with cameras, possibly), or they just bump into objects as obstacles to be circumvented. However, the measurement results obtained from those sensors provide numerical coordinates and dimensions of objects, not a concept of object per se. A robot geared with limbs and necessary sensors like gyroscopes and limb position measures can also cognise and manipulate its own «body» – robots have been taught to navigate obstacles, walk, flip in the air, etc. Such sensorimotor tasks are indeed one of the easiest to implement in computing machines, being realisable with clearly numerically definable conditions and the said sensors [17]. In humans, some aspects of intelligence, such as basic visual, verbal, and sensorimotor, need early stimulation to form, to build up the necessary synaptic networks in the brain [10; 12]. Later stimulation may not bring any result at all, or the result is very different than early obtaining both on the neural and phenomenal level, like with learning a second language. There is no such difference making in computers.

Navigating the social world

Objects are, despite the pitfalls described, relatively easy to learn. But this is only a physical-mechanical orienting in the world. For an AI (robot) to be a member of the society, it must understand the social world – recognise social situations and decide how to behave in them. It must know morality and law. How could a robot apprehend what the situation is and in which way it requires a moral assessment and decision? One might think that in a social decision-making situation, utilitarianism is the easiest to apply, since it relies on calculation, and calculation is what AI does. The robot should somehow know, firstly, the moral value of the objects (including living objects) and their relations that it en-

counters, and, secondly, the various consequences of possible actions and the values of those consequences. Those values must inescapably be expressed in numerical terms, since that is the only language that a computational machine understands (a machine can, of course, process unstructured data like text, but it does not understand it). But, as W. Wallach and C. Allen argue [18], in real life there are so many consequences and such a variety that it is unrealistic to calculate them, even for an AI. In addition, there are often important consequences in terms of social values that can not be objectively measured, or even modelled, due to their abstraction and complexity, and lack of direct relation to

measurable properties, for instance friendship, justice, or a sense of security. Some of those could perhaps be assigned some relative, conditional numerical values, possibly on the basis of the particular society or community where the robot is to operate, which would count as a type of non-exact, pragmatic measurement. However, meaningfulness of such attribution of numbers would be highly doubtful.

A person has moral rules and values that govern their behaviour. Could such rules be programmed into AI? For example, «don't lie». To do this, the AI must know the truth and its relation to what it would testify in the format of text, speech, numbers, photographs, videos, etc. For a person, as explained above, these different types of representation of the world are combined in practice as concepts. For a machine, however, they are rows of zeros and ones that do not have to coincide and be comparable at all. To make them correlate with each other, the machine must be specially taught to relate the patterns of one format with the patterns of another format, and even then it may not deduce any detailed, causal relations between them (for instance a motion of a scythe in a video format should be one-to-one accompanied by a certain bounded whirring sound; instead, it only associates the set of this type of motions with the set of that type of sounds). Relating to text format, one and the same idea or image can be described in many different ways, that human would, but a machine may not, understand to describe the same thing. A machine would also not necessarily recognise if the words make up a coherent and truth-value-capable text at all (for instance, 'Colourless green ideas sleep furiously' would make a legitimate sentence).

And consider a situation in which one would have to lie: in Nazi Germany, people hide Jews in their homes and the Gestapo comes and asks: «are there any Jews here?» Could AI know that in such a situation the rule «don't lie» does not apply, as doesn't Asimov's second law? More mundane situations can be thought of where a true or accurate response is not required or adequate, for instance such questions as 'Do I look ok?' or 'Did it taste good?' (the latter even inapplicable to a machine «person»). Such are fine nuances and distinctions of ethics, morality, and etiquette, and generally in social-cultural interaction, which are even demanding to learn for a human person; an AI, a straightforward number cruncher, can not make such distinctions (see also [19; 20] about the blindness of the big data machines to the reality, and its neglect, behind numbers).

The robot does what it is commanded according to how it is built and programmed. If it does not, this is considered a technical defect. In principle, it is possible to program a robot to disobey certain orders, but then it is the engineer who decides which orders to obey and which not, and the robot is not autonomous. It is also possible to make disobedience independent of the will of the engineer: for instance, when the robot realises

that it was given an order and that it is able to perform as ordered, then a random function is activated which decides whether to obey the order or not. Yet, human disobedience, their free will, is not random, but deliberated, dependent on previous experience [5]. A person has their own thoughts, feelings, preferences, goals, values, based on which they decide to refuse to comply with an order that is contrary to their goals and values. Is a robot capable of acquiring, for example, through machine learning, any understanding of morality and personality, or will such a possibility become too narrow, causing overfitting (over-specialisation to narrow conditions [15]) and an inability to extrapolate data?

A person's goals and values are linked to how they are «composed». They are a biological creature in need of air, water, food, sleep, etc.; they feel these needs bodily. They are a mental – intellectual and emotional – being; they need self-awareness, self-development, security, companionship, etc. (many of such needs also felt bodily). They can suffer and be ill physically and mentally. These circumstances constitute an important basis for their values and behaviour, which are aimed at, or comprise, one's (and possibly others') bodily and mental self-preservation, integrity and advancement. If a robot is to learn behaviour on the basis of its composition, which would be adequate for its needs and necessary for its autonomy, the result will differ markedly from human behaviour. It becomes «aware» of itself and its needs via built-in sensors, but the corresponding «knowledge» must be programmed in it. For example, he will know when his battery needs to be charged; if it doesn't act upon the reaching of the respective threshold in time, its battery will die and it loses the possibility to signal the need of recharging. Current computers do this and other rudimentary introspection («disk space, memory integrity, or internal conflicts» [5, p. 238]). But even if it is not charged, the robot will not suffer any such ill effects as pain or distress from this, as a person does due to lack of food and sleep or other adverse conditions. And those machine needs are still only material and mechanical. It can be built and programmed to express intellectual and emotional traits (ability to speak, grimaces), but this is a simulation and again made by engineers.

From a functionalist perspective, S. Dehaene [5] considers computers' introspection to yet miss «three critical functions» that distinguish them from humans: flexible communication, plasticity and autonomy. Flexible communication means that one program's output becomes input for the entire organism at all times (it enters the workspace). This must be understood to include both sensory as well as rational-social input, or better: percepts interpreted in physically and socially relevant and appropriate ways. Plasticity means the system adapts to the input information and its environment and itself with the help of a brain-like learning algorithm. Contemporarily, AIs have the risk to overfit to a set of training data, disabling it to adequately process

new incoming information. Autonomy means that it has «its own value system to decide which data are worthy of slow conscious examination in the global workspace. Spontaneous activity would constantly let random “thoughts” enter the workspace, where they would be retained or rejected depending on the adequacy to the organism’s basic goals. Even in the absence of inputs, a serial stream of fluctuating internal states would arise» [5, p. 239]. Without human intervention, the machine should be able to set its own goals. This would allegedly lead to an artificial consciousness.

As members of human society, robots would be expected to pay heed to human values and behavioural norms, not to harm humans and the rest of the environment. Obviously, its goals should not counteract human existence. It is in no position to extrapolate this from his own state and needs. If it has the proper «organs» for perceiving and processing information – sensors such as a camera, microphone, etc., and learning codes (for example, neural networks) – it could in principle learn patterns of behaviour. There are caveats, however. Firstly, it would again need a huge sample of regular examples to come to perceive some kind of regularity; it can not learn from small samples and extrapolate [9]. Moreover, as with the glasses’ temple and ear, and the scythe and whirring, so it will be with the causes of behaviour: the machine has not even a concept of causality, not to mention the ins and outs of a specific behaviour, its connections with human nature and social norms. To a certain extent, perhaps, they could be programmed with a description of their environment’s needs and be attached appropriate sensors, for example: a living person must be in an atmosphere which consists of 21 % oxygen, 78 % nitrogen, etc., supported by solid ground, excluding professional swimmers during certain motions of swimming, etc. It already transpires that the number of such rules and their exceptions exceeds the possibilities of implementation, since, in principle, there are infinitely many possible situations, not to mention the socially significant situations, pregnant with cultural meanings, whose «mechanical» configuration, but not the moral and social significance, may be accessible to a sentient machine.

Nevertheless, many engineers are optimistic about robots achieving a general intelligence and exceeding humans with their abilities, thus possibly rendering humans obsolete. Why would anyone need such robots – what were the aim of creating them? J. Agar [21] discerns three AI categories according to their purposes (A, B and C): A – advanced automation (aims: practical and technological); C – computer based central nervous sys-

tem or «computer based studies of the central nervous system» (aims: fundamental, biological); B – bridge and building robots; later basic research in AI (intelligence theory). B should bridge the two sides A and C, or implement a model of the nervous system in practice, automate it. C will be scrutinised in the next section; here let us consider some social context of those purposes.

Thus far, both robots and AI are tools used for performing narrow tasks – category A, such as assembling cars, helping social workers with heavy duty (like lifting disabled people), planting or searching for mines on a battle field, sex services, etc., with the former; heavy and complex computational labour (big data based questions) like interpreting stacks of files or data for detecting features in organisms, landscapes, natural language, «human resource», etc., with the latter. Moral issues have arisen in both, for instance the infamous AI Twitter account Tay who learned racist slurs, or autonomous cars which have to take prompt decisions in difficult situations (see also [19; 20] about tools as less autonomous AI systems, which could in principle become parts of general AI’s cognitive systems). But why we would need a robotically embodied general AI who may be detrimental to human life? Besides the technocratic curiosity to try out what human being is capable of in terms of divine creation, one answer proposed is to offer companionship. It would be a replacement of human companionship for people with impaired sociability, for instance, or in pursuit of an ideal companion [6; 7]. This is an age-old desire already reflected in folk songs as «making a soul out of copper», to have a perfect life partner.

The robot as a companion would adapt to its human’s character by learning from them or being programmed for them, and because we choose our companions according to our character. With real people, who have their own character, aims, and life story at least partly independently of their cohabitants, this character stays and will play a part in forming their relationships, including causing frictions. The main aim of choosing an artificial companion is that it is, or can be made, perfect, hence it must not cause frictions, and hence it is not allowed to have character traits unpleasant to their human companion. If they are made more human-like, with their weaknesses, to render them more relatable [7], those would be chosen such as are more tolerable to their human companion. Thus they are not a truly autonomous general AI. Furthermore, required to perfectly align with the human, they are not a true other, since they are there for the human convenience only, for offering possibly constant emotional labour [6], thus they would still be mere tools.

Authenticity of mind and self

According to D. C. Dennett [4], differentiating AI from natural (human) intelligence leans on the Cartesian dualism of mind and body (which he denounces): since a machine is a mere matter, has no soul or

mind, it can not be compared to human. This distinction, however, need not at all lean on dualism but can be drawn from pure materialism (P. L. Núñez [22] even reckons dualism to be consistent with materialism). Hu-

mans and computers consist of very different materials which can not function in exactly the same ways, in contrast to what some authors have claimed. The claim has been that it does not matter whether we build life out of carbon or of silicon [5; 23], they are both in the same group in the periodic table, closely related, and possess to some extent similar properties. However, there is a good reason why such a huge and ever expanding branch of chemistry as organic chemistry or carbon chemistry (and further, biochemistry) exists. Carbon is a very special chemical element, with quite distinct properties. Whereas most elements manifest varying valencies depending on which other substances and in which conditions they react, then carbon has a fairly constant valency of 4. Due to this and to the stability of bonds between its own atoms, it is able to form exceptionally stable catenations of a variety of lengths, and cyclic (aromatic) compounds, with widely varying structures, properties and capacities [24]. Those are the compounds that compose and run living nature, including the brain.

S. Dehaene [5] strongly believes that computers will be able to simulate the brain to the extent that artificial consciousness, a sentient robot, will be possible. His claim is founded on his own *in silico* experiments concerning unconscious and conscious perception, where even the constant unconscious activity of the brain (see also [16]) could be simulated, and the random emergence of conscious processes out of the unconscious ones [5]. This is relevant because intelligence is associated with what human is conscious or aware of, and it only manifests in conscious beings. Our conscious subjective experiences are understood to build up our personalities and life-world, feeding into our autonomy and morality; and our on-going activity depends on what and how we are conscious of. On a theoretical level, S. Dehaene defines consciousness as a process: «...consciousness reduces to what the workspace does: it makes relevant information globally accessible and flexibly broadcasts it to a variety of brain systems» [5, p. 154]. On an operational-technical level, consciousness has two signatures: firstly, «the sudden activation» of the «anatomical network of interconnected high-level areas, involving primarily the prefrontal and parietal lobes»; and secondly, the P3 wave, «a large positive voltage that peaks at the top of the scalp», due to «many more neurons [being] inhibited than... activated (during conscious perception – S. D.), all these positive voltages end up forming a large wave on the head» [5, p. 157, 165]. This means that the different apparatuses – functional magnetic resonance imaging, electroencephalograph and magnetoencephalography interact with the brain's magnetic and electric properties and translate them into certain kinds of images (of maps, lines, dots), conveying this particular information about the brain activity.

Is the mind or consciousness really mere (electromagnetic) information (flow)? What is information?

S. Dehaene takes it to be what the apparatuses of reading brains give us signs of: electrical signatures of brain activity, read out by those apparatuses. According to information theory [14], which is a mathematical-logical theory, information is both physical, being encoded by a signal, and abstract, carrying a message. But just as no imaging method provides the full account of the brain, each only showing some aspect of it [25], so each physical means provides just some aspects of the message to be conveyed. There is no isomorphism between the physical and the abstract facets; for instance, when speech is written down, the script is like a model of the speech, conveying the abstract message, but not many other aspects, such as the variety of sounds (different pronunciations of the same letter), rhythm and pace, tone and timbre of the speaker's voice, etc., which provide other kinds of information about the physical situation. The computational message carrier conveying the brain's activity only captures some aspects of it, the voltages or frequencies. Although the computer itself functions due to voltage differences which move the electrons carrying the message, this can not ground the comparison, since this should then also ground comparisons to any other electrical device, or even the grid itself. In the brain the part of the picture concerning voltage differences inducing flux is analogous [12; 26], but the carriers of the charge – and of the message – are chemical: ions, amino acids, proteins and others – hundreds of different neurotransmitters. The various neurochemicals have many tasks in the brain and body: determining feelings and emotions, regulating daily rhythms of wake, sleep, nourishment, etc. This can not inhere in a computer. The computer can only encode an impoverished picture of all that is going on in the brain (and body) (see also [22]).

Computer-simulating the brain is like simulating any other real world system, i. e. an experiment *in silico*. Any action of the ions and proteins must be simulated by code; and those actions, and those of the different parts of the brain, are diverse, participating in varying combinations in different effects [12]. Even if consciousness is indeed successfully simulated, as S. Dehaene reports, can it be a general AI? Will it be intelligent, for instance, in the sense as the narrow artificial intelligence is intelligent now (which some thinkers do not even consider as intelligence, e. g. [9]), by doing what is its task – and it would have a general set of tasks – immeasurably more efficiently than human would do it? Would such an ability rise from its simulating human consciousness; that is, would it be the bridging (category B) AI described by J. Agar [21]? Or will it merely imitate, on computational basis, being a human being, doing things in the same way as humans do, thinking, remembering, feeling and perceiving, sleep-dreaming and exploring like humans do?

When for instance chemical reactions or weather or climate are simulated on a computer, we do not say

that computer becomes the system it simulates, it does not become those chemical substances and their interaction, or weather or climate. It is still only a computational machine which helps us assess the models we build about real world systems and make predictions by calculations and simulations on the basis of those models. Why then should we say that it becomes conscious(ness) when it simulates consciousness, or intelligent when it simulates intelligence? It is a model that captures some (informational) aspects of the modelled part of the world, but the world itself is more than the particular set of interactions it has with this set of apparatus: it is the matter it «consists of» and all its multifarious properties and interactions with the world, including those that can not be uniquely and unambiguously measured, modelled and calculated. When a computer, by the simulation, yields readings similar to the signature of consciousness or some process of the brain, this is a mathematical-numerical similarity, analogous to implementing one and the same mathematical function in descriptions of very different real world systems (whose measurement is then also expected to yield similar patterns accordingly), in which case we do not say that those systems are ontologically similar because of their numerical similarity.

In general, intelligence has many different aspects, some of which can be more easily computationally simulated or implemented (logical-mathematical, bodily-kinaesthetic), others less (visual-spatial, interpersonal, discussed in previous sections, and linguistic), and some not at all (creative, intrapersonal) [17]. Those mostly concern the conscious experiences meant in the above discussion, although many of them are learned and trained so thoroughly by humans that they need not put any conscious effort into achieving them. The last mentioned – intrapersonal intelligence – is what concerns mind and self, human as a moral and reflexive personality, most intimately. Let us consider two further points in this regard, that I would call self-consciousness and holism of personality.

The described notion of consciousness as manifested by the P3 wave is only one of many different notions of consciousness discerned and discussed in cognitive and neuroscientific literature [27; 28]. N. Block [27] calls the P3 wave-related aspect, where a stimulus reaches the global workspace, access-consciousness, and discerns it from phenomenality, in which case a stimulus may not reach the global workspace (but can nonetheless affect a person's decisions even remaining unconscious [5; 22]) and reflexive consciousness, which means ability to reflect upon some details of what was perceived. However, a distinction important from the perspective of mind and personality is consciousness of one's self, versus consciousness of something external. Although those are philosophically not clearly separable, since we are always already situated with respect to the external world and learn about ourselves in and

through this situatedness environmentally and socially, usually one perceives oneself as lying under those perceptions and gathering them as one persistent subject. Thus A. Morin [28] presents various models of levels of consciousness, in which the levels constituting the self are self-awareness (focussing attention on self; processing private and public self-information) and meta-self-awareness (being aware that one is self-aware). Even if those aspects of self could be neurally describable and modellable, for instance, perhaps, via the homunculus (the parts in the brain mapping the different body parts), or mirror neurons via which we mirror the other person (as the meta-self-awareness includes awareness of other people being aware of oneself), or some other configurations, the phenomenological facet of the self is in itself intimate and inherently subjective.

D. J. Chalmers [23] writes about subjective experience as the particular sensations accessible only to the first person, such as the brightness of this blue colour or the intensity of this feeling of pain that one may be experiencing at a certain time. (I surmise this problem can be extended to purely mental internal world of a person too, such as reminiscences or ideations, as causing subjective experience.) He discerns the problem of subjectivity as a hard problem from the «easy» problems of physical counterpart of perception, studied by cognitive and neurosciences, easy due to their objective material observability and measurability (see also [22]). Yet, D. J. Chalmers still deems information in the information-theoretic sense to possibly be a fundamental concept for a corresponding theory (which would open it for information-technological exploration), contradicting his own contention that subjective consciousness is a basic, irreducible term. This would presuppose comparability of those purely subjective experiences, since information is an abstract, objective, digitisable, hence countable-measurable notion. Subjectivity must somehow be expressed as symbols carrying messages that can be read by some entity external to the issuer of those messages. This is contradiction in terms, since what was originally meant was exactly the subjective, non-externalisable, hence non-comparable aspect of consciousness (comparison premises the possibility to juxtapose the objects to be compared). This can again only yield knowledge about the same aspects of consciousness that cognitive sciences already study. Even if some informational facet of the subjective consciousness, that is, measurable either with the brain imaging technologies or psychological questionnaires, renderable by a scientific model, is identical between two persons, they are still separate organisms and separate persons (see also [12; 29] about impossibility of identity of persons). There is a fundamental gap between persons in a sense in which another person will always remain transcendent to oneself. No such gap exists between computers, who can exchange information without loss.

The notion of subjective experience has been criticised [5] as spurious, since brain images can show us mental states, which, according to this approach, is the subjective experience. However, we also know that one and the same stimulus, which presumably translates as one and the same pattern of brain activity in different people, can call forth very different reactions and feelings of pleasure or distaste or indifference. This «how something feels the way it does to me» is the sort of subjectivity that we may not be able to convey transpersonally and technologically.

Holism is meant in both the above mentioned sense that a human being is not a mere brain but includes the rest of the body, as well as as beings with sensed spatio-temporal finitude, extension and situatedness, with their life stories and memories (also T. Viik [6] underlines this). It does not necessarily mean integrity of personality, whose obvious exceptions are certain mental disorders; it must also be kept in mind that divergences occur to even the spatio-temporal and bodily holism, often accompanying certain brain damages (e. g. stroke; see [29]). Influenced by feelings and emotions (realised by the neurotransmitters), the brain evolves with the activities practiced and experiences gained [11–12], starting with the bodily and emotional parts of the brain, and working towards the more abstract parts realising meanings, associations, generalisations and reasoning [12]. Those experiences form and continuously shape both the person's life story (a diachronic aspect) as well as their repertoire of states of mind, the different aspects of intelligence and spirituality (a synchronic aspect). This essentially includes conceptual or symbolic (linguistic) cognition of oneself and one's surroundings, which is fundamentally social and normative [13; 28]. S. Greenfield [12] even suggests that the self *is* mind, as

opposed to emotions, since emotions are linked to the connectedness to the external world (neurologically: domination of local brain circuits), and hence to disconnectedness from one's own mind (the large neuron assemblies; see also [29]). However, under personality we usually also include one's preferences with respect to, and reactions to, sensory stimuli, such as tastes, sounds, colours, etc. Greenfield's self may be construed as in opposition to the surroundings, to which our senses and attending to them connects us, manifesting one's sensual personality versus intellectual personality.

Particularly this intimate intellectual phenomenological aspect, the existential mind, the apprehension of temporality and fragility of human life and experience, childhood and mortality [6], is what we consider most human. Although computers can also break down, software outdates and hardware wears out, this is not comparable to human fragility. Software and hardware can, with little effort, be replaced with their equals and the machine will work just the same as before. Human mind and organism, if broken, take a lot of time to heal and may retain scars, or irredeemably succumb to fate. Human life stories are intimate parts of them (unless they are severe amnesiacs), their dispositions, creativity and moods inspire them to initiate short and long term projects involving themselves, others and their closer and farther surroundings. Computers have no stories of their «life» and development, childhood memories or hopes and expectations for «life». If an AI does confabulate something out of what they have learned from a set of informational units, this is not intimate to them. They are not selves. And those mental, spiritual, emotional selves are important aspects in which AI could not fully understand a human being and human society.

Conclusions and perspectives

The types of perception and processing of information in humans and robots differ both qualitatively and quantitatively. A robot or AI can receive data (not perceive or feel properties) and find regularities or surface patterns in them, and it is able to do so quickly and in huge quantities. But it has no comprehension of concepts, such as thingness and causality. This basic perceptual difference gives clues about more complex aspects of being human: self, personality and sociality, which include dynamic memory and apprehension, autonomous sociality and morality. An AI can be made to imitate various facets of those human being and doings, even creating artwork, but those are mere simulations of isolated phenomena, not aspects of one and the same self in the sense as a human person has various bodily, intellectual, spiritual, etc., aspects. It takes a specific kind of organic being to give rise to such diverse sets of manifestations of mind and consciousness.

The preceding discussion is necessarily of narrow scope both in the sense that many human characteristics, as well as exceptions to human functioning in

a society could not be taken into account. For instance, mostly normal, average neuro-typical human persons were given as comparison to AI, whereas there are many different conditions which render human experience very much different from this, to which I could only hint cursorily. Many such cases are described in [11; 22; 29; 30]. For instance, whereas most people can walk without conscious effort and do something else all the while, like converse or enjoy a scenery, then people who have lost proprioception or some other precondition for normal motion need to fully concentrate on walking, this activity requiring their full conscious energy. Another comparison that I could not even hint at are moral digressions such as sociopathy and others, meaning that not only machines but also human beings can fail to function as social and moral beings and severely disrupt society. Even just normal people are not always socially perfect. Also the various ways in which an individual is dependent on the society and hence not fully autonomous could not be discussed.

Another branching theme I could not delve into is the various definitions of both intelligence and consciousness. For instance, an alternative understanding of intelligence encompasses a being's (an organism's) ability to adapt to external conditions and survive (and thrive). Obviously organisms may find themselves in adverse conditions called «danger» which threaten their lives or integrity, which is not yet a reason to deem them unintelligent. So with this qualification in mind, machines could also be considered intelligent for the conditions for which they have been created. However, this applies to any tool which serves its purpose well enough. Different kinds of consciousness, or a spectrum thereof, could be thought of as applying to other organisms besides human, with different kinds of nervous system (possibly lacking a central nervous system altogether) and analogously extended to machines. However, those are still organic beings, not mere electrical devices. But if consciousness presup-

poses organicity, or minimally at least nerve cells, there is some progress in connecting them to technology. Examples are electronic implants, electronically working prosthetic limbs reacting to the wearer's neural signals, and scientific experiments with single neurons linked to electrodes. This, however, is yet far from a human-like mind, which emerges with a hundred billion neurons. This is yet unrealisable in laboratory conditions.

Even if robots will not resemble humans in any substantial way, this does not warrant a legitimacy of bad behaviour in their presence. When or if they become sufficiently good learners, they may be able to learn behavioural patterns as normal both between living beings, as well as towards them. Treating them with respect may therefore be necessary for a purely precautionary cause, so they would learn respectful treatment of other beings, but also as a virtue ethical exercise for their human companions.

References

1. Asimov I. Runaround. *Astounding Science Fiction*. 1942;29(1):94–103.
2. Gunkel DJ. *Robot Rights*. Cambridge: London: MIT Press; 2018. 256 p.
3. Alexandre L. *La guerre des intelligences. Intelligence artificielle versus intelligence humaine*. Paris: JC Lattès; 2017. 250 p.
4. Dennett DC. *From bacteria to bach and back. The evolution of minds*. New York: W. W. Norton & Company; 2017. 496 p.
5. Dehaene S. *Consciousness and the brain: deciphering how the brain codes our thoughts*. New York: Viking Press; 2014. 346 p.
6. Viik T. Falling in love with robots: a phenomenological study of experiencing technological alterities. *Paladyn Journal of Behavioral Robotics*. 2020;11(1):52–65. DOI: 10.1515/pjbr-2020-0005.
7. Coeckelbergh M. Artificial companions: empathy and vulnerability mirroring in human-robot relations. *Studies in Ethics, Law, and Technology*. 2010;4(3):1–17. DOI: 10.2202/1941-6008.1126.
8. Kerikmäe T, Mürsepp P, Pihl HM, Hamulak O, Kocharyan H. Legal person- or agenthood of artificial intelligence technologies. *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum*. 2020;8(2):73–92. DOI: 10.11590/abhps.2020.2.05.
9. Dehaene S, Yann Le Cun, Girardon J. *La plus belle histoire de l'intelligence*. Paris: Robert Laffont; 2019. 288 p.
10. Vishton PM. *Understanding the secrets of human perception*. Chantilly: The Great Courses; 2011. 488 p.
11. Wang S. *Neuroscience of everyday life*. Chantilly: The Great Courses; 2010. 608 p.
12. Greenfield S. *The private life of the brain*. London: Penguin Books; 2002. 258 p.
13. Miller DL. *George Herbert Mead. Self, language, and the world*. Austin: University of Texas Press; 1973. 280 p.
14. Schumacher B. *The science of information from language to black holes*. Chantilly: The Great Courses; 2015. 362 p.
15. Mueller JP, Massaron L. *Deep learning for dummies*. Hoboken: John Wiley and Sons Inc.; 2019. 368 p.
16. Viskontas I. *Brain myths exploded. Lessons from neuroscience*. Chantilly: The Great Courses; 2017. 232 p.
17. Mueller JP, Massaron L. *Artificial intelligence for dummies*. Hoboken: John Wiley and Sons Inc., 2018. 339 p.
18. Wallach W, Allen C. *Moral machines. Teaching robots right from wrong*. New York: Oxford University Press; 2009. 275 p.
19. Zweig K. *Ein Algorithmus hat kein Taktgefühl. Wo künstliche Intelligenz sich irrt, warum uns das betrifft und was wir dagegen tun können*. München: Heyne Verlag; 2019. 320 p.
20. O'Neil C. *Weapons of math destruction. How big data increases inequality and threatens democracy*. New York: Crown Publishers; 2016. 272p.
21. Agar J. What is science for? The Lighthill report on artificial intelligence reinterpreted. *British Journal of the History of Science*. 2020;53(3):289–310. DOI: 10.1017/S0007087420000230.
22. Núñez PL. *The new science of consciousness: exploring the complexity of brain, mind, and self*. Amherst: Prometheus Books; 2016. 350 p.
23. Chalmers DJ. The puzzle of conscious experience. *Scientific American Special Edition*. 2002;12(1):90–100.
24. Cotton FA, Wilkinson G, Murillo CA, Bochmann M. *Advanced inorganic chemistry*. New York: John Wiley and Sons Inc.; 1999. 1376 p.
25. Giere RN. *Scientific perspectivism*. Chicago: University of Chicago Press; 2006. 160 p.
26. Heller HC. *Secrets of sleep science: from dreams to disorders*. Chantilly: The Great Courses; 2013. 462 p.
27. Block N. Paradox and cross purposes in recent work on consciousness. *Cognition*. 2001;79(1–2):197–219. DOI: 10.1016/S0010-0277(00)00129-5.
28. Morin A. Levels of consciousness and self-awareness: a comparison and integration of various neurocognitive views. *Consciousness and Cognition*. 2006;15(2):358–371. DOI: 10.1016/j.concog.2005.09.006.
29. Bolte Taylor J. *My stroke of insight: a brain scientist's personal journey*. New York: Viking; 2008. 192 p.
30. Sacks O. *The man who mistook his wife for a hat*. London: Picador; 1985. 233 p.

Received by editorial board 28.06.2021.

УДК 101.1:316.7(043.3)

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ДИВЕРГЕНЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Е. В. РАДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются современные тенденции социодинамики, проявляющиеся в дивергенции мирового сообщества в условиях глобализации. Решающую роль в этих тенденциях играют современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые образуют синергетическое единство с культурой. Для его обозначения в работе используется концепт «культурно-информационное пространство», который демонстрирует интегральное взаимодействие культуры и ИКТ как результат глобализации. Именно посредством новых высоких технологий глобализация оказывает влияние на культуру и демонстрирует актуальный тренд своего развития – дивергенцию современного общества, которая проявляется в таких различных нестабильных и неустойчивых состояниях мирового целого, как национальные и религиозно-этнические противостояния, военные конфликты (на примере работы Дж. Фридмана), а также гибридные конфликты, становящиеся неотъемлемым атрибутом современного социума. Особое внимание уделяется информационным и кибернетическим войнам как области гибридных конфликтов, которые являются закономерным результатом развития ИКТ в условиях глобализации.

Ключевые слова: культура; информация; культурно-информационное пространство; дивергенция; информационно-коммуникационные технологии; глобализация; гибридная война; информационная война; кибервойна.

CULTURAL AND INFORMATION SPACE AND DIVERGENCE OF MODERN SOCIETIES

E. V. RADEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the study of modern trends in sociodynamics, which are appeared in the divergence of the world community in the context of globalisation. The decisive role is played by modern information and communication technologies (ICT), which form a synergistic unity with culture. To designate such unity, the work uses the concept of «cultural and information space», which demonstrates the integral interaction of culture and ICT, as a result of globalisation. It is through modern high technologies that globalisation affects culture and demonstrates a new trend in its development – the divergence of modern society, which manifests itself in various unstable and unsteady conditions of the world whole such as national and religious-ethnic confrontations, military conflicts (on the example of J. Friedman's work), as well as hybrid conflicts that are becoming an integral attribute of modern society. Special attention is paid to information and cyber wars, as a manifestation of hybrid conflicts, which are a natural result of the development of ICT in the context of globalisation.

Keywords: culture; information; cultural and information space; divergence; information and communication technologies; globalisation; hybrid war; information war; cyber war.

Образец цитирования:

Радевич ЕВ. Культурно-информационное пространство и дивергенция современных обществ. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;1:42–48.

For citation:

Radevich EV. Cultural and information space and divergence of modern societies. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:42–48. Russian.

Автор:

Екатерина Владимировна Радевич – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Ekaterina V. Radevich, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
katrin_frol@mail.ru

«Конец XX – начало XXI в. ознаменовались существенными трансформациями, произошедшими в социокультурном пространстве современности. Для построения научной картины современного социума и решения стоящих перед ним сложнейших проблем необходима разработка инновационных методов и стратегий исследования, которая должна осуществляться на уровне философской рефлексии. Объектом научного исследования сегодня становятся комплексные проблемы, требующие такого же комплексного, междисциплинарного подхода к их изучению. Поэтому особую значимость на современном этапе имеют научно-исследовательские проекты, реализующиеся на стыке различных дисциплин и направлений с использованием инновационных методологических подходов. Феномен глобализации культуры и конституирующая роль ИКТ в процессе ее реализации, безусловно, относится к таким комплексным проблемам, требующим системного философского осмысления» [1, с. 1]. Особого внимания сегодня заслуживает новый тренд глобализационных изменений – появление ярко выраженной дивергенции в современном обществе. Одним из ключевых факторов данной тенденции является образование в условиях глобализации единого пространства культуры и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), т. е. культурно-информационного пространства социума. Такое пространство, как результат интегрального взаимодействия культуры и ИКТ в условиях глобализации, является объектом настоящего исследования, а дивергенция современного общества, как результат данного взаимодействия, выступает предметом исследования. Цель исследования – выявить основные факторы дивергенции на современном этапе глобализации. Для реализации поставленной цели необходимо решить основные задачи: 1) эксплицитно понятие «культурно-информационное пространство»; 2) выделить основные тенденции в развитии современного глобального общества, которые выявляют дивергентную направленность его социодинамики; 3) определить понятие гибридных войн как одного из ключевых факторов дивергенции современного общества. Для решения поставленных задач в статье используются следующие методы: метод интерпретирующего анализа, позволяющий критически осмыслить основные тенденции современных социокультурных трансформаций; семантический метод, который необходим для четкого определения таких значимых понятий для данного исследования, как культурно-информационное пространство, дивергенция, гибридная война и др.; метод системного анализа, позволяющий рассматривать культуру и ИКТ как единую систему, посредством которых осуществляются все глобальные изменения в современном обществе.

Актуальные информационные технологии формируют особую среду, которая включает в себя технико-технологические, информационно-компьютерные, программные составляющие, медиаресурсы, и в единстве с культурой как духовной сферой образуют культурно-информационное пространство современного общества.

Новый этап глобализации культуры связан с применением ИКТ. В настоящее время все глобальные трансформации происходят благодаря высоким технологиям, что, в свою очередь, влияет на соответствующие изменения культурно-информационного пространства социума. Глобализация на данном этапе социокультурного развития не столько выражается в сфере экономики или политико-институциональном аспекте, сколько оказывается возможной в результате кооперативного взаимодействия культуры и ИКТ, посредством которого осуществляется глобальный синтез культурно-информационного пространства современного общества.

Образуя синергетическое единство и демонстрируя кооперативный эффект взаимодействия ИКТ и культуры, концепт «культурно-информационное пространство» дает возможность понять многие современные процессы, происходящие в обществе. Нелинейный и непредсказуемый характер глобальных трансформаций, вызванных случайными флуктуациями, обуславливает их динамичность, спонтанность и неустойчивость, способствуя переходу на новый уровень самоорганизации. Современные дивергентные процессы, происходящие в мире, являются прямым подтверждением принципа неустойчивости, наглядно демонстрирующего, что общество находится в точке бифуркации, от которой пойдет новый отсчет существования социальной системы.

При анализе текущей ситуации в обществе невозможно игнорировать тенденции, определяющие облик мирового пространства. Речь прежде всего идет о тех процессах, которые свидетельствуют о реальной дивергенции мирового сообщества, в то время как информационный контекст происходящих социальных трансформаций зачастую играет решающую роль. Как было отмечено ранее, появление новых информационно-компьютерных технологий существенным образом повлияло на культуру, а также определило характер взаимодействия между людьми в современном мире как на микроуровне (межличностном), так и на макроуровне (международном). Увеличение рискогенности и неустойчивости социума становится основной предпосылкой дивергенции мирового пространства.

«Анализ таких нестабильных и потенциально конфликтогенных регионов осуществляет в своей знаковой работе “Горячие точки: геополитика, кризис и будущее мира” американский экономист

и политолог Дж. Фридман. Оставаясь уверенным в том, что США были и есть единственными мировыми лидерами, Дж. Фридман акцентирует особое внимание как на актуальных конфликтах, которые происходят сегодня в мире (война в Сирии, внутренний раскол Украины, столкновения между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах и др.), так и на потенциально возможных, которые по тем или иным причинам находятся в латентном состоянии, но при определенных условиях рискуют стать точками военного противостояния. Подробно анализируя историческое прошлое Европы и все те проблемы, с которыми она столкнулась за последнее столетие, автор приходит к выводу, что уже на сегодняшний день «Европа перенаселена и фрагментирована». Огромные потоки мигрантов, а также «затухшие», но не погасшие конфликты, которые никуда не исчезли, дают основание политологу утверждать, что пограничные зоны – это «горячие точки». Кроме того, мировой финансовый кризис, который начался в 2008 году, привел к ухудшению экономической ситуации во всем Евросоюзе и росту безработицы. Это также увеличивает социальное напряжение и ведет к дестабилизации общества. Более того, старые конфликты между враждующими соседями на Балканах и Кавказе» [2, с. 83–84], которые временно были затухшими, опять стали горячими точками.

Факты, приведенные Дж. Фридманом, наглядно демонстрируют, что «проект создания единого мира в целом является утопичным и поэтому потерпел фиаско» [2, с. 84]. Таким образом, в последние десятилетия XX в. набирает популярность доктрина мультикультурализма, которая предполагает равнозначное существование различных локальных культурных образований и даже признание культуры, «привнесенной» извне, равной по статусу с местной. Однако массовая миграция арабо-мусульманского населения в Европу, по утверждениям Дж. Фридмана, отнюдь не показывала то, что принцип мультикультурализма был реализован на практике. Такая ситуация вызвала реакцию в виде сепаратизма и нарастания внутреннего недовольства местного европейского населения. Обобщая все вышеперечисленные факты, Дж. Фридман делает следующий вывод: «...в последние годы европейские общества претерпели значительные изменения своего внутреннего устройства. Открытая дифференциация населения по культурным и религиозным признакам, которая отчетливо проявляется в одежде и манере поведения, привела к серьезной дестабилизации отдельных городов и даже стран» [3, с. 333].

Разительные отличия присутствуют между европейским севером и югом в их менталитете, определяющем отношения людей к жизни, работе (автор отмечает природную неорганизованность, отсутствие трудолюбия южан), семейным и религиозным ценностям и др. Таким образом, можно зафиксиро-

вать раскол между этими частями Европы, который имеет давнюю историю, но в данный момент обостряется. В то же время напряженность растет и внутри самих стран – участниц ЕС. Это связано с тем, что рядовое население считает выгодным существование ЕС только для богатой и правящей элиты, а для среднего класса оно означает необходимость больше работать и платить все возрастающие налоги, чтобы поддерживать существование союза. Широкие массы людей начинают скептически, а иногда даже враждебно относиться к идее существования ЕС. Все вышеперечисленное только усиливает фрагментарность и раздробленность Европы. К этому стоит добавить увеличение миграции мусульманских беженцев, которые еще больше дестабилизируют ситуацию.

В результате вся Евразия раскалывается и фрагментируется по национальным или этнически религиозным признакам. Даже островное государство – Великобритания – не стало исключением. Решение о его выходе из состава Евросоюза свидетельствует о нарастающей дивергенции мирового целого и распаде целостности Европы. Присутствует и внутренний раскол Великобритании – все больше усиливается движение за независимость Шотландии, о чем свидетельствовал проведенный референдум, на котором 45 % граждан проголосовали за отделение страны от Великобритании [2, с. 84].

Данные кризисные ситуации являются закономерным следствием процессов глобализации. Оптимистичная оценка данного феномена на этапе генезиса первых теорий была обусловлена экономическим детерминизмом, который акцентировал внимание на снятии всех национальных, государственных и территориальных ограничений для перемещения финансов и капиталов, а также на главенствующей роли транснациональной компании на международной экономической и политической арене. Таким образом, делался следующий вывод: формирование единого мирового экономического пространства ведет к культурной конвергенции, унифицирующей этнокультурные особенности. Данному процессу способствует создание единого информационного пространства, которое усиливает взаимодействие и культурный обмен между различными людьми и сообществами. Однако актуальная социокультурная ситуация демонстрирует обратную тенденцию, когда на фоне экономической и информационной конвергенции происходят национальная, этническая и религиозная дивергенции, а также локализация, фрагментация и дифференциация общества по вышеперечисленным признакам, на что указывают не только зарубежные исследователи, но и российские ученые. В частности, А. Л. Сафонов отмечает, что «реальные процессы глобализации, вопреки логике экономического детерминизма, неожиданно пошли в сторону цивилизационной,

этнической и конфессиональной дивергенции и фрагментации. На первый план все чаще выходят глобальные угрозы социального порядка, связанные с трансформацией системообразующих социальных общностей, в частности национальных и этнических» [4]. Это обстоятельство заставляет посмотреть на вопрос глобального моделирования с иной точки зрения. Для того чтобы выстроить интегральную модель социокультурной динамики, необходимо учитывать не только глобальные угрозы (экологические и сырьевые проблемы), демографическую ситуацию и экономический кризис, но и социальные проблемы, которые проявляются в кризисе гражданских наций, их фрагментации на этнические и конфессиональные сообщества. Глобализация в силу своей специфики обусловила становление не единого, гомогенного общества и породила всеобщий социальный кризис, который под действием процессов экономической, идеологической и информационной глобализации стал всепроникающим и обрел мультифакторный характер. Таким образом, сегодня наблюдается ситуация не глобального единения мирового социума, а глобального противоборства и усиления конфликтогенности. Как отмечает А. Л. Сафонов, «вопреки ожиданиям, экономическая глобализация с ее конвергентной направленностью ведет к нарастанию этнокультурной дивергенции, отражающей обострение социальной конкуренции за жизненно важные ресурсы, объективно обусловленное углублением мирового ресурсно-демографического кризиса» [5, с. 48–49].

Однако дивергентные процессы, происходящие на данный момент в мире, не сводятся исключительно к национальным и этническим конфликтам, которые существовали веками. Обострение старых и возгорание новых очагов противостояния неизбежно связаны с информационным полем, которое окружает то или иное событие, и с тем, как оно преподносится для всей мировой общественности средствами массовой информации и средствами массовой коммуникации. Многие современные конфликты являются результатом информационных и даже гибридных войн.

Под гибридной войной понимается такое противостояние, при котором «противник одновременно использует комбинацию военных, политических, экономических, социальных и информационных средств; а также обычных и нетрадиционных, террористических, разрушительных и криминальных методов борьбы, включая как государственные, так и негосударственные субъекты»¹ [6]. В качестве примера гибридной войны в зарубежной литературе часто приводят войну Израиля с Ливаном, в ходе которой правительственным войскам противостояла

неправительственная группировка «Хезболла», во многих странах признанная террористической.

Исследователи обращают внимание на то, что данная группировка не является просто военной организацией. Она содержит в себе политические, социальные, дипломатические и информационные каналы воздействия, обеспечивающие поддержку местного населения: оказание гуманитарной, медицинской помощи, строительство инфраструктуры, обучение ливанцев и другие меры, которые в совокупности с военными операциями позволили противостоять правительственным войскам Израиля. В данный конфликт были вовлечены субъекты официальных государственных армий и неправительственные силы. Сам конфликт оказывает влияние на всю политику международных отношений. В частности, военная операция в Ливане рассматривалась, во-первых, как провокация со стороны Сирии и Ирана, а во-вторых, как предварительная акция перед военной кампанией США в Иране. По мнению Дж. Маккуэна, «для победы в гибридных войнах необходимо добиться успеха в трех решающих битвах: на обычном поле битвы, поле битвы с коренным населением и на международной арене» [7, р. 107].

Примером гибридного противника выступает организация «Талибан» в Афганистане, которая использовала целый спектр методов для захвата власти, в результате чего, подобно группировке «Хезболла», стала государством в государстве и создала теневое правительство в Афганистане [8]. В настоящее время, как известно, движение «Талибан» полностью захватило власть в Афганистане в связи с выводом американских войск из данной территории.

Для того чтобы эксплицировать основные характеристики гибридных войн и конфликтов, необходимо разграничить их и наиболее традиционные типы войн. В зарубежной литературе выделяют следующие виды приемов ведения войны:

- обычная (конвенциональная) война, в которой участвуют два и более государства и используют национальную армию для достижения политических и военных целей. Участники конфликта следуют традиционным правилам ведения войны, чего ожидают и от противника;

- нерегулярная (нетрадиционная) война предполагает борьбу государственных и негосударственных субъектов за установление влияния на какой-либо территории. Стороны нерегулярной войны часто прибегают к асимметричным подходам ведения военных действий, но в полной мере могут использовать боевые и военные средства для подавления силы, мощности и воли противника. Нерегулярные войны включают в себя акты терроризма, мятежи,

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. В.

диверсии и другие нерегулярные методы противостояния, а также соответствующие контрмеры;

- асимметричная война ведется между неравными по силе противниками. Слабая сторона наносит удары по наиболее уязвимым сторонам сильного соперника, опираясь на эффект неожиданности и непредсказуемости. Применяются различные нетрадиционные (нерегулярные) тактики, партизанская война и др. [8, р. 12, 213].

Один из первых теоретиков концепции гибридной войны, специалист в области военно-политического стратегического планирования и вооруженных конфликтов Ф. Г. Хоффман отмечает, что «гибридные угрозы инкорпорируют различные способы ведения войны, включая конвенциональные (традиционные) возможности и нетрадиционные (нерегулярные) тактики, террористические акты, в том числе беспорядочное насилие и принуждение, а также криминальные беспорядки» [9, р. 8]. Гибридные войны могут проводиться как отдельными государствами, так и множеством негосударственных акторов. По мнению Ф. Г. Хоффмана, эти мультимодальные действия осуществляются отдельными объединениями или одним и тем же, но в целом координируются и управляются внутри главного пространства ведения боевых действий. Все вышеперечисленное делается для достижения комплексного эффекта в рамках физического и психологического измерений конфликта. Этот эффект может быть достигнут на любых уровнях войны.

В гибридной войне применяются не только открытые вооруженные противостояния, но и нетрадиционные средства борьбы, к которым относятся партизанские движения, скрытые диверсии, террористические акты, психологические войны, поддержка неправительственных организаций и движений, подкуп местного населения и др. Гибридная война не всегда предполагает официальное объявление войны. В данном контексте очевидно, что гибридная война – явление отнюдь не новое в истории человечества и она включает в себя нерегулярную и асимметричную войну, в связи с чем следует отметить «размытость» категориального аппарата этой проблемы как в зарубежной, так и в русскоязычной литературе. Однако для текущего этапа социокультурного развития характерно появление принципиально новых средств ведения гибридных войн – информационных и кибернетических войн. Данному аспекту межгосударственного противостояния уделяется недостаточное внимание в современных исследованиях гибридных конфликтов (только указывается его наличие). Большинство современных конфликтов происходят не только на традиционном поле боя, но и прежде всего в информационном и кибернетическом пространстве. Ф. Г. Хоффман отмечает, что конфликты будущего все больше носят смешанный, мультимодальный характер: «Обычные

и нерегулярные силы, военные и не участвующие в боевых операциях и даже физическое (кинетическое) и виртуальное измерение конфликта становятся размытыми» [9, р. 57].

Российские исследователи В. Н. Акулинин и Н. С. Епифанова, анализируя концепцию гибридного противостояния, выделяют такие «нетрадиционные средства, которые используются в ходе гибридной войны и проводятся в различных пространствах:

- информационном (средства массовой информации, интернет-пространство);
- киберпространстве (применение технически сложных компьютерных программ, нацеленных на нанесение ущерба крупным промышленным предприятиям и другим стратегически важным объектам, а также специальных программ-шпионов против конкретных государственных и промышленных объектов в целях получения информации о закрытых разработках, в том числе в оборонно-промышленном комплексе);
- дипломатическом (традиционная форма политического противоборства);
- внутривнутриполитическом (использование любых имеющихся противоречий в обществе противника – от религиозных и межэтнических конфликтов до столкновений между спортивными болельщиками);
- экономическом (применение экономических и финансовых санкций и контрсанкций, ослабление противника в ключевых секторах экономики, организация “управляемого краха” на рынке национальной валюты и т. п.)» [10, с. 55].

Именно информационное и кибернетическое пространство, как поля для различного рода гибридных конфликтов, представляют наибольший интерес в контексте данного исследования. Киберпространство – это область анонимности, не ограниченная территориально, доступная в любой точке мира, с бесконечными возможностями оказывать влияние на отдельных людей и целые нации, которые зависят от информационных технологий. В отличие от войн, где используют кинетическое оружие, кибератаки не наносят физического ущерба, но повреждают информационную безопасность компьютерной системы. Киберпространство дает большое количество возможностей навредить противнику. В частности, западные общества, в том числе их военнослужащие, стали очень зависимы от киберпространства. Проведение банковских операций, использование телефонных сетей, управление воздушным движением, логистическими сетями, эксплуатация заводов или атомных электростанций – все это становится сферой применения ИКТ. Таким образом, в киберпространстве может осуществляться целый спектр опасных действий: кибервандализм (распространение вирусных программ), киберпреступность (совершение противоправных действий с помощью ИКТ),

кибершпионаж, кибертерроризм, тактические и стратегические кибервойны и др.

В значительной степени многие современные военные и политические конфликты и противостояния являются следствием действий в киберпространстве или, по крайней мере, зависят от них. События «арабской весны», которые дали начало волне революций в арабском мире, произошли из-за активного использования социальных медиа и интернета. Забастовки и демонстрации, а также вооруженные восстания в Иране, Тунисе, Египте, Ливии, Ливане, Саудовской Аравии, Ираке и Йемене, Алжире и Судане стали свидетельством того, что мир стоит на грани раскола, который начинает носить глобальный характер. Дивергентные процессы, происходящие не только в арабо-мусульманском мире, но и в западной цивилизации, дают возможность говорить о том, что они масштабны.

Таким образом, гибридные войны, а точнее их современное воплощение – информационные и кибернетические войны, – это закономерный результат глобализации, поскольку, как было отмечено ранее, появление и развитие ИКТ стали возможными именно в результате процессов глобализации. В свою очередь, использование современных технологий формирует новый контекст международных взаимоотношений, которые должны выстраиваться с учетом данного фактора.

«Описанные выше события, которые происходят в течение последних лет, наглядно демонстрируют наличие реальных процессов дивергенции, в результате которых мир оказался на грани раскола. События “арабской весны”, украинский кризис, военная операция в Сирии, брексит Великобритании (как пример невоенного распада целостности Евросоюза), стремление к отделению Каталонии и выхода из состава Испании, гибридная война США и России, миграционный кризис в Европе, увеличение количества террористических актов, информационные и кибервойны являются прямыми доказательствами дивергенции мирового сообщества, как на Западе, так и на Востоке. На фоне экономической конвергенции и снятия торговых барьеров, преодоления пространственных ограничений благодаря ИКТ, в то же время наблюдается ярко выраженная тенденция локализации и партикуляризма» [2, с. 85]. «Реальные процессы глобализации, вопреки разрушению экономических и географических границ, формирующих локальные общности, неожиданно пошли в сторону цивилизационной, этнической и конфессиональной дивергенции» [10, с. 18]. Дивергенция становится основной тенденцией глобализации на современном этапе социальной динамики и касается прежде всего культурных, этнических и религиозных противоречий, которые только усиливаются под действием современных технологий в культурно-

информационном пространстве. Глобализация превращается из процесса становления глобальной конвергентной культуры «в глобализацию системного цивилизационного кризиса, охватывающего все мировое сообщество. В результате глобализация, как глобальный системный кризис, объединяет мир-систему не через единство интересов и ценностей, а через всеобщность конфликта субъектов мирового развития, интересы которых объективно антагонистичны» [5, с. 68].

На основании проведенного исследования были сделаны выводы. На современном этапе социодинамики культура и ИКТ образуют синергетическое единство, которое включает в себя как технико-технологическую составляющую (компьютеры, программное обеспечение, интернет и др.), информационные ресурсы, так и саму культуру как духовную сферу жизни общества, фундаментом которой выступает система ценностей. Все это объединяется в условиях глобализации и образует культурно-информационное пространство социума.

Были выделены тенденции современной социодинамики, которые свидетельствуют о реальной дивергенции мирового сообщества: увеличение рискогенности и нестабильности социума, усиление военных конфликтов, национальных и религиозно-этнических противостояний, миграционного кризиса в Европе. Происходят локализация, фрагментация и дифференциация общества по вышеназванным признакам. Таким образом, то, что раньше считалось издержками глобализации, своеобразными побочными эффектами процесса становления глобального мирового единства, сегодня становится сущностной характеристикой феномена глобализации. Современный этап социодинамики, который все чаще определяется как постглобализация, характеризуется сменой конвергентных тенденций (экономических, этнокультурных, идеологических и др.), дивергентными процессами фрагментации и дифференциации мировой социальной системы. Глобализация обусловила становление не единого, гомогенного общества и породила общий социальный кризис, который под действием процессов экономической, идеологической и информационной глобализации стал всепроникающим и обрел мультифакторный характер.

Важнейшим фактором дивергенции современного общества является появление новых форм противостояния, к которым относят гибридные войны, а точнее их современное воплощение – информационные и кибернетические войны. Эти новые способы ведения конфликтов являются закономерным результатом процесса глобализации, благодаря которой происходит развитие ИКТ. Такие технологии становятся средством ведения информационных и кибернетических войн.

Библиографические ссылки

1. Радевич ЕВ. *Глобализация культурно-информационного пространства как фактор дивергенции современных обществ* [диссертация]. Минск: БГУ; 2018. 161 с.
2. Радевич ЕВ. Дивергенция современных обществ как результат интегрального взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и процессов. *Труды БГТУ. Серия 6. История. Философия*. 2018;2:81–87.
3. Фридман Дж. «Горячие» точки: геополитика, кризис и будущее мира. Строганов Д, переводчик. Санкт-Петербург: Питер Пресс; 2016. 398 с.
4. Сафонов АЛ. Этническая фрагментация наций в эпоху глобализации: социально-философские аспекты. *Философская мысль* [Интернет] 2015 [протитировано 13 апреля 2018 г.];6. Доступно по: http://e-notabene.ru/fr/article_15796.html.
5. Сафонов АЛ. *Глобализация: структура, сущность и атрибуты*. Москва: МГИУ; 2014. 101 с.
6. Glenn RW. Thoughts on «hybrid» conflict [Internet]. *Small Wars Journal* [cited 2018 April 13]. Available from: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>.
7. McCuen J. Hybrid wars. *Military. Review*. 2008;2:107–113.
8. Huovinen K-P. Hezbollah and Taliban – hybrid adversaries in contemporary conflicts? [Internet; cited 2018 April 12]. Available from: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/92639/Y2622_HuovinenKPO_YEK56.pdf.
9. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies; 2007. 72 p.
10. Акулинин ВН, Епифанова НС. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015;36:53–60.

References

1. Radevich EV. *Globalizatsiya kul'turno-informatsionnogo prostranstva kak faktor divergentsii sovremennykh obshchestv* [Globalization of the cultural and information space as a factor in the divergence of modern societies] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 161 p. Russian.
2. Radevich EV. Divergence of modern societies as a result of the integral interated of information and communication technologies and the processes globalisation. *Trudy BSTU. Series 6. History. Philosophy*. 2018;2:81–87. Russian.
3. Friedman J. «Goryachie» tochki: geopolitika, krizis i budushchee mira [«Hot» spots: geopolitics, crisis and the future of the world]. Stroganov D, translator. Saint Petersburg: Peter Press; 2016. 398 p. Russian.
4. Safonov AL. [Ethnic fragmentation of nations in the era of globalisation: social and philosophical aspects]. *Filosofskaya mysl'* [Internet]. 2015 [cited 2018 April 13];6. Available from: http://e-notabene.ru/fr/article_15796.html. Russian.
5. Safonov AL. *Globalizatsiya: struktura, sushchnost' i atributy* [Globalization: structure, essence and attributes]. Moscow: Moscow State Industrial University; 2014. 101 p. Russian.
6. Glenn RW. Thoughts on «hybrid» conflict [Internet]. *Small Wars Journal* [cited 2018 April 13]. Available from: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>.
7. McCuen J. Hybrid wars. *Military. Review*. 2008;2:107–113.
8. Huovinen K-P. Hezbollah and Taliban – hybrid adversaries in contemporary conflicts? [Internet; cited 2018 April 12]. Available from: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/92639/Y2622_HuovinenKPO_YEK56.pdf.
9. Hoffman FG. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. 72 p.
10. Akulinin VN, Epifanova NS. The concept of hybrid warfare in the practice of inter-state confrontation. *National Interests: Priorities and Security*. 2015;36:53–60. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2021.
Received by editorial board 02.06.2021.

УДК 101.1:316.3(476)+101.1316.324.8+101.1:316.752(476)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СТРУКТУРЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю. В. ДЕДОЛКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы структура, основные факторы формирования социального капитала, а также предпосылки возникновения его концепции в современном обществознании. Выявлены структурные элементы социального капитала, их место в системе нематериальных ресурсов общества. Выделены и охарактеризованы основные проекции исследуемого капитала (социетальные, аксиологические и институциональные) и их параметры. Обоснован значимый статус социального капитала в условиях перехода общества на постиндустриальный этап развития (П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, Д. М. Булышко, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман, И. Зеленков, В. Т. Новиков). Произведен системный анализ динамики социального капитала современного белорусского общества.

Ключевые слова: социальный капитал; общество; институты; ценности; нормы; традиции; доверие; сотрудничество; солидарность; сплоченность.

AXIOLOGICAL STATUS OF SOCIAL CAPITAL IN THE STRUCTURE OF INTANGIBLE RESOURCES OF CONTEMPORARY SOCIETY

J. V. DEDOLKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses the structure, the main factors in the formation of social capital, as well as the prerequisites for the emergence of its concept in modern social science. Structural elements of social capital, their place in the system of intangible resources of society are revealed. The article author has distinguished and characterised the basic projections of social capital (societal, axiological and institutional) and their parameters. The significant status of social capital in the transition of contemporary society to the post-industrial stage context had substantiated (P. Bourdieu, J. Coleman, R. Putnam, F. Fukuyama, D. M. Bulynko, A. N. Danilov, D. G. Rotman, A. I. Zelenkov, V. T. Novikov). Systemic analysis of contemporary Belarusian society's social capital dynamics had performed.

Keywords: social capital; society; institutions; values; norms; traditions; trust; cooperation; solidarity; cohesion.

Введение

Феномен социального капитала исследуется в контексте социально-гуманитарного познания с позиций дисциплинарного и междисциплинарно-

го подходов, а также в единстве двух проекций: как теоретическая концепция и как специфическое явление общественной жизни. Концепт «социальный

Образец цитирования:

Дедолко ЮВ. Аксиологический статус социального капитала в структуре нематериальных ресурсов современного общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1: 49–58.

For citation:

Dedolko JV. Axiological status of social capital in the structure of intangible resources of contemporary society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:49–58. Russian.

Автор:

Юлия Владимировна Дедолко – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Julia V. Dedolko, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
<http://orcid.org/0000-0002-4991-5610>
dedolko@bsu.by

капитал» был предложен выдающимися теоретиками XX в. (П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма) для выявления и описания ресурсного потенциала отношений в обществе [1]. Несмотря на то что структурные элементы социального капитала (как явления общественной жизни) эксплицитно присутствуют в ней на протяжении всей истории человечества и культуры, о чем свидетельствуют результаты исторической реконструкции философских взглядов на процессы генезиса и динамики общества [2], объектом специальных научных исследований социальный капитал стал только в последней четверти XX в. Это было связано с переходом общества на постиндустриальный этап цивилизационного развития, сопровождавшимся трансформацией ценностей и норм индустриальной эпохи. Концепция социального капитала позволяет выявлять и по-новому интерпретировать ресурсный статус ряда общественных и культурных феноменов; применять отдельные принципы экономического подхода к исследованию социального поведения; создавать эффективную систему культурных, социальных, политических институтов, базирующихся на доверии, общественной активности и самоорганизации граждан [3].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к социальному капиталу как важнейшему фактору всестороннего развития общества. Теоретико-методологическим базисом исследования являются работы Л. Дж. Ханифана, сформулировавшего концепт *social capital*, а также П. Бурдьё, Р. Патнэма, Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы, разработавших ключевые положения концепции социального капитала. Эмпирическую основу составляют проект «Исследование европейских ценностей» (2005–2018) под руководством Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана и проект «Всемирный обзор ценностей» (1981–2020); социологические исследования аналитического центра *EcooM* 2021 г.; философский анализ тенденций социокультурной динамики современного белорусского общества А. И. Зеленкова, В. Т. Новикова и др. Обзор литературы позволил выявить дефицит использования системного подхода в исследованиях социального капитала, а также отсутствие трансдисциплинарных трактовок его регулятивно-нормативного и эвристического статуса как в организации, так и в понимании сложных социальных явлений и процессов. Данным обстоятельством обусловлен выбор методологии исследования, которая характеризуется синтезом философских и общенаучных методов познания с включением методологических принципов системного и трансдисциплинарного подходов. Цель статьи – обосновать системообразующую роль аксиологической составляющей социального капитала как ключевого компонента в структуре нематериальных ресурсов современного общества. Для ее

достижения поставлены следующие задачи: 1) выявить комплексный характер социального капитала как сложноорганизованного целого, состоящего из ряда взаимосвязанных проекций; 2) определить его структуру и основные параметры; 3) обосновать системообразующую роль аксиологической проекции социального капитала, которая не только обеспечивает интеграцию всех его составляющих, но и позволяет социальному капиталу выполнять функцию важного ресурса в различных типах социальных отношений, обеспечивать организацию сложных социальных процессов современного общества.

Концептуализация феномена социального капитала в современном социально-философском дискурсе. Впервые концепт «социальный капитал» в научном дискурсе был употреблен в качестве метафоры американским социологом и государственным служащим Л. Дж. Ханифаном в статье *The Rural School Community Center* (1916). Он обосновывал приоритетную роль неформальных взаимодействий людей в решении проблем индивидуального и общественного уровней. Л. Дж. Ханифан произвел свой анализ, опираясь на аналогию между процессами жизнедеятельности общины и процессами организации и расширения бизнеса [4]. Теоретическая разработка и эмпирическое обоснование концепции социального капитала были реализованы в последней четверти XX в., которая характеризовалась формированием постиндустриального общества и постнеклассической научной рациональности. Онтологические основания концепции социального капитала установились в сущности капиталистической мировой экономики, а фактором его развития является переход общества на постиндустриальный этап развития, связанный с появлением третичного сектора экономики и увеличением доли нематериальных благ и ресурсов. На этой стадии социальный капитал перестал быть метафорой и обрел статус реального ресурса, нуждающегося в концептуальном обосновании. Определенную роль в возрастании исследовательского интереса к социальному капиталу сыграло признание на международном академическом уровне концепции человеческого капитала, разработанной экономистом чикагской школы Г. Беккером: «В 1992 г. Нобелевской премии по экономике был удостоен 62-летний профессор экономики и социологии Чикагского университета Гэри С. Беккер за “распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение”» [5]. Разработки концепции человеческого капитала велись с начала XX в., однако до исследований Дж. Минсера, Т. Шульца и Г. Беккера использование термина «капитал» в отношении феноменов, олицетворяющих собой специфику человеческого и социального бытия, считалось моветоном в силу мировоззренческих аспектов эпохи.

Такие факторы, как интенсификация технико-технологического прогресса, актуализировавшая востребованность участия в процессах усложняющегося создания высококвалифицированного персонала, перестройка структуры общественного воспроизводства, выразившаяся в прогрессе третичного сектора (сферы услуг), развитие междисциплинарных исследований в социальном научном познании сняли барьеры на пути расширения поля коннотаций термина «капитал». Определяющий вклад в данный процесс внес П. Бурдьё в работах «Практический смысл» (концепт «символический капитал») [6] и «Формы капитала» (демаркация капитала на экономический, культурный и социальный; фиксация трех состояний, характерных для всех типов капитала: объективированного, инкорпорированного, институализированного; выявление способности к взаимопревращению и конвертации различных капиталов) [7]. П. Бурдьё, опираясь на разработанный им метод структуралистского конструктивизма, преодолел заявленную Л. Дж. Ханифаном метафоричность понятия «социальный капитал» и придал ему концептуальный статус. Он доказал, что реальную логику функционирования капитала и превращения одного его типа в другой нельзя понять без преодоления двух противоположных точек зрения: экономизма, редуцирующего все разнообразие капиталов к экономическому и игнорирующего специфическое воздействие других видов капитала, и семиологизма, представленного структурализмом, символическим интеракционизмом и этнометодологией, сводящего все формы социального обмена к коммуникативным явлениям и избегающего факт универсального сведения этих форм к экономическому базису.

Дальнейшая концептуализация социального капитала происходила в трудах американских социологов Дж. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы. Методологию Г. Беккера, применившего экономический подход к социальным вопросам, и П. Бурдьё, разработавшего структуралистский конструктивизм в целях преодоления экономизма и семиологизма в исследовании социальных феноменов, развил американский социолог Дж. Коулман. Он внедрил экономические принципы рационального поведения в анализ социальных систем и феномена социального капитала. Исходя из методологии функционализма и теории рационального поведения, Дж. Коулман определил социальный капитал как вид ресурса, который обладает следующими признаками капитала: продуктивностью и способностью облегчать производственную деятельность и достижение ряда целей [8]. Р. Патнэм, также используя методологию функционализма, считает социальный капитал результатом функций социальной организации (например, сети, нормы и общественного доверия), облегчающим координацию и сотрудничество для

взаимной выгоды. Он выделил частную и общественную формы социального капитала, выявил его неоднородность, обусловленную формированием двумя типами общественных организаций (формальными и неформальными), подчеркнул важность случайных форм социальной связи, описал феномен негативного социального капитала, разработал формулу вычисления коэффициента социального капитала какой-либо общности [9; 10]. Ф. Фукуяма основными факторами, порождающими социальный капитал, считает доверие и культурную специфику общества. Он исследовал социальный капитал с междисциплинарной точки зрения, исходя из социальных и культурных особенностей конкретного региона с учетом уровня доверия и амбициозности людей, их трудолюбия. Ф. Фукуяма определил социальный капитал как комплекс неформальных ценностей или норм (правдивость, выполнение обязательств и пр.), разделяемых членами группы в целях сотрудничества, акцентировав внимание на важной роли доверия и отметив значительное влияние различных социокультурных факторов на качество и динамику социального капитала конкретного общества [11].

Системообразующая роль аксиологической проекции социального капитала и его комплексный характер. Анализ структуры и особенностей функционирования в современном обществе социального капитала позволяет выделить следующие его проекции: социетальную, аксиологическую и институциональную.

Социетальная проекция указывает на определяющую роль в формировании и функционировании этого капитала таких феноменов, как солидарность, сотрудничество, сети взаимодействия, что выявлено Р. Патнэмом, Ф. Фукуямой в результате исследований динамики социального капитала ряда современных обществ. Р. Патнэм, подобно Л. Дж. Ханифану, пришел к выводу, что нормы и сети гражданского общества заметно влияют на качество общественной жизни и эффективность социальных институтов, в силу чего можно считать соблюдение неформальных соглашений альтернативным способом обеспечения общественного порядка. Плотные межличностные и межорганизационные сети укрепляют не только архаичные общества и сферы хозяйствования, что выявили еще в начале XX в. антропологи Б. Малиновский, М. Мосс, К. Поланьи [12–16], но и ультрасовременные наукоемкие отрасли. Нормы и сети гражданской активности также влияют на эффективность политической деятельности, зависящей от степени участия в ней гражданского общества, а сети организованной взаимности и гражданской солидарности являются важной предпосылкой социально-экономической модернизации. Такие сети способствуют координации и коммуникации, укрепляют институт репутации, смягчают противоречия дилемм коллективных действий, успешное разрешение

которых служит культурным шаблоном для дальнейшего сотрудничества, расширяют чувство собственного достоинства участников, помогают преодолеть традиционный западный индивидуализм, повышая значимость коллективных выгод [9; 10]. В то же время эмпирические данные исследований Р. Патнэма и выведенные из них закономерности подтверждают тезис А. Токвиля о том, что прогрессирующее демократическое уравнивание людей в итоге ослабляет гражданскую инициативу, так как это парадоксальным образом приводит к нивелированию свобод, патернализму и росту политического безразличия граждан [17].

Институциональное или нормативное измерение фиксирует процесс закрепления параметров социального капитала в форме социокультурных норм и институтов. В данном ракурсе понятие «социальный институт» определяется следующим образом: «...социальное установление как комплекс самых общих социальных (политических, правовых, моральных, религиозных и т. п.) норм, правил и принципов, культурных образцов, привычек, типов мышления и моделей поведения, определяющих сущность и устойчивость социальных явлений, обуславливающих и регулирующих социальные отношения, деятельность человека в различных областях ее приложения» [18]. В современном обществознании выделяют культурные, социальные, экономические, политические институты в зависимости от принадлежности к подсистемам общества и сферы функционирования, а также формальные и неформальные по организационному статусу. На формирование и функционирование социального капитала непосредственное влияние оказывают:

- культурные институты – религия (система верований, организаций и морально-нравственных предписаний), в некотором смысле искусство, обеспечивающее воспитательную функцию посредством приобщения личности к миру художественных образов и ценностей, которое облегчает поиски смысла жизни и путей разрешения духовных проблем, трансляцию культурного общечеловеческого и национального наследия, процессы сублимации энергии либидо путем самореализации индивида в труде и творчестве;

- социальные институты. На микроуровне это семья, в рамках которой происходит первичная социализация личности; на мезоуровне – воспитательные и образовательные учреждения, различные формальные и неформальные объединения граждан (волонтерские, спортивные и пр.), важнейшую роль которых подчеркивают Р. Патнэм и Ф. Фукуяма; на макроуровне – народ и нация как создатели и носители особого типа ментальности и совокупности общепринятых и разделяемых норм различных типов социального взаимодействия (Ф. Фукуяма);

- экономические институты, обеспечивающие процесс производства и распределения товаров и услуг, где реализуется ресурсный аспект социального капитала, способствующий снижению транзакционных издержек и увеличению прибыли предприятия (П. Бурдьё, Р. Коулман, Ф. Фукуяма);

- политические институты, при помощи которых юридически закрепляются нормы социальной и экономической деятельности и происходит взаимодействие между государством и гражданским обществом.

Согласно исследованиям наибольшее влияние на формирование социального капитала оказывают неформальные социальные институты. Их достижения в дальнейшем закрепляются в форме организаций и норм. Благодаря таким институтам происходит функционирование социального капитала.

Однако обе эти проекции не самодостаточны и не могут функционировать без ценностной составляющей социального капитала, являющейся основанием для возникновения и функционирования всех прочих компонентов данного сложного образования. Социальное действие и особенно взаимодействие невозможны без существования общепринятой и разделяемой членами сообщества (социальная группа или в целом человечество) системы ценностей, на базе которой и формируются феномены, включаемые в состав социального капитала. Это подтверждается исследованиями американских философов (Р. Патнэм, Ф. Фукуяма) и белорусских социологов (Д. М. Булышко, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман). Аксиологическое измерение феномена социального капитала осуществляется из-за необходимости понимания жизненных целей и мотивов деятельности людей. Сама этимология категории «капитал» отсылает к пониманию капитала как ценности, заключенной в некоторой вещи, индивиде или в системе отношений, обладающей способностью к приращению, превращению, обращению и накоплению, что позволяет рассматривать ряд социокультурных феноменов, способствующих снижению транзакционных издержек и увеличению производительности, в качестве ресурсов. При исследовании социального капитала важно понимать ценность в более широком социокультурном значении, а не только как экономическую категорию. В рамках аксиологического измерения специфику социального капитала следует рассматривать с точки зрения интересов, целей и смысла жизни человека (как непосредственного создателя и носителя социального капитала) и общества (как среды, в которой формируется и циркулирует социальный капитал).

Понятие ценности выражает человеческое измерение различных социокультурных феноменов, входящих в структуру социального капитала, которое наделяет аспекты индивидуального человеческого и общественного бытия особым смыслом

и значением. С позиции аксиологического подхода ценности прежде всего морально-нравственного характера понимаются как важнейший системообразующий фактор социального капитала, определяющий его строение, базовые функции и свойства, а сам феномен социального капитала наделяется рядом положительных свойств, способствующих гуманизации общества, продуцированию и трансляции системы ценностей, процессу их реализации в жизнедеятельности человека. К параметрам, позволяющим выделить в феномене социального капитала аксиологическое измерение, относятся такие качества индивида, как способность и готовность к интериоризации общепринятых морально-нравственных норм (альтруизм, честность, добропорядочность, отзывчивость), содействующих формированию и закреплению основополагающих факторов социального капитала: доверия (Р. Патнэм, Ф. Фукуяма); солидарности (в понимании ее Э. Дюркгеймом как высшего морального принципа) и универсальной человеческой ценности; готовности воплощать эти ценности в частной и общественной жизни, не редуцируя весь спектр человеческих отношений к целерациональному действию, а также способствовать закреплению морально-нравственных норм и культурных традиций. Таким образом, аксиологическая составляющая социального капитала выполняет ключевую регулятивную и системообразующую роль по отношению к двум предыдущим его проекциям – социетальной и институциональной.

Данный вывод подтверждают результаты исследований Ф. Фукуямы, который определяет социальный капитал как совокупность неформальных ценностей и норм, разделяемых членами группы в целях сотрудничества. Другими словами, ценности являются неперенными и определяющими факторами сотрудничества, солидарности, взаимопонимания между людьми, без чего невозможны любые формы конструктивного взаимодействия. Базовой категорией концепции социального капитала Ф. Фукуяма считает доверие. Он рассматривает социальный капитал через социальные и культурные особенности конкретного региона с учетом существующего уровня доверия в отношениях людей и доказывает, что такой капитал изменяется под воздействием различных социокультурных факторов и трансформируется во времени. Современные общества социальный капитал потребляют больше, чем производят, а основной проблемой этого становится утрата большей части повседневной морали, в силу чего формирование социального порядка в изменившихся технологических условиях постиндустриального общества напрямую зависит от реабилитации честности и взаимности с последующим расширением радиуса доверия.

Эти исследования убедительно показывают, что способность социального капитала выполнять функ-

цию нематериального ресурса, обеспечивающего прогрессивное развитие современных обществ, прямо пропорционально зависит от уровня нравственной и политической культуры данного социума, от статуса и характера ценностей в структуре социальных взаимодействий. Одной из проблем современного либерализма Ф. Фукуяма считает релятивизм ценностей, коррозирующий социальный капитал и представляющий опасность для либерально-демократического общества, поэтому для устойчивого функционирования современных государств и цивилизаций необходим синтез спонтанно создающихся норм неформального сетевого сотрудничества и иерархической власти в форме государства и формального права. Ф. Фукуяма отмечает значимость религии в процессе создания социального капитала, поскольку религия способствует увеличению радиуса доверия посредством общности разделяемых норм и ценностей. Современное западное общество, констатировавшее устами Ф. Ницше «смерть Бога», отдает приоритет политическим, а не религиозным ценностям. В результате отделения от государства религия претерпела значительные изменения, но не исчезла из жизни современного человека. Исходя из исследований А. де Токвиля и М. Вебера, Ф. Фукуяма пришел к выводу, что религия и в современном мире остается полезным источником общих ценностей, приобретая более мягкую децентрализованную форму стремления к соблюдению общих норм и поддержанию порядка, продолжая играть значимую роль в формировании отношений доверия.

Ф. Фукуяма называет ряд кризисных явлений, характерных для современных западных обществ. С одной стороны, на основе базовых либерально-демократических принципов разрушались традиционные культурные ценности, с другой стороны, возникали угрозы, вызванные технологическими изменениями, на что указывал еще Х. Ортега-и-Гассет, когда описывал феномен массового общества. Оценивая долгосрочные перспективы современных либерально-демократических обществ, Ф. Фукуяма отмечает: «Неудовлетворенность возникает именно там, где триумф демократии наиболее полон: это неудовлетворенность свободой и равенством. Таким образом, те, кто остался неудовлетворенным, всегда будут иметь потенциал запустить историю заново» [19]. Опасения Ф. Фукуямы подтверждаются представленным в январе 2020 г. отчетом Центра будущего демократии Кембриджского университета, где было написано, что удовлетворенность демократией ослабла в большинстве стран мира. С середины 1990-х гг. (согласно выборке из 77 демократических стран) количество недовольных состоянием такой политической системы в своей стране людей увеличилось на 10 % (с 48 до 58 %), и это особенно заметно в густонаселенных странах с развитой демократией и высоким уровнем доходов (Франция,

Япония, Великобритания и США) [20]. Аналогичные результаты были представлены неправительственной американской организацией *Freedom House* в отчете 2020 г. Начиная с 1990-х гг. исследования *Freedom House* фиксируют нисходящую динамику показателей по основным четырем индексам (индекс гласности и подотчетности от Всемирного банка, индексы политических прав, гражданских свобод и свободы прессы от *Freedom House*), что свидетельствует об ухудшении общемировой ситуации в сфере политических прав и гражданских свобод [21].

Важным аргументом в пользу аксиологического статуса социального капитала являются результаты исследований проекта «Всемирный обзор ценностей» (*World Values Survey, WVS*), фокусирующегося на проблемах динамики ценностей и их влияния на развитие современного мирового общества. Данный международный проект стартовал в 1981 г. под названием «Европейское исследование ценностей» (*European Values Study, EVS*) по инициативе американского социолога Р. Инглхарта. Он разработал матрицу межкультурной вариативности, включающую два аспекта: 1) традиционные ценности против секулярно-рациональных ценностей; 2) ценности выживания против ценностей самовыражения. Традиционные ценности базируются на признании значимости религии, семейных ценностей и прочных связей между родителями и детьми, уважении к авторитету, стремлении к патернализму и протекционизму, высоком уровне национальной идентичности и консерватизма, примате общества над индивидом. Секулярно-рациональные ценности имеют противоположную направленность по сравнению с традиционными: статус религии, семейных ценностей и политического авторитета незначителен, но важны индивидуализм, свобода и толерантность в отношении различных аспектов социально-культурной жизни. Ценности выживания включают в себя в первую очередь экономическую и физическую безопасность и связаны с этноцентричным мировоззрением, низким уровнем межличностного доверия и толерантности в обществе. Ценности самовыражения ориентированы на решение гуманистических и экологических проблем, достижение межэтнической толерантности и гендерного равенства, эмансипации и автономии индивида, а также на активное участие в экономической и политической жизни. На основе полученных в результате опросов данных определяется место страны в матрице Р. Инглхарта, имеющей две оси. По вертикальной оси (снизу вверх) отражается движение от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, а по горизонтальной (слева направо) – движение от ценностей выживания к ценностям самовыражения. До настоящего времени в рамках проекта EVS были проведены пять волн обследований (каждые

девять лет), а в рамках WVS – семь волн обследований (каждые пять лет). Результаты многолетних исследований согласуются с выводами А. де Токвиля, М. Вебера, Ф. Фукуямы о влиянии специфических культурных и социальных ориентаций на социально-экономическое развитие конкретного общества, а также подтверждают тезис Ф. Фукуямы о том, что ценности и социальный капитал формируются на протяжении длительного времени, поддерживаются и транслируются посредством культурных традиций, медленно изменяются. Неразвитые в экономическом отношении страны, в которых исторически не сформировалась самостоятельная монотеистическая религия, проповедующая общечеловеческие ценности, согласно матрице Р. Инглхарта демонстрируют приверженность традиционным ценностям и подчинены императиву выживания (Африка, Латинская Америка). В экономически развитых странах, напротив, распространены и поддерживаются секулярно-рациональные ценности и ценности самовыражения, которые сформировались в контексте сложного взаимодействия религии (христианства), философии и науки (Западная Европа, Великобритания, США, Австралия, Новая Зеландия). В Республике Беларусь, входящей в блок «православная Европа», объединяющий страны постсоветской Восточной Европы, секулярно-рациональные ценности с небольшим перевесом преобладают над традиционными, а ценности выживания – над ценностями самовыражения¹.

Крупнейшим исследованием ценностей и социального капитала в Беларуси является проект Центра социологических и политических исследований БГУ под руководством Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова и Д. М. Булышко по изучению базовых ценностей населения, проводившийся в период с 1990 по 2018 г. [22–25], где приведены подробные статистические данные динамики ценностей и социального капитала современного белорусского общества. Согласно сложившейся в общественном сознании традиции белорусские исследователи в состав социального капитала включают уровень доверия (межличностного и к различным социальным институтам), общественные нормы и ценности, а также социальные связи, обладающие ресурсным потенциалом. Корреляция между уровнями доверия и характером социальных коммуникаций проводилась по следующим критериям: полу, возрасту, психологическому складу личности, условиям первичной социализации, уровню образования, месту жительства. По данным исследования, средний показатель доверия другим людям (как основного параметра социетальной проекции социального капитала) в Беларуси в 2018 г. составлял 40,3 % [25, с. 89]. Уровень доверия граждан к государственным институтам конкретизирует институциональный ракурс социального капитала. В период с 2000 по 2018 г. наибольший уровень доверия име-

¹World Values Survey [Electronic resource]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (date of access: 27.12.2021).

ли система образования и социальной защиты, здравоохранение, церковь, милиция и армия (в среднем 65–79 %) [22, с. 129; 25, с. 92]. Отмечается очень низкий рейтинг доверия граждан к политическим партиям (26,1 % в 2018 г. [25, с. 92]) и государственным служащим (но с тенденцией к росту) (21 % в 2000 г. и 31,4 % в 2018 г. [22, с. 129; 26, с. 92]).

В исследованиях выявлен относительно высокий уровень доверия населения к государственным институтам, что свидетельствует о значительном потенциале социального капитала современной Беларуси. По мнению белорусского философа А. И. Зеленкова, которое он озвучил в 2004 г. в междисциплинарном проекте «Качество жизни белоруса» (А. И. Зеленков, Д. Г. Ротман, Х. Херпфер), посвященном исследованию доверия и ценностей в белорусском обществе, большую степень доверия между людьми и к государственным институтам возможно объяснить исходя из «специфических ментальных и социокультурных особенностей белорусского населения, которое традиционно демонстрирует достаточно высокий уровень социального миролюбия и конформизма» [26, с. 34]. В. Т. Новиков утверждал, что специфика взаимодействия гражданского общества и государства Республики Беларусь обусловлена следующими факторами: периодом транзитивности, для которого характерна склонность к государственному патернализму даже в негосударственном секторе экономики; превалирующая в административной практике трактовка государства как обезличенного института, порождающей отчужденное отношение граждан к государству; недостаточная развитость гражданского общества [27, с. 53]. Дальнейшее взаимодействие государства и граждан в Беларуси имеет три возможных вектора, сформулированных В. Т. Новиковым на основе анализа концепций, посвященных проблеме источников и движущих сил общественного развития: во-первых, невыгодную для обе-

их сторон ситуацию противостояния и борьбы; во-вторых, ситуацию бесконфликтной гармонии, развитию в теории структурного функционализма Т. Парсонса, которая вряд ли существует в странах; в-третьих, наиболее вероятную и реализуемую согласно теории социального конфликта ситуацию контроля возникающих социальных противоречий, обладающих атрибутивным и неискоренимым характером и являющихся необходимым условием всякого развития, с последующим их конструктивным разрешением, что посредством преодоления частных локальных конфликтов будет содействовать достижению общегражданских и общегосударственных целей [27, с. 54].

Стоит отметить, что в настоящее время на формирование ценностей и функционирование социального капитала в единстве выделенных проекций значительно влияют информационно-коммуникационные технологии, ставшие значимым социальным и идеологическим ресурсом. Тотальная информатизация и цифровизация, ознаменовавшая переход наиболее развитых стран мира на постиндустриальный этап развития, способствует развитию гуманистического эмансипационного этоса, распространению секулярно-рациональных и либерально-демократических ценностей. Американские исследователи Э. Паризер, Р. Макнами, З. Туфекчи [28–30] выявили, что негативным результатом работы алгоритмов социальных сетей и мессенджеров является формирование у пользователей «тоннелей реальности» и «пузырей фильтров», ведущих к сужению и догматизации мировоззрения, деформации и девальвации ценностей, росту трайбализма, национализма и расизма, активизации разных форм розни и конфликтов, что деструктивно влияет на социальный капитал общества или способствует образованию негативного социального капитала внутри маргинализированных социальных групп.

Заключение

Объектом научных исследований социальный капитал стал только в последней четверти XX в., несмотря на то что концепт *social capital* был сформулирован еще в начале XX в. Это обстоятельство связано с мировоззренческими основаниями научного мышления данного периода, не позволявшими использовать экономический термин «капитал» в отношении феноменов человеческого или социального бытия. Факторами, которые способствовали расширению поля коннотаций понятия «капитал», стали разработка концепции человеческого капитала и признание ее статуса в академическом сообществе, перестройка структуры социального воспроизводства, трансформация ценностей и норм индустриальной эпохи, переход общества на постиндустриальный этап, развитие междисциплинарных исследований в социальном

научном познании. Определяющий вклад в разработку концепции социального капитала и ее эмпирическое обоснование внесли П. Бурдьё, Р. Патнэм, Дж. Коулман, Ф. Фукуяма. Крупнейшим исследованием ценностей и социального капитала в Республике Беларусь в настоящее время является проект «Исследование европейских ценностей» (2005–2018) под руководством Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. На основе анализа результатов исследований зарубежных и отечественных ученых произведена системная параметризация социального капитала, выделены его социетальная, институциональная и аксиологическая проекции, выявлены основные тенденции его динамики в современном обществе. Общности различного порядка, связанные сложной сетью взаимоотношений (между индивидами,

неформальными и формальными группами, различными институтами), в которой только и существует социальный капитал, возникают благодаря общим ценностям. Именно ценности, разделяемые членами социальной группы любого масштаба, являются базисом формирования доверия, как ключевого фактора социального капитала, что позволяет наделять аксиологическую проекцию системообразующим статусом. Аксиологическая, социетальная, институциональная проекции социального капитала тесно взаимосвязаны друг с другом, поскольку ценностно-смысловые структуры, формирующиеся на уровне индивидов, будучи апробированными временем и одобрены социумом, имеют тенденцию закрепляться в неформальных, а затем и формальных общественных институтах, при этом обладают достаточной степенью самостоятельности. Было выявлено, что не всякий общественный или политический институт, особенно формальный, может пользоваться доверием среди населения, а также не все ценности, поддерживаемые людьми на неформальном уровне,

одобряются формальными институтами (например, радикальные группировки, обладающие, как правило, сильным социальным капиталом внутри группы, но не пользующиеся поддержкой и доверием широких масс населения и государственных органов). Философский анализ тенденций динамики современного общества позволил раскрыть ряд аспектов, негативно влияющих на трансформацию социального капитала. К таким следует отнести преобладание целерационального типа социального действия, порожденного капиталистическим обществом, глобализационные процессы, унифицирующие социально-культурные традиции различных народов, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, разрушающих привычные формы социального взаимодействия. Важнейшей задачей современного периода является сохранение и культивирование традиционных ценностей, форм общественной жизни и гармонизация их с достижениями технико-технологического, экономического, политического и социального прогресса.

Библиографические ссылки

1. Дедолко ЮВ. Эвристический потенциал метадисциплинарной методологии И. Валлерстайна в исследованиях социального капитала. В: Гурбо ТЛ, составитель. *Актуальные вопросы антропологии. Выпуск 10*. Минск: Беларуская навука; 2015. с. 149–158.
2. Дедолко ЮВ. Трансдисциплинарные исследования и интегративный статус философии в развитии концепции социального капитала. В: Субботина НД, редактор. *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Материалы IX Всероссийской с международным участием научной конференции; 14–15 мая 2018 г.; Чита, Россия*. Чита: Забайкальский государственный университет; 2018. с. 36–51.
3. Дедолко ЮВ. Социальный капитал как фактор социокультурного развития Беларуси в условиях глобализации. В: Зеленков АИ, редактор. *Диалог цивилизаций в условиях глобальной экологической нестабильности. Материалы Международной научной конференции молодых ученых; 24 мая 2012 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2013. с. 179–183.
4. Hanifan LJ. State supervisor of rural schools. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1916;67:130–138.
5. Капелюшников РИ. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению [Интернет]. *США: экономика, политика, идеология*. 1993 [прочитано 16 мая 2018 г.];11. Доступно по: <http://www.libertarium.ru/68397>.
6. Бурдье П. *Практический смысл*. Шматко НА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с.
7. Бурдье П. Формы капитала. *Экономическая социология* [Интернет]. 2002 [прочитано 23 мая 2014 г.];3(5): 60–74. Доступно по: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
8. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*. 2001;3:122–139.
9. Putnam RD. Social capital: measurement and consequences [Internet]. *Organisation for Economic Co-operation and Development* [cited 21 May 2018]. Available from: <http://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf>.
10. Putnam RD. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [cited 21 May 2018];1:65–78. Available from: <http://xroads.virginia.edu/~HYPER/detoc/assoc/bowling.html>.
11. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Колопотин М, редактор; Павлова Д, Кирющенко В, Колопотин М, переводчики. Москва: АСТ; 2004. 730 с. (Philosophy). Совместно с издательством «Ермак».
12. Малиновский Б. *Избранное: динамика культуры*. Николаев ВГ, Порус ВН, Трубочкин ДВ, переводчики. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 462 с.
13. Малиновский Б. *Магия, наука и религия*. Хомин АП, переводчик. Москва: Рефл-бук; 1998. 288 с.
14. Малиновский Б. *Научная теория культуры*. Утехин ИВ, переводчик. Москва: ОГИ; 2005. 184 с.
15. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах [Интернет; прочитано 19 мая 2018 г.]. Доступно по: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf.
16. Поланья К. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. Шурбелев АП, Федоров СЕ, Васильев АА, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2002. 311 с.
17. де Токвиль А. *Демократия в Америке*. Олейник ВТ, Орлова ЕП, Малахова ИА, Иванян ИЭ, Ворожцова БН, переводчики. Москва: Прогресс; 1992. 554 с.
18. Быченков ВМ. Институт социальный. В: Степин ВВ, редактор. *Новая философская энциклопедия* [Интернет]. Москва: Мысль; 2010 [прочитано 17 ноября 2021 г.]. 744 с. Доступно по: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07a46272f09e63e74c0d0>.
19. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Левин МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 588 с.

20. Gregory A. Millennials more disillusioned with democracy than any generation in living memory, research suggests [Internet]. *Independent* [cited 17 November 2021]; 2020. Available from: <https://www.independent.co.uk/news/world/millennials-democracy-populism-cambridge-generation-x-boomers-study-b1155826.html>.

21. Stapleton J. New report: Freedom in the world 2020 finds established democracies are in decline [Internet]. *Freedom House* [cited 17 November 2021]; 2020. Available from: <https://freedomhouse.org/article/new-report-freedom-world-2020-finds-established-democracies-are-decline>.

22. Булышко ДМ, Данилов АН, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»*. Минск: БГУ; 2009. 228 с.

23. Булышко ДМ, Данилов АН, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей*. Минск: БГУ; 2013. 175 с.

24. Булышко ДМ, Данилов АН, Ротман ДГ, Правдивец ВВ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей*. Минск: БГУ; 2016. 219 с.

25. Булышко ДМ, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018*. Минск: БГУ; 2019. 191 с.

26. Зеленков АИ, Ротман ДГ, Херпфер Х. Качество жизни белоруса. *Беларуская думка*. 2004;3:31–40.

27. Новиков ВТ, Кандричин НА. Ценности и приоритеты развития современной восточнославянской цивилизации. *Вестник БДУ. Серія 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2006;3:50–55.

28. Паризер Э. *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* Шириков А, переводчик. Москва: Альпина Бизнес Букс; 2012. 304 с.

29. McNamee R. How to fix Facebook – before it fixes us [Internet]. *Washington Monthly*. 2018 [cited 31 November 2021]. Available from: <https://washingtonmonthly.com/magazine/january-february-march-2018/how-to-fix-facebook-before-it-fixes-us/>.

30. Tufekci Z, Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir square. *Journal of Communication*. 2021;62(2):363–379.

References

1. Dedolko YuV. [Heuristic potential of I. Wallerstein's metadisciplinary methodology in social capital research]. In: Gurbo TL, compiler. *Aktual'nye voprosy antropologii. Vypusk 10*. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. p. 149–158. Russian.

2. Dedolko YuV. [Transdisciplinary research and integrative status of philosophy in development of the concept of social capital]. In: Subbotina ND, editor. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke. Materialy IX Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii; 14–15 maya 2018 g.; Chita, Russia* [The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. Materials of the 9th All-Russian scientific conference with international participation; 2018 May 14–15; Chita, Russia]. Chita: Transbaikal State University; 2018. p. 36–51. Russian.

3. Dedolko YuV. [Social capital as a factor of the socio-cultural development of Belarus in the globalisation context]. In: Zelenkov AI, editor. *Dialog tsivilizatsii v usloviyakh global'noi ekologicheskoi nestabil'nosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh; 24 maya 2012 g.; Minsk, Belarus* [Dialogue of civilisations in the context of global environmental instability. Materials of the International scientific conference of young scientists; 2012 May 24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 179–183. Russian.

4. Hanifan LJ. State supervisor of rural schools. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1916;67:130–138.

5. Kapelyushnikov RI. [Gary Becker's economic approach to human behaviour] [Internet]. *SSHА: ekonomika, politika, ideologiya*. 1993 [cited 2018 May 16];11. Available from: <http://www.libertarium.ru/68397>. Russian.

6. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Les Éditions de minuit; 1980. 480 p.

Russian edition: Bourdieu P. *Prakticheskii smysl*. Shmatko NA, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p.

7. Bourdieu P. [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Internet]. 2002 [cited 2014 May 23];3(5):60–74. Available from: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf. Russian.

8. Coleman J. [Social and human capital]. *Social sciences and contemporary world*. 2001;3:122–139. Russian.

9. Putnam RD. Social capital: measurement and consequences [Internet]. *Organisation for Economic Co-operation and Development* [cited 21 May 2018]. Available from: <http://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf>.

10. Putnam RD. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [cited 21 May 2018];1:65–78. Available from: <http://xroads.virginia.edu/~HYPER/detoc/assoc/bowling.html>.

11. Fukuyama F. *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*. New York: Free Press; 1996. 480 p.

Russian edition: Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu*. Kolopotin M, editor; Pavlova D, Kiryushchenko V, Kolopotin M, translators. Moscow: AST; 2004. 730 p. (Philosophy). Co-published by the «Ermak».

12. Malinowski B. *The dynamics of culture change*. New Haven: Yale University Press; 1945. 196 p.

Russian edition: Malinowski B. *Izbrannoe: dinamika kul'tury*. Nikolaev VG, Porus VN, Trubochkin DV, translators. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2015. 462 p.

13. Malinowski B. *Magic, science and religion and other essays*. New York: Free Press; 1948. 344 p.

Russian edition: Malinowski B. *Magiya, nauka i religiya*. Khomin AP, translator. Moscow: Reff-buk; 1998. 288 p.

14. Malinowski B. *A scientific theory of culture and other essays*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 1990. 238 p.

Russian edition: Malinowski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [A scientific theory of culture and other essays]. Utekhin IV, translator. Moscow: United Humanities Publishing House; 2005. 184 p.

15. Mauss M. The gift: forms and functions of exchange in archaic societies [Internet; cited 2018 May 19]. Available from: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf.

16. Polanyi K. *The great transformation. The political and economic origins of our time*. Boston: Beacon press; 2001. 357 p.

Russian edition: Polan'i K. *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Shurbelev AP, Fedorov SE, Vasil'ev AA, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 311 p.

17. de Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Oleinik VT, Orlova EP, Malakhova IA, Ivanyan IE, Vorozhtsova BN, translators. Moscow: Progress; 1992. 554 p. Russian.

18. Bychenkov VM. [Institute social]. In: Stepin VV, editor. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [Internet]. Moscow: Mysl'; 2010 [cited 17 November 2021]. 744 p. Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07a-46272f09e63e74c0d0>. Russian.

19. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: Free Press; 1992. 418 p.

Russian edition: Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek*. Levin MB, translator. Moscow: AST; 2004. 588 p.

20. Gregory A. Millennials more disillusioned with democracy than any generation in living memory, research suggests [Internet]. *Independent*. 2020 [cited 17 November 2021]. Available from: <https://www.independent.co.uk/news/world/millennials-democracy-populism-cambridge-generation-x-boomers-study-b1155826.html>.

21. Stapleton J. New report: Freedom in the world 2020 finds established democracies are in decline [Internet]. *Freedom House*. 2020 [cited 17 November 2021]. Available from: <https://freedomhouse.org/article/new-report-freedom-world-2020-finds-established-democracies-are-decline>.

22. Bulynko DM, Danilov AN, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei»* [The valuable world of modern man: Belarus in the project «Research of European values»]. Minsk: Belarusian State University; 2009. 228 p. Russian.

23. Bulynko DM, Danilov AN, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: Belarus' i ee sosedi v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The valuable world of modern man: Belarus and its neighbours in international projects for the study of values]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 175 p. Russian.

24. Bulynko DM, Danilov AN, Rotman DG, Pravdivets VV, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The world of values of modern man: the countries of the Eastern Partnership, the European Union and Russia in international projects for the study of values]. Minsk: Belarusian State University; 2016. 219 p. Russian.

25. Bulynko DM, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: proekt «Issledovanie evropeiskikh tsennostei», volna-2018* [The value world of modern man: the project «Research of European values», wave-2018]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 191 p. Russian.

26. Zelenkov AI, Rotman DG, Kherpfer Kh. [Belarusian quality of life]. *Belaruskaja dumka*. 2004;3:31–40. Russian.

27. Novikov VT, Kandrichin NA. [The values and the development priorities of modern East Slavic civilization]. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekonomika. Prava*. 2006;3:50–55. Russian.

28. Pariser E. *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. London: Penguin UK; 2011. 304 p.

Russian edition: Pariser E. *Za stenoi fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas?* Shirikov A, translator. Moscow: Al'pina Biznes Buks; 2012. 304 p.

29. McNamee R. How to fix Facebook – before it fixes us [Internet]. *Washington Monthly*. 2018 [cited 31 November 2021]. Available from: <https://washingtonmonthly.com/magazine/january-february-march-2018/how-to-fix-facebook-before-it-fixes-us/>.

30. Tufekci Z, Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir square. *Journal of Communication*. 2021;62(2):363–379.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2021.

Received by editorial board 24.11.2021.

УДК 316.454.3:32.019.52

МИФ О ЗАГОВОРЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В. СЛАВКОВИЧ^{1), 2)}

¹⁾Колледж криминалистики и безопасности,
ул. Булевар Светог цара Константина, 80–84, 18000, г. Ниш, Сербия

²⁾Университет Черногории, ул. Старый город, 520, 85330, г. Котор, Черногория

Анализируются широко принятые предположения о влиянии теорий заговора на восприятие действий различных социальных групп. Изучение социальной жизни помогает нам интуитивно представить, как и почему происходит определенное событие, а также четко понять его причины и последствия, но не дает возможности сформулировать общие законы, которые в самом широком смысле описали бы такую причинно-следственную связь. Новый тип мифа о заговоре стал популярным способом принятия и интерпретации событий, особенно среди образованных людей. Социально-экономические и политические изменения в обществе, произошедшие в последнее время, также определили актуальность теорий заговора.

Ключевые слова: заговор; этический принцип; социальные группы; рационалистический подход; теории заговора.

Образец цитирования:

Славкович В. Миф о заговоре как специфический феномен общественного сознания. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:59–67 (на англ.).

For citation:

Slavkovich V. Conspiratorial myth as a specific phenomenon of social awareness. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:59–67.

Автор:

Вукан Славкович – доктор юридических наук; профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики¹⁾, профессор коммерческого права на факультете туризма и гостиничного менеджмента²⁾.

Author:

Vukan Slavkovich, doctor of science (law); professor at the department of criminal law, criminal procedural law and criminalistics^a and professor of commercial law at the faculty of tourism and hotel management^b.

CONSPIRATORIAL MYTH AS A SPECIFIC PHENOMENON OF SOCIAL AWARENESS

V. SLAVKOVICH^{a, b}

^aCollege of Applied Criminalistic Studies and Security,
80–84 Bulevar Svetog cara Konstantina, Niš 18000, Serbia

^bUniversity of Montenegro, 320 Old Town, Kotor 85330, Montenegro

The aim of this paper is to analyse the widely accepted assumptions about the influence of conspiracy theory on the comprehension of the actions of different social groups. By analysing social life, we may be able to discover, and to understand intuitively, how and why any particular event came about and we may clearly understand its causes and effects. Nevertheless, we are unable to formulate general laws which would serve as a description, in general terms, of such causal links. A new type of conspirative myth has become a popular way of adopting and interpreting events, especially among educated people. Socioeconomic and political changes in society, which appeared in modern times, also determined the actuality of conspiracy theories.

Keywords: conspiracy; ethical principle; social societies; rationalistic approach; conspiracy theories.

L'an mil neuf cens nonante neuf sept mois,
Du ciel viendra un grand Roy d'effrayeur,
Resusciter le grand Roy d'Angolmois,
Avant après Mars regner par bon heur.

*Michel de Nostredame*¹

Introduction

Conspiracy theory is one of the visible phenomenon of modern life, which continuously attracts attention of society and gives it a topic for discussion, printed publications, popular books and films. It has magic attraction and becomes important part of social discourse in modern epoch. It arose in the ancient times, and was the eternal escort of mankind, giving it the possibility to find «simple» answers to complex questions of modern life, within all existing intellectual traditions in history. A new type of conspiratorial myth has become a popular way of adopting and interpreting events, especially among educated people. Socioeconomic and political changes in society, created in recent times, and the emergence of national states, also determined actuality of conspiracy theories. Possessing a powerful capacity for social mobilisation, conspiracy theories are used by intellectual elite, as one of the instruments for preserving the existing order of relation in society, but also for forming national self-awareness.

According to philosopher K. Popper, the doctrine of conspiracy theories is similar to ancient heathenish beliefs: faith in the Homeric gods, which plots explained the history of Trojan war, becomes a thing of the past. Their place is taken by powerful individuals or groups with dangerous intentions, who are responsible for all evil we suffer from [1, p. 306]. Therefore, such as be-

longing to a particular religious cult, faith in that or other conspirative theory can give a man a sense of superiority over the «naive majority». In a series of cases, such faith is a cause for joining people in sects, «interest groups» or political movements.

We can not say that real conspiracies don't exist. There are countries, organisations and influential people, present in the world, who follow their interests and secret intentions, but it is certain that most events don't arise due to, but despite someone's will. Most of the people hardly accept a given fact. This creates the need for conspiracy theories, which frequently serves the state to prepossess loyalty of citizens, in exchange for internal or external enemy, which is presented as the cause of all troubles.

There are laws of nature in the world and a person must live and do everything according to them. Then it will be much easier for him to live [2, p. 59]. Physical laws, or the laws of nature are valid anywhere and always, because the physical world is ruled by a system of physical uniformities invariable throughout space and time. Sociological laws, however, or the laws of social life, differ in different places and periods. If there is such a thing as growing human knowledge, then we can not anticipate today what we shall know only tomorrow. No scientific predictor – whether a human scientist

¹«In the year a thousand nine hundred ninety nine and seven months, from heaven a great terrible king, shall raise again the great king of Angoulême, before and after March shall reign luckily» (Century X, quatrain 72).

or a calculating machine – can possibly predict, by scientific methods, its own future results. Attempts to do so can attain their result only after the event, when it is too late for a prediction; they can attain their result only after the prediction has turned into a retrodiction [3, p. 10, 16].

In recent times, conspiracy theories became the subject of interest to the wider population following the September 2001 terrorist attack on the World Trade Center (the so-called «nine eleven»): *The heaven shall burn at five and forty degrees, / The fire shall come near the great new city, / In an instant a great flame dispersed shall burn out, / When they shall make a trial of the Normans* (century VI, quatrain 97) [4, c. 274].

As a confirmation of prophecy, it was noted that New York City is at the 40°43' degrees latitude, which is approximate to the number listed in the quatrain. One major issue with his prophecies is that they can be so vague that they are often described as verbal jigsaw puzzles. His prophecies contain French and Latin terms, historical allusions, anagrams, puns, odd spellings, partial words, inverted word order and so on. The predictions of false prophets are often vague for a good reason. This characteristic makes it easy for their followers to claim a fulfilment of prophecy when the something happens which bears enough of a similarity to the pro-

phesy, that it will seem like the prophecy was an accurate prediction [5].

Every particular social happening, can be said to be new, in a certain sense. It may be classified with other events, it may resemble those events in certain aspects, but it will always be unique in a very definite way. Conversely, by analysing social life, we may be able to discover, and to understand intuitively, how and why any particular event came about; that we may clearly understand its causes and effects – the forces which occasioned it and its influence on other events. Yet we may nevertheless find that we are unable to formulate general laws which would serve as a description, in general terms, of such causal links. For it may be only the one particular situation, and no other, which could be correctly explained by the particular forces that we have discovered.

The term *Oedipus effect*² means the influence of the prediction upon the predicted event (or, more generally, for the influence of an item of information upon the situation to which the information refers), whether this influence tends to bring about the predicted event, or whether it tends to prevent it. The idea, in short, of an exact and detailed calendar of social events is self-contradictory, and exact and detailed scientific social predictions are therefore impossible [3, p. 23–25].

Influence of transcendental on comprehension of phenomena in society

The possibility to predict events by individuals is absurd in itself, because history, after the events of the singularity, can not be predicted at all, since it essentially exceeds everything we can imagine [6, s. 203]. It is necessary to point out that transcendental, in a certain sense, can not be considered as theory of cognition, because a psychophysical subject seems to have nothing in common to the spatial outside world.

Conversely, so-called transcendental philosophy is based on relation of cognition to the immanent object. Does the mentioned predictions lead to this conclusion? If the concept of cognition appears as it can only appear in transcendental philosophy, than there is no basis to understand this as transcendental reality. On the contrary, it is only possible to start from the presented knowledge, that indicates to the point of view of immanence.

The postulate «the world is the content of consciousness» (*Bewusstseinsinhalt*), often is considered as equivalent to the setting «the world is just a phenomenon», and becoming a popular word thanks to Kant's philosophy, it is associated with a multitude of attempts to allow the base of phenomenon «beyond» the sensory world [7, S. 35–37].

Is it possible that someone's predictions can become a specific phenomenon of social awareness? The consciousness of ordinary people often does not have the introspective character, but it is «directed to a listening of many sources of other people's life experiences towards convergence», where it can invoke some transcendental instance [8, s. 444].

All our conclusions about the causes and consequences are derived from attitude that belief is more an act of sensitivity, than a cognitive part of our nature [9, s. 240]. In the acts of sensory reception, the object of perception appears «in one moment, as soon as our gaze falls on it» [8, s. 439]. On the contrary, in order for something to happen, there must be something that appears (*Damit etwas erscheinen könne, muss doch etwas sein, das erscheint*) and in our case it is transcendental. The argumentation does not sound convincing and becomes unreliable, because we must to give up from calling it «the content of consciousness», and start to use a term «phenomenon».

According to H. Rickert, the content of consciousness, like everything, must have a cause, that in this case can only be found in transcendental. Conversely, it would never occur to some other people to interfere with the existence of the very things, because they

²The idea that a prediction may have influence upon the predicted event is a very old one. Oedipus, in the legend, killed his father whom he had never seen before, and this was the direct result of the prophecy which had caused his father to abandon him.

know that «from nothing can not come anything» (*aus nichts wird nichts*). Therefore, if things do not exist, there are also can not be their acts, perceptions. The assumption about things in itself is therefore scientific-natural proven through «law of causation» [7, S. 35–37].

This problem, that also interests F. Nietzsche, is not whether phenomena have their cause, but how we know the causality, what is the meaning, the source, the logical value of our claims of causal-consequential connection of phenomena. The aim is not to completely depreciate and declare as a misapprehension our cognition of the causal-consequential connection of phenomena, but rather to more closely determine the character and value of that cognition, as well as its place within the whole area of comprehension. This origin is necessary for getting complete picture of our cognitive abilities. Without resolving problem of causality, that picture would be very incomplete, because it would leave it unclear exactly the area of our important cognition, which would be problematical.

Our inference about causal connection is not based on reason, but on other, from reason independent principles of human nature. The experimental reasoning it-

self, on which the whole conduct of life depends, is nothing but a species of instinct or mechanical power, that acts in us unknown to ourselves. Of course, this does not mean that reason is not involved in discovering of causal links between certain phenomena [9, s. 235–238].

On the contrary, science studies various spheres of phenomena independently from teaching of universal metaphysical systems, and everything «otherworldly» considers as unavailable for any exploration. Attempts to derive all diversity of phenomena from what stands «on the other side», represents an impoverished reality and do not suit it. Arises tendency to explore reality which reveals in all its variety and wealth [10, p. 9].

The ideal and purpose of science are not consisted of giving us one as accurate as possible description of the facts. Historical relativity of scientific truth is presented in well known and often accentuated apprehension: what was considered as truth in certain time, later can be considered as misapprehension, and *vice versa*. Cognition is not based only on truth, but also on misapprehension, because misapprehension, same as truth, is an important condition not only for life, but also for scientific exploration [11, s. 392–393].

The phenomenon of uncertainty

When predicting most processes, the scientist is faced with the main limitation of the possibilities of scientific foresight – the phenomenon of uncertainty. The necessity to take it into account, during the determination of the future state, forces to introduce a difference in the results of scientific foresight by degrees of their reliability. There are three main types of predictive activity: *prediction* as a process of obtaining reliable singular statements – descriptions of future events, *forecast* and *futurology*.

The most reliable is foresight, which can be achieved when all variables are controlled and, therefore, their values are predictable. Prediction is different, because then appear factors that can not be controlled, and therefore it is impossible to speak with absolute reliability about their future values. This situation makes the description of the future state of the system less reliable than in the case of foresight. A forecast is an accurate prediction, one that always refers to specific events [12, p. 43]. The forecast refers to situations characterised by even greater uncertainty. As A. Guillán Dopico writes, forecasts are predictions that include uncertainty. Finally, there is futurology, which has evolved and exists today in the form of studies of a multivariate future (futures studies) [13, p. 111, 116–117].

Conversely, the term «prophecy» means the word or declaration of the prophet – might refer to the past, concern the present, or be in anticipation of the future. In the case of some prophets, the prophecies deal

wholly with the present; of others, the prophecies had reference mainly to the past; whilst of many, perhaps of most, the «divine» word which they uttered, «shots in its aim» and purport far into the recesses of futurity. Of such, most often was the «eagle gaze» fixed steadfastly on the glorious future, the day of deepest gloom, or of unutterable brightness [14, p. 6].

The expression «prophecy» has a lot in common with the concept of superstition. For B. Spinoza, superstition is a stranger to no one, and he opens the *Tractatus theologico-politicus*, akin to the famous first sentence of Rousseau's social contract, with an observation on the pervasiveness of superstition: «If men could manage all their affairs by a definite plan, or if fortune were always favourable to them, no one would be in the grip of superstition. But often they are in such a tight spot that they can not decide on any plan. Then they usually vacillate wretchedly between hope and fear, desiring immoderately the uncertain goods of fortune, and ready to believe anything whatever»⁵.

Within that process, there is a complex role for imagination. B. Spinoza argues that no prophet «has received God's revelations without the aid of the imagination, i. e., without the aid of words or images. This is why prophets rely on imagination; they use it to connect to an audience, strike a chord with them, regardless of the intellectual capacities they might have. B. Spinoza often emphasizes that the point is to speak to common people's imagination» [15, p. 4].

⁵The collected works of Spinoza. Volume 2 / ed. By E. Curley. Princeton ; London : Princeton University Press, 2016. 769 p.

A dual nature of a prophecy and classifying doctrines on conspiracy theories

Special attention attract cases when the prophecies reveal a dual nature – partly they reflect the future, partly they construct it. In addition to believing of influence of transcendental on predicting events in society, also exist comprehension that there are countries, organisations and influential people, present in the world, who follow their interests and secret intentions, who can also predict events, but which arise due to their will. Specific persons or groups are declared responsible for manifestations of decline, for every increase in misery and conflict. This strategy frequently functions in connection with conspiracy theories [16, p. 87].

The myth of conspiracy begets the reality of conspiracy. The myth itself grows, encompassing existing images and presentations – it does not create, but processes them, places them in a single context of the conspiracy and thereby fundamentally changes the meaning. Myth generates not only meanings, but also actions. It is a political lever, and those who resort to it are clearly aware of it; myth helps to mobilise supporters, to find enemies and to impose on them liability for those, real or imaginary, troubles and misdeeds from which society suffers [17, p. 179].

Conspiracy theories provide a quick and easy solution to a situation of uncertainty – when one person receives contradictory informations at the same time, he wants to resolve cognitive dissonance as soon as possible. Since some people have a low level of scientific literacy, and scientific explanations are too demanding and insufficiently clear for some groups, they will find it easier to accept conspiracy theories, because it is acceptable the language they use to communicate, which is based on imagination and activates our emotions. This narrative easily defeats scientific views, because it addresses our emotions, and emotional thinking is emphasised when we are scared. Conspiracy theories create the illusion of an all-encompassing meaning, and since

they are based on imagination, there is no contradiction that they can not justify.

Axioms of conspiracy theories are the following postulates: existence of secret organisation; the aim of the conspirators is to expand their power in the world; the project of the world order of conspirators is an antisystem, which opposes the traditional model. It is not clear the classification principle of modelling, but most types of doctrines is based on the concept of conspiracy bearer: freemasons, bankers, poor (or Bolsheviks), mondialists, sects⁵ [19, p. 3, 6]. In literature have been exposed to analysis and criticism texts used in the historiography of conspiracy theories in the capacity to disclosure the conspiratorial activities of secret forces: the Protocols of the Elders of Zion, the Kaiser's Dream, the Records on Anarchists etc. [20].

As a result of activity of masons, the Great French Revolution is often mentioned, but it does not exhaust all the multi-dimensionality of the phenomenon. According to conspiracy theorists, English politician and publicist H. Labouchère, member of the «Grand Masonic Lodge of England», has contributed to the implementation of a plan to destroy three major European empires: Germany, Austria-Hungary and Russia. As the editor of the *Truth* magazine, he published at Christmas Day 1890 an illustrated pamphlet entitled «The Kaiser's dream», in which Emperor Wilhelm II Hohenzollern was presented as an ordinary passenger on a train to England, leaving to find refuge in an English workhouse, because revolution occurs and he was dethroned. A map of Europe is shown after some changes (the monarchy is no more) and the bag of the lonely German Emperor reads «W. Kaiser – passenger to London». After the World War I, in November revolution 1918, German Emperor Wilhelm II was deposed and all of the three mentioned monarchies disappeared.

The understanding will come on its own. It's going to create in itself, but only on the condition that the person by itself create the condition of that self-creation of understanding. Who doesn't do this, he doesn't have an object at all, and its entire discourse would become a speech into the void, the word flow, mere air ripples and nothing more...⁴

J. G. Fichte

The Kaiser's dream
(Truth. Weihnachten 1890)

⁴See: Fichte J. G. Učenje o nauci. Beograd: JP Službeni glasnik, 2007. S. 12.

⁵The secret order «Skull and Bones», also known as «The Brotherhood of Death» is a secret society located within Yale University in Connecticut and it is one of the oldest student societies in USA. The selection of membership is made in a Masonic inspired ancient ritual, established in 1832. The society of higher education institution, whose primary capacity is to supervise activity is the Russell Association, named after one of the members and founders of this secret order. It is believed that members of society are only representatives of the highest elite, who come from the richest and most influential families of the United States. They hold important positions in politics, media and in the financial, scientific and educational spheres. The order has been remarkably adept at keeping its secret, so it fulfils first requirement for a conspiracy [18, p. 14, 49].

The specificity of this prophecy is that it «brings to the stage» exactly individuality (a special event, a special period in the history of a particular country, continent or humanity as whole), and also a specific influence, both individual and collective [21, p. 9]. In order to identify free projections, that outmatch the determinations which are given in advance, the historical situation should first be considered [6, s. 203]. The adoption of the material of historical reality begins with its «basic cell» – historical fact, and it is the result of theoretical constructing by the overall application of methods. The past years, in the eyes of historians, could be both «historical» and «non-historical»: in order to this or another segment of the past time become recognised as a historical epoch, the knowledge of historians must associate on something important.

Religious character of the theory of Masonic agreement

Although many of conspiracy theorists derive masonry from earlier religious organisations and secret societies, starting with gnostics, it is necessary to point out its principled correlation with Enlightenment epoch. We have in mind a kinship, which is not factual or even ideological, but structural. In this relation, masonry is actually different from the traditional, classical enlightenment, with its declared anti-religious fervour [22, p. 23].

Additional argument for a similar opinion are C. Baudelaire's words: «The cunningest Satan's deception is to convince us that he does not exist» [23]. Discussion about the origin of man attracts the attention not only scientists in France and England, but also respectable philosophers, thinkers of that time. As supporters of monogenism present themselves S. Montesquieu, M. Condorcet and É. Condillac. Their humanist fervour, as in the case of polygenists, leads to a comic effect «monkey becomes a man's brother», with all following consequences⁶. However, not all of prominent representatives of the Enlightenment epoch have so radical expressed politically correct opinions. Particular attention attracts F. Voltaire's position on the racial question, shown in his works «Treatise on metaphysics» (1735) and «An essay on universal history, the manners and spirit of nations» (1756). Passioned fighter for religious tolerance and social classes equality, has proven to be no less a determined supporter of a racial approach in history of humanity development. If no man has not done so much to crash idols and thwart prejudices such as F. Voltaire, also no one to that extent propagated the misapprehensions of a new century of science.

Rationalistic approach to the perception of reality

Conspiracy theorist are sceptical concerning existence of an esoteric aspect of learning. If there are some program postulates, which are not subject to disclosure,

Therefore, all important historical periods have their own and significant names: Victorian era, Nicholas's Russia, post-war Europe; it is a testimony that each of these periods has «its own face», i. e. that it is different from the others. A scientist is never interested in a separate case itself (in all its uniqueness), because he strive to the general description of reality. From the very beginning, it is clear that not everything which existed in the past, was, without ambiguity, presented as the subject of exploration. For example, if crossing Caesar over the Rubicon is an unconditionally historic event, then the same crossing of the herd over that river, no one will perceive in that way. Historical, as well as non-historical, can be facts from life of a historical figure, acts of human activity, its products and any merging of all these components [21, p. 9].

Masonry occupies a special place conditioned by the attempt of creating a new faith, which is a free merger of a different religious, mystical and mythological components. The fundamental Masonic idea of «religion in general», if you look at it from the outside, with the eyes of observer who in equal extent is not related neither to masonry, nor to Christianity, seems like an invention. Although undoubtedly close to the free-minded spirit of time, that invent remains alien to the spirit and teachings of church [22, p. 22–24].

The historiography of masonry is not identical to the historiography of the Masonic agreement. Within the Apology of the masonry, does not exist unique opinion on the leading basic aim of the «brotherhood». In literature is presented classification on two groups of possible interpretations: ethical-psychological and organisational. In the major opinion, it is not correct to contrast the ethical principle to the organisational, because if the organisation is a form, than ethical learning is an ideological content. It is more correct to differ the ethical-philanthropic version from the social political domination, during the explaining the character of the movement of masons.

The theory of Masonic agreement is within borders of socially political approach to interpreting the ideological content of the freemasons doctrine. Opposition the official and secret components of Masonic ideology allows the accepting of assumption about existence of a divergence between a declared and true Masonic program [19, p. 33, 130].

consequently, their hiding can be motivated by criminal character of the way of thinking and acting. For us, in particular interest is the question of how intelligence

⁶Nietzsche's Zarathustra speaks to the gathered people as follows: «Human being is something that must be overcome. What have you done to overcome him? All creatures so far created something beyond themselves; and you want to be the ebb of this great flood and would even rather go back to animals than overcome humans? What is the ape to a human? A laughing stock or a painful embarrassment» [24, p. 5–6].

was positioned at the beginning of the last century, and its relation, direct or implicit, to the accusations of conspiracy theorist, directed at its address.

The moral definition, known as «intelligence is the conscience of the people», is opposed by a different set of characteristic features of intelligence. The first and major of these features is this: «intelligence is, first of all, a social group». Therefore, if individual intellectuals can be found in different epochs, then intelligence as a social group is formed at the beginning of XVIII century. Its main characteristic is opposition to established social-cultural institutions. Intelligence is an ethical-antiphilistic, sociologically non-verbal, out of class, successive group, characterised by creativity of new forms and ideals, and their active implementation into life.

Modern man is increasingly aware of the danger of dissolution in a virtual void, masked by formal openness and diversity. K. Marx in his letter to A. Ruge (1843) stressed that the old world belongs to the philistines, who A. Schopenhauer defines as people without spiritual, or intellectual needs, desire for knowledge and understanding, who do not receive aesthetic pleasure from art, but only have physical needs [25, s. 499].

Conspiracy theories are often defined as a way of interacting with reality, to which a person who believes in a conspiracy is inclined from a sense of powerlessness.

Conclusion

A new type of conspiratorial myth has become a popular way of adopting and interpreting events, especially among educated people. Socioeconomic and political changes in society, created in recent times, and the emergence of national states, also determined actuality of conspiracy theories. Possessing a powerful capacity for social mobilisation, conspiracy theories are used by intellectual elite, as one of the instruments for preserving the existing order of relation in society, but also for forming national self-awareness.

The myth of conspiracy begets the reality of conspiracy. The myth itself grows, encompassing existing images and presentations – it does not create, but processes them, places them in a single context of the conspiracy and thereby fundamentally changes the meaning. Myth generates not only meanings, but also actions. It is a political lever, and those who resort to it are clearly aware of it; myth helps to mobilise supporters, to find enemies and to impose on them liability for those, real or imaginary, troubles and misdeeds from which society suffers.

Physical laws, or the laws of nature are valid anywhere and always, because the physical world is ruled by a system of physical uniformities invariable throughout space and time. Sociological laws, however, or the laws of social life, differ in different places and periods. If there is such a thing as growing human knowledge, then we can not anticipate today what we shall know only tomorrow. No scientific predictor – whether a human scientist or a calculating machine – can possibly predict, by scientific methods, its own future results.

As a rule, the more theory of conspiracy exists in society, the less healthy politics remains in it. M. Fenster also notes that the theory of conspiracy is the peculiar theory of power, rationalistic and instrumentalistic approach towards the perception of reality which surrounded us, created in the epoch of Enlightenment, when human activity could be felt behind every event in public life [26, p. 289]. Although the proponents of similar theories are aware that every act leaves a mark in history which can be followed, they deeply believe that the actions of this or other groups of «conspirators» is not possible to be perceived with eyes of an average man [27].

P. Bourdieu sees a society as one space in multiple dimensions, within social actors occupy their position which is determined by the extent of their total capital. In this sense, he distinguishes the dominant classes, which characterise possession of the strong global capital of the dominated class, whose capital is modest, but within the dominant class exists one dominated faction made up of social actors, whose cultural capital is stronger than economic (in modern societies that are intellectuals, «free professionals» etc.). Intellectuals, as a dominated faction of the dominant class, must fight for autonomy in regard to political and economic forces, as well as for possibility of imposing their own measures and values, not only on the field of production of cultural goods, but also in entire social space [28, c. 99].

Attempts to do so can attain their result only after the event, when it is too late for a prediction; they can attain their result only after the prediction has turned into a retrodiction.

Instead of the concept «scientific prediction», the term «prophecy» attracts more attention of certain social groups, especially cases when the prophecies reveal a dual nature – partly they reflect the future, partly they construct it. Specific persons or groups are declared responsible for manifestations of decline, for every increase in misery and conflict. This strategy frequently functions in connection with conspiracy theories.

As a rule, the more theory of conspiracy exists in society, the less healthy politics remains in it. The theory of conspiracy is the peculiar theory of power, rationalistic and instrumentalistic approach towards the perception of reality which surrounded us, created in Enlightenment epoch, when human activity could be felt behind every event in public life. Although the proponents of similar theories are aware that every act leaves a mark in history which can be followed, they deeply believe that the actions of this or other groups of «conspirators» is not possible to be perceived with eyes of an average man.

On the contrary, intelligence as a social group characterises opposition to established social-cultural institutions, because it is an ethical-antiphilistic, sociologically non-verbal, out of class, successive group, characterised by creativity of new forms and ideals, and their active implementation into life.

Библиографические ссылки

1. Popper K. *The open society and its enemies*. Princeton: Princeton University Press; 2013. 755 p.
2. Карако ПС. Природа и космизм в творческом наследии Ф. М. Достоевского (к 200-летию со дня рождения). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;2:53–61.
3. Popper K. *Beda istoricizma*. Beograd: Dereta; 2009. 176 s.
4. Garenquieres T. *The true prophecies or prognostications of Michael Nostradamus physician*. London: Thomas Ratcliffe; 1672. 556 p.
5. False Prophets Series – Part 1: Nostradamus [Internet; cited 2021 March 15]. Available from: <https://www.manyprophetsonemessage.com/2018/03/27/false-prophets-series-part-1-nostradamus/>.
6. Lošonc M. Šta je istorijska singularnost? Pojmovne dileme i izazovi. *ARHE*. 2016;12(23):201–223. DOI: 10.19090/arhe.2015.23.201-223.
7. Rickert H. *Der Gegenstand der Erkenntnis*. Tübingen: J. C. B. Mohr; 1904. 244 S.
8. Radinković Ž. Fenomenologija kao transcendentna filozofija. *Filozofska istraživanja*. 2017;37(3):435–448.
9. Hume D. *Istraživanje o ljudskom razumu*. Zagreb: Kultura; 1956. 259 s.
10. Дильтей В. *Описательная психология*. Зайцева Е, переводчик. Москва: Рипол Классик; 2018. 290 с.
11. Nastović I. *Dubinsko-psihološki dijagnostički praktikum: teorija i praksa dubinske psihologije*. Gornji Milanovac: Dečje novine; 1989. 558 s.
12. Rescher N. *Predicting the future: an introduction to the theory of forecasting*. New York: State University of New York Press; 1998. 315 p.
13. Пирожкова СВ. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего. *Философия науки и техники*. 2016;21(2):111–129. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-111-129.
14. Leciure A. *The sure word of prophecy; its definition, authority, purpose, and interpretation*. London: Seeley, Jackson and Halliday; 1864. 40 p.
15. van der Klaauw J. Conspiracy theories as superstition: today's mirror image in Spinoza's tractatus theologico-politicus. *Philosophies*. 2021;6(39):1–12. DOI: 10.3390/philosophies6020039.
16. Zecha G. *Critical rationalism and educational discourse*. Amsterdam: Rodopi; 1999. 280 p.
17. Тесля А. *Русские беседы: лица и ситуации*. Москва: Рипол Классик; 2018. 512 с.
18. Robbins A. *Skull & Bones*. Paris: Max Milo Éditions; 2005. 255 p.
19. Эрнестович БВ. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв.: критика мифологизации истории [диссертация]. Москва: Московский государственный университет сервиса; 2000. 529 с.
20. Записка об анархистах [Интернет; процитировано 11 марта 2021 г.]. Доступно по: <http://indbooks.in/mirror8.ru/?p=5549>.
21. Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. Москва: Республика; 1998. 413 с.
22. Хлебников МВ. «Теория заговора». *Историко-философский очерк*. Новосибирск: Альфа-Порте; 2014. 460 с.
23. Baudelaire Ch. Poème Le Joueur généreux [Internet; cited 2021 March 12]. Available from: <https://paroles2chansons.lemonde.fr/auteur-charles-baudelaire/poeme-le-joueur-geneux.html>.
24. Nietzsche F. *Thus spoke Zarathustra*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 316 p.
25. *Der Große Brockhaus. Band 14*. Leipzig: Brochhaus F. A.; 1993. 729 S.
26. Fenster M. *Conspiracy theories: secrecy and power in American culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2008. 371 p.
27. Яблоков ИА. Теория заговора и современное историческое сознание: на примере американской исторической мысли [диссертация]. Томск: Томский государственный университет; 2010. 222 с.
28. Slavković V. Zakonodavstvo i nauka krivičnog prava. *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Nišu*. 2014:85–103.

References

1. Popper K. *The open society and its enemies*. Princeton: Princeton University Press; 2013. 755 p.
2. Karako P. S. Nature and cosmism in the creative heritage of F. M. Dostoevsky (to the 200th anniversary of his birth). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;2:53–61. Russian.
3. Popper K. *Beda istoricizma*. Beograd: Dereta; 2009. 176 s.
4. Garenquieres T. *The true prophecies or prognostications of Michael Nostradamus physician*. London: Thomas Ratcliffe; 1672. 556 p.
5. False Prophets Series – Part 1: Nostradamus [Internet; cited 2021 March 15]. Available from: <https://www.manyprophetsonemessage.com/2018/03/27/false-prophets-series-part-1-nostradamus/>.
6. Lošonc M. Šta je istorijska singularnost? Pojmovne dileme i izazovi. *ARHE*. 2016;12(23):201–223. DOI: 10.19090/arhe.2015.23.201-223.
7. Rickert H. *Der Gegenstand der Erkenntnis*. Tübingen: J. C. B. Mohr; 1904. 244 S.
8. Radinković Ž. Fenomenologija kao transcendentna filozofija. *Filozofska istraživanja*. 2017;37(3):435–448.
9. Hume D. *Istraživanje o ljudskom razumu*. Zagreb: Kultura; 1956. 259 s.
10. Dilthey W. *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Zaitseva E, translator. Moscow: Ripol Classic; 2018. 290 p. Russian.
11. Nastović I. *Dubinsko-psihološki dijagnostički praktikum: teorija i praksa dubinske psihologije*. Gornji Milanovac: Dečje novine; 1989. 558 s.
12. Rescher N. *Predicting the future: an introduction to the theory of forecasting*. New York: State University of New York Press; 1998. 315 p.
13. Pirozhkova SV. Prediction, forecast, scenario: on question about diversity of prognostic research's results. *Philosophy of Science and Technology*. 2016;21(2):111–129. Russian. DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-111-129.

14. Leciure A. *The sure word of prophecy; its definition, authority, purpose, and interpretation*. London: Seeley, Jackson and Halliday; 1864. 40 p.
15. van der Klaauw J. Conspiracy theories as superstition: today's mirror image in Spinoza's tractatus theologico-politicus. *Philosophies*. 2021;6(39):1–12. DOI: 10.3390/philosophies6020039.
16. Zecha G. *Critical rationalism and educational discourse*. Amsterdam: Rodopi; 1999. 280 p.
17. Teslja A. *Russkie besedy: litsa i situatsii* [Russian stories: faces and situations]. Moscow: Ripol Classic; 2018. 512 p. Russian.
18. Robbins A. *Skull & Bones*. Paris: Max Milo Éditions; 2005. 255 p.
19. Ernestovich BV. «Teoriya zagovora» v otechestvennoj istoriografii vtoroj poloviny XIX–XX vv.: kritika mifologizacii istorii [«Conspiracy theory» in Russian patriotic historiography of the second half of the 19th–20th centuries: criticism of the mythologisation of history; dissertation]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet servisa; 2000. 529 p. Russian.
20. Note about anarchists [Internet; cited 2021 March 11]. Available from: <http://indbooks.in/mirror8.ru/?p=5549>. Russian.
21. Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences about nature and sciences about culture]. Moscow: Respublika; 1998. 413 p. Russian.
22. Hlebnikov MV. «Teoriya zagovora». *Istoriko-filosofskij ocherk* [«Conspiracy theory». Historical and philosophical sketch]. Novosibirsk: Alfa-Porte; 2014. 460 p. Russian.
23. Baudelaire Ch. Poème Le Joueur généreux [Internet; cited 2021 March 12]. Available from: <https://paroles2chansons.lemonde.fr/auteur-charles-baudelaire/poeme-le-joueur-generoux.html>.
24. Nietzsche F. *Thus spoke Zarathustra*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 316 p.
25. *Der Große Brockhaus. Band 14*. Leipzig: Brochhaus F. A.; 1993. 729 S.
26. Fenster M. *Conspiracy theories: secrecy and power in American culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2008. 371 p.
27. Yablokov IA. *Teoriya zagovora i sovremennoe istoricheskoe soznanie: na primere amerikanskoj istoricheskoi mysli* [Conspiracy theory and contemporary historical consciousness: an example of American historical thought; dissertation]. Tomsk: Tomsk State University; 2010. 222 p. Russian.
28. Slavković V. Zakonodavstvo i nauka krivičnog prava. *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Nišu*. 2014:85–103.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2021.
Received by editorial board 27.10.2021.

УДК 316.422.44

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

С. В. КУЗЬМИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются цифровые компетенции, необходимые студентам в образовательном процессе и молодым специалистам в трудовой деятельности. Предложена модель основных цифровых компетенций. Показаны результаты исследований, проведенных среди белорусских студентов, а также среди работников Минска. Выявлено, как студенческая молодежь и молодые специалисты оценивают свои компетенции по овладению цифровыми технологиями, изучена их мотивация к освоению технических новинок. Полученные результаты могут использоваться для разработки мероприятий и программ по улучшению качества трудовой и образовательной деятельности.

Ключевые слова: цифровая культура; цифровые технологии; цифровые компетенции; модель цифровых компетенций; дистанционное обучение.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г20Р-109 от 04.05.2020 г. «Влияния цифровой трансформации на трудовую активность городского населения (на примере Минска и Санкт-Петербурга)»).

DIGITAL COMPETENCIES OF THE STUDENTS AND YOUNG PROFESSIONALS

S. V. KUZMIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper examines the digital competencies necessary for students in the educational process and young professionals in the workplace. A model of the key digital competencies has been constructed. The results of two surveys conducted among Belarusian students and among the young employees in Minsk are presented. The purpose of the article is to identify how students and young employees evaluate their digital competencies in mastering digital technologies, and to study youth motivation when mastering technical innovations. The results obtained can be used to develop activities and programs aimed at improvement of the quality of labour and the educational activities.

Keywords: digital culture; digital technologies; digital competencies; digital competence model; distance learning.

Acknowledgements. The research was prepared with financial support from the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. G20R-109 dated 04.05.2020 «The impact of digital transformation on the labour activity of the urban population (by the example of Minsk and St. Petersburg)»).

Образец цитирования:

Кузьмин СВ. Цифровые компетенции студентов и молодых специалистов. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;1:68–73.

For citation:

Kuzmin SV. Digital competencies of the students and young professionals. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;1:68–73. Russian.

Автор:

Сергей Владимирович Кузьмин – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко.

Author:

Sergey V. Kuzmin, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. 13_sersei_belarus@mail.ru

Введение

В условиях развития цифровой экономики люди и организации все больше применяют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), что увеличивает производственную активность. Прогресс в сфере цифровых продуктов и услуг способствует внедрению новых технологий в различные области жизнедеятельности. Цифровые технологии становятся все более распространенными на рабочих местах, в том числе в тех секторах эконо-

мики, которые традиционно не связаны с цифровизацией.

Цель нашей работы – изучить, насколько хорошо оценивают свои навыки по владению цифровыми технологиями молодые специалисты и студенты, а также выявить их мотивацию к освоению технических новинок. В этих целях были проведены исследования среди белорусских студентов и среди работников разных сфер деятельности Минска.

Теоретические основы исследования

С каждым годом появляются новые ИКТ, которые облегчают жизнь людей в разных сферах (трудовой, образовательной и др.). Важнейшим понятием, характеризующим процесс цифровизации, является цифровая культура. Несмотря на различия в дефиниции, интерпретации и структуре цифровой культуры, большинство авторов включают в ее содержание определенный уровень цифровых знаний, навыков по их использованию, цифровые ценности, связи и практики применения указанных знаний, навыков и компетенций в конкретной сфере жизнедеятельности (включая экономику и образование). Цифровая культура репрезентирует множество различных моделей, которые сформированы благодаря слиянию цифровых технологий с другими формами знаний и деятельности. В результате могут создаваться новые модели цифровой культуры, специфика которых состоит в использовании ИКТ в разных сферах науки, культуры, политики, права и т. д. [1, с. 24].

При рассмотрении цифровой культуры немаловажную роль отводят цифровым компетенциям. Они формируются на базе имеющихся цифровых знаний, однако отличаются практической направленностью и применяются для решения конкретных проблем в той или иной сфере деятельности.

В 2006 г. были приняты Европейские рекомендации о восьми ключевых компетенциях для XXI в. Цифровая компетенция была признана одной из главных и определена следующим образом: «уверенность, критическое и творческое использование ИКТ для достижения целей, связанных с работой, занятостью, обучением, отдыхом, участием в жизни общества и экономики цифровых компетенций» [2, с. 38]. Система высшего образования, формируя у нынешнего поколения цифровую культуру и цифровые компетенции, должна готовить студентов не только к будущей трудовой деятельности, но и к жизни в цифровой реальности. Следовательно, в трактовке цифровых компетенций подчеркивается их креативный, творческий характер, который означа-

ет, что невозможно найти единственный механизм использования ИКТ, так как он может различаться в зависимости от сферы деятельности [1, с. 25].

Цифровые компетенции включают навыки по использованию информации (по ее поиску, систематизации, анализу), коммуникации (общению в интернете, социальных сетях), умение работать с базами данных и использовать аналитические программы, а также решать задачи с помощью адекватных цифровых средств и ресурсов.

Очевидно, что эти компетенции должны культивироваться как в образовательном процессе, так и в трудовой сфере деятельности. Необходимость повсеместного применения ИКТ сформулирована в стратегии развития Беларуси¹. Таким образом, обучение студентов цифровой культуре, оказание работникам помощи в овладении ИКТ с последующим использованием их в трудовой деятельности – одна из задач государства.

Кроме собственно цифровых компетенций, в цифровую культуру входят и универсальные компетенции, овладение которыми необходимо в процессе подготовки современного молодого специалиста. Универсальные компетенции включают умение работать в команде, коммуникабельность, критическое мышление, управленческие и аналитические навыки. Как отмечают практики, часто молодым специалистам существенно не хватает именно универсальных компетенций. Набор навыков для овладения конкретными профессиями постоянно меняется. Одни профессии и вовсе исчезают, а другие только появляются. Ввиду этого значение компетенций, которые могут пригодиться в любой сфере деятельности, резко возрастает. Работодатели заинтересованы в сотрудниках с уникальным набором навыков и компетенций, применимых в любой сфере. Их наличие позволяет специалистам выполнять самые разные задачи в новых условиях [2, с. 39].

По данным Р. Н. Абрамова и С. Г. Климовой, необходимыми индикаторами успеха и инновационности современных работников являются

¹Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040». Минск : НАН Беларуси, 2017. С. 16.

уверенность в себе и внутренний контроль, установка на непрерывное образование и освоение новых навыков и профессий, умение работать с источниками информации, социальная компетентность, ориентация на цель и практически постоянное состояние мобилизации для достижения этой цели [3, с. 103]. Поскольку эти навыки и качества необходимы во всех сферах трудовой деятельности, их можно культивировать у студентов любой специальности.

Рассмотрим модели цифровых компетенций студентов и молодых работников. Как отмечают в литературе, в процессе подготовки молодых специалистов необходимо не только давать им теоретические знания в области цифровых технологий, но и обучать пользоваться практическими компетенциями [4, с. 303]. Модель цифровых компетенций студентов включает следующие навыки:

1) умение пользоваться персональным компьютером. Применение компьютера в образовательном процессе позволяет ускорить сбор необходимой информации, а также взаимодействие с ней;

2) умение пользоваться программным обеспечением. Например, применение пакета программ *Microsoft Office* позволяет студентам лучше учиться и презентовать свои знания;

3) умение искать информацию. Современные студенты занимаются поиском различной информации, представленной и на печатных, и на электронных носителях. Данная компетенция ускорит и упростит процесс обучения;

4) умение пользоваться приложениями для видеоконференций. Сегодня, когда обучение переходит на дистанционный формат, а некоторые конференции проводятся онлайн, данный навык становится актуальным;

5) умение работать с профессиональными программами и аналитическими системами. Образовательный процесс направлен в первую очередь на освоение компетенций, поэтому изучение профессиональных программ и аналитических систем позволит студентам максимально ознакомиться с будущей профессией.

Основная цель применения цифровых компетенций – усовершенствование рабочего процесса. Не все работники обязаны обладать данными навыка-

ми: некоторые области деятельности никак не связаны с использованием новых цифровых технологий [4, с. 303]. Однако для большинства профессий они очень важны. Перечислим основные цифровые компетенции работников:

1) использование персонального компьютера. Данная компетенция необходима как офисным работникам, так и научным сотрудникам (для ведения отчетности, переписки, управления персоналом, распространения важной информации и т. д.). Сегодня эта технология общедоступна и является основным инструментом во многих сферах деятельности;

2) использование программного обеспечения. Данная компетенция позволяет профессионально оформить результаты своей работы. Если сотрудник владеет навыками использования текстовых редакторов (включая возможности по встраиванию в формируемый документ разнообразных видео-, фото-, аудиообъектов), умеет работать с компьютерной графикой, изображениями, картами, это повышает его профессионализм и обеспечивает продуктивность и эффективность работы;

3) коммуникационные компетенции. Умение пользоваться электронной почтой, приложениями для видеоконференций дает возможность эффективно общаться, дистанционно решать рабочие вопросы с коллективом, начальством;

4) обработка и хранение данных. Важно не только уметь работать с данными, но и приводить их в надлежащий общий вид, благодаря которому они будут понятны и доступны коллегам. Данная компетенция позволяет более оперативно работать в команде;

5) работа с профессиональными программами. Развитие технических систем упрощает сложные процессы, однако требует глубокого изучения. Компетенция, связанная с поиском и анализом информации с помощью профессиональных программ, является одной из самых востребованных.

Сравнивая модели компетенции студентов и работников, можно прийти к выводу о том, что они во многом схожи. Цифровые компетенции работников направлены на улучшение качества выполняемой работы, в то время как цифровые компетенции студентов направлены на освоение профессиональных навыков.

Результаты и их обсуждение

В рамках сравнительного исследования в феврале-марте 2021 г. проводились опросы среди занятого населения Минска (выборка составила 410 респондентов, среди них мы выделили молодых работников до 30 лет), а также среди белорусских студентов (выборка составила 1733 респондента). Часть заданных вопросов были направлены на выявление

цифровых компетенций у представителей каждой группы. Так, работникам и студентам предлагалось оценить, улучшились ли их навыки за последний год. Данный вопрос представляет собой особую актуальность в связи с переходом большинства студентов и части работников на дистанционную форму обучения и работы. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Доля респондентов, улучшивших свои навыки владения ИКТ за последний год, %

Table 1

Share of respondents who improved their information and communication skills over the past year, %

ИКТ	Молодые специалисты	Остальные работники	Студенты
Персональный компьютер, смартфон	56,8	57,1	82,4
Пакет программ <i>Microsoft Office</i>	44,2	42,5	82,1
Электронная почта	43,2	42,9	70,8
Поисковые системы (<i>Google</i> , Яндекс)	44,2	51,4	67,2
Приложения для видеоконференций	50,5	37,5	82,4
Облачные хранилища	35,8	31,4	65,0
Профессиональные программы и информационно-аналитические системы	40,0	41,9	43,0

Молодые специалисты лучше освоили приложения для видеоконференций, чем остальные работники (разница составила 13,0 процентных пункта), а также облачные хранилища (разница – 4,4 процентных пункта). Скорее всего, это связано с тем, что работникам старшего возраста несколько сложнее освоить новые технологии, чем молодым. Однако поисковые системы молодые специалисты за последний год освоили хуже (разница составила более 7 процентных пункта), уровень владения профессиональными программами у молодых специалистов ниже, чем у их старших коллег (вероятно, это обусловлено тем, что сотрудники старше 30 лет работают с определенными программами на протяжении более длительного времени).

Самооценка уровня овладения ИКТ у студентов значительно выше, чем у работающих респондентов. Более 80 % студентов считают, что улучшили свои навыки владения персональным компьютером, пакетом программ *Microsoft Office* и приложениями для видеоконференций. Столь высокий процент может быть связан или с завышенным мнением студентов о своих возможностях (ввиду того, что большинство еще не применяли свои навыки в профессиональной деятельности), или с тем, что таким образом они демонстрируют хорошее качество образования, благодаря которому улучшили свои навыки.

Респондентам также предлагалось оценить свои навыки владения ИКТ в настоящий момент времени по пятибалльной шкале (табл. 2).

Таблица 2

Средняя оценка владения ИКТ респондентами, баллы

Table 2

Average assessment of respondents' knowledge of information and communication technologies, points

ИКТ	Молодые специалисты	Остальные работники	Студенты
Персональный компьютер, смартфон	4,7	4,4	4,7
Пакет программ <i>Microsoft Office</i>	4,0	3,9	4,3
Электронная почта	4,7	4,4	4,6
Поисковые системы (<i>Google</i> , Яндекс)	4,8	4,7	4,8
Приложения для видеоконференций	3,7	3,2	3,9
Облачные хранилища	3,8	3,4	3,9
Профессиональные программы и информационно-аналитические системы	3,0	3,1	2,7

В целом уровень самооценки владения ИКТ студентов и молодых специалистов близок. Обе группы респондентов одинаково высоко оценили

качество своей работы с персональным компьютером, электронной почтой, поисковыми системами, чуть ниже – навыки владения приложениями

для видеоконференций и облачными хранилищами. Остальные работники (старше 30 лет) оценивают свои умения пользоваться ИКТ хуже почти по всем пунктам, за исключением работы с профессиональными программами и информационно-аналитическими системами. Полученные данные подтверждают, что уровень владения цифровыми технологиями у молодых специалистов высокий, при этом их старшие коллеги почти не отстают по этому показателю.

Большой разрыв в количестве улучшивших свои навыки владения ИКТ студентов и работников обусловлен тем, что студенты постоянно развивают свои умения, в то время как работники заняты непосредственно трудовой деятельностью, а не образовательной. Таким образом, можно говорить о довольно высоком уровне компетенций обеих групп.

Также была изучена мотивация студентов, молодых специалистов и остальных работников к освоению ИКТ (табл. 3).

Таблица 3

Мотивация респондентов к овладению ИКТ, %

Table 3

Motivation of respondents to master information and communication technologies, %

Мотивация	Молодые специалисты	Остальные работники	Студенты
Интерес, желание развиваться, узнавать что-то новое, двигаться вперед	97,2	94,9	76,4
Желание работать более эффективно, больше успевать, справляться со сложными задачами	73,6	74,8	45,7
Желание сделать свою жизнь более интересной и насыщенной	61,1	59,4	40,9
Невозможность сделать карьеру, получить новую должность без знания новых технологий	43,1	38,5	65,6
Желание сменить работу	38,9	25,6	–
По распоряжению руководства (чтобы иметь возможность выполнять профессиональные обязанности)	27,8	31,6	–
Под влиянием окружения, семьи, родственников (чтобы быть на связи, не оказаться в изоляции)	18,1	26,9	21,1
Страх потерять работу, лишиться премии, должности	4,2	12,0	7,6
Другое	1,4	3,8	2,4

Таким образом, и для молодых, и для более старших работников мотивацией к изучению цифровых новинок являются интерес, желание развиваться, работать эффективнее и сделать свою жизнь более насыщенной и интересной. Основные различия в мотивации данных групп заключаются в том, что молодые специалисты чаще изучают технические новинки для того, чтобы иметь возможность сменить работу (39 % против 25,6 %), в то время как остальные работники чаще изучают что-то новое под влиянием родственников или семьи (27 % против 18 %), а также из-за того, что боятся потерять работу, лишиться должности или премии (12 % против 4,2 %). Молодые специалисты, по сравнению со своими старшими коллегами, чаще считают, что без знаний новых технологий тяжело построить карьеру и в целом заниматься трудовой деятельностью (разница составила 4,6 процентных пункта).

Выявленная в исследовании мотивация статистически не связана с уровнем образования работ-

ников: среди респондентов и с высшим образованием, и без него прослеживались одинаковые тренды.

Мотивация осваивать технические новинки у студентов связана прежде всего с интересом и желанием развиваться, а также с уверенностью в том, что в будущем знание этих технологий будет полезно.

Студентам предлагалось оценить влияние дистанционной формы обучения на успеваемость. Они отметили, что удаленный формат обучения способствовал росту их самодисциплины и самоорганизации, так как необходимо было грамотно распределять свое время. Очевидно, что полученные навыки в будущем позволят им эффективно организовывать и свое рабочее время независимо от условий. Часть студентов отметили рост навыков самообучения, которое, по их мнению, оказалось эффективным. Независимо от дальнейших условий организации учебного процесса, навыки, приобретенные в период обучения с использованием ИКТ, будут и дальше способствовать развитию у студентов компетенций, востребованных информационным обществом.

Заключение

Исследование показало, что разница в овладении цифровыми компетенциями между молодыми специалистами и их старшими коллегами незначительна. За последний год более 56 % работников усовершенствовали навыки владения персональным компьютером, более 42 % стали увереннее применять пакет программ *Microsoft Office*, а 43 % улучшили умения пользоваться электронной почтой. Видимо, степень овладения новыми технологиями зависит не только от возраста. Различия связаны с применением конкретных программ, которые необходимы для их деятельности: молодые специалисты быстрее осваивают приложения для видеоконференций, а их старшие коллеги лучше владеют профессиональными программами и аналитическими системами. На наш взгляд, необходимо оказывать поддержку всем работникам в изучении новых цифровых компетенций: благодаря этому молодые специалисты смогут эффективнее применять свои трудовые навыки и освоиться в новом коллективе, а их старшие коллеги – не только улучшить качество трудовой деятельности, но и более успешно использовать цифровые технологии.

У студентов уровень владения ИКТ высокий (средняя оценка составила не ниже 3,9 балла), про-

блемы есть лишь с использованием профессиональных программ (средняя оценка – 2,7 балла). Освоение цифровых компетенций позволит им стать востребованными специалистами.

Для развития цифровых компетенций нужны новые стратегии и новаторские подходы. Новые стратегии подразумевают под собой пересмотр программ обучения, интеграцию методик приобретения цифровых и социальных навыков, реформу подготовки выпускников посредством разработки программ совместно с представителями конкретных отраслей, расширение цифрового потенциала преподавателей и сертификации цифровых навыков, усовершенствование работы центров переподготовки кадров. Новаторские подходы должны включать меры по обеспечению доступа к ИКТ, широкого участия и устойчивости реализации навыков и компетенций, а именно обеспечение физической и финансовой доступности программ по развитию цифровых навыков для всех желающих, в особенности для незащищенных групп населения, внедрение соответствующих концепций обучения цифровым навыкам, поиск квалифицированных преподавателей, разработку устойчивых бизнес-моделей [5, с. 324].

Библиографические ссылки

1. Титаренко ЛГ. Виртуализация образования в условиях цифровой экономики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:23–30.
2. Ковалев ММ. Образование для цифровой экономики. *Цифровая трансформация*. 2018;1:37–42.
3. Абрамов РН, Климова СГ. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия. *Мир России*. 2010;2:98–117.
4. Богданова ИФ, Богданова НФ, Шемаров АИ. Формирование цифровых компетенций при подготовке научных работников. В: Бельский АБ, редактор. *Цифровая трансформация образования. Материалы II Международной научно-практической конференции; 27 марта 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: ГИАЦ Минобразования; 2019. с. 302–305.
5. Головенчик ГГ. Цифровые компетенции и навыки будущего. В: Бельский АБ, редактор. *Цифровая трансформация образования. Материалы II Международной научно-практической конференции; 27 марта 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: ГИАЦ Минобразования; 2019. с. 325–328.

References

1. Titarenko LG. Virtualization of education in a digital economy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:23–30. Russian.
2. Kovalev MM. Education for the digital economy. *Digital transformation*. 2018;1:37–42. Russian.
3. Abramov RN, Klimova SG. [Modern worker: conceptualisation and empirical verification of the concept]. *Mir Rossii*. 2010;2:98–117. Russian.
4. Bogdanova IF, Bogdanova NF, Shemarov AI. [Formation of digital competencies in the training of researchers]. In: Belsky AB, editor. *Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 27 marta 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Digital transformation of education. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference; 2019 March 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Main Information and Analytical Center of the Ministry of Education of the Republic of Belarus; 2019. p. 302–305. Russian.
5. Golovenchik GG. [Digital competencies and skills of the future]. In: Belsky AB, editor. *Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 27 marta 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Digital transformation of education. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference; 2019 March 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Main Information and Analytical Center of the Ministry of Education of the Republic of Belarus; 2019. p. 325–328.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2021.
Received by editorial board 27.10.2021.

УДК 316.012

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕИ РОДОВЫХ ПОМЕСТИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Р. В. ЧАЙКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь

Представлены результаты социологического исследования родовых поместий Беларуси, проведенного в мае 2021 г. Показана взаимосвязь между успешной реализацией идеи родовых поместий и выполнением государственных программ Республики Беларусь по следующим направлениям: демографии, занятости, образованию, культуре, экологии.

Ключевые слова: программа социально-экономического развития страны; родовые поместья; поселения родовых поместий; демография; занятость; образование; культура; экология.

RELEVANCE OF THE IDEA OF FAMILY HOMESTEADS IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

R. U. CHAIKOUSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the results of sociological study on the topic of family homesteads in Belarus, which was conducted online in May 2021. The relationship between successful implementation of the idea of family homesteads and successful implementation of indicators for the main program of social and economic development of the country and the number of other state programs of the Republic of Belarus is shown.

Keywords: program of social and economic development of the country; family homesteads; demography; employment; education; culture; ecology.

Наиболее точное определение родового поместья дается в принятом в марте 2010 г. региональном законе Белгородской области (Россия), в котором утверждается, что родовое поместье – это земельный участок с находящимися на нем зданиями, сооружениями, иным имуществом, на котором организуется ведение поместного хозяйства. Поместное хозяйство, в свою очередь, форма жизненного уклада, при которой отдается приоритет использованию и охране земли как важнейшего

природного ресурса, внедряются экологические системы земледелия, осуществляются гармоничное взаимодействие с природой и минимальное негативное влияние на нее, возрождаются исконные народные обряды, праздники и ремесла, популяризируется здоровый образ жизни. В упомянутом документе под родовым поселением понимается объединение граждан, ведущих поместное хозяйство в родовых поместьях, компактно расположенных между собой¹.

¹Закон Белгородской области от 15 марта 2010 г. № 331 «О родовых усадьбах в Белгородской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://files.belduma.ru/pdf/594186-594272.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

Образец цитирования:

Чайковская РВ. Актуальность идеи родовых поместий в контексте социально-экономического развития страны. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:74–81.

For citation:

Chaikouskaya RU. Relevance of the idea of family homesteads in the context of social and economic development of the country. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:74–81. Russian.

Автор:

Регина Владимировна Чайковская – аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор А. В. Рубанов.

Author:

Rehina U. Chaikouskaya, postgraduate student at the department of sociology, faculty of sociology.
rehina_10@inbox.lv

Известно, что в конце июля 2021 г. депутаты и сенатор Российской Федерации внесли в Государственную думу законопроект «О семейных поместьях и семейных поселениях в Российской Федерации», который сейчас находится на рассмотрении. Через депутата свои поправки в законопроект активно вносят создатели родовых поместий². Предполагается, что закон вступит в силу в 2022 г.³

Как и в России, в Беларуси родовые поместья стали появляться в начале XXI в. Сегодня около 700 человек, или 250 семей, создают их во всех регионах страны⁴.

В мае 2021 г. было проведено республиканское исследование «Жизнь в родовых поместьях Беларуси» среди тех, кто уже проживает в родовых поместьях (61,4 %), и тех, кто занимается их строительством (38,6 %). Отбор респондентов онлайн-опроса осуществлялся методом снежного кома. Всего приняли участие 88 человек (52,3 % женщин; 47,7 % мужчин), т. е. 18 % от предполагаемой генеральной совокупности. Среди опрошенных люди в возрасте 30–39 лет составляют 46,6 %, в возрасте 40–49 лет – 28,4 %, в возрасте 50–59 лет – 15,9 %, в возрасте 60 лет и старше – 5,7 %, в возрасте до 30 лет – 3,4 %. Участники опроса имеют высшее (76,1 %), среднее и среднее специальное (15,9 %), неоконченное высшее (8,0 %) образование. Среди опрошенных 81,8 % состоят в браке, 10,2 % не состоят в браке, 8,0 % респондентов разведены.

Значительная часть респондентов (87,5 %) удовлетворены своей жизнью, и многие (86,4 %) полагают, что в ближайшем будущем, через два – три года, будут жить лучше. Каждый десятый опрошенный ответил, что не удовлетворен своей жизнью и не может оценить предполагаемое качество жизни в будущем.

Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы была утверждена Указом Президента от 29 июля 2021 г. № 292. Ее главными целями являются обеспечение стабильности в обществе и рост благосостояния граждан за счет модернизации экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для жизни, работы и самореализации человека⁵. В ходе исследования участникам было предложено ответить на вопросы, имеющие отно-

шение к таким основным направлениям развития страны, как улучшение качества жизни населения, укрепление экономического потенциала и региональное развитие.

Почти все респонденты (94,3 %) согласны с тем, что родовое поместье можно рассматривать в качестве перспективной модели жизни для белорусского общества.

Демографический потенциал. В государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы определены такие приоритетные направления деятельности, как разработка мер по укреплению репродуктивного здоровья, формированию культуры здорового образа жизни и здоровьесбережения, совершенствование системы поддержки семей с детьми, улучшение условий их жизнедеятельности, укрепление института семьи и др.⁶

Абсолютное большинство респондентов (93,2 %) считают, что созданная в родовом поместье среда может способствовать увеличению рождаемости, и лишь 1,1 % опрошенных полагают обратное, 5,7 % принявших участие в исследовании затруднились с ответом.

При строительстве родового поместья или уже при жизни в нем более половины респондентов стали родителями (рис. 1).

Большинство респондентов (93,2 %) согласны с тем, что жизнь в родовом поместье будет способствовать укреплению семьи. В качестве главных условий прочной и счастливой семьи прежде всего были указаны любовь, понимание, уважение между супругами и наличие общих интересов, а также уверенность в партнере, наличие детей и хорошая материальная обеспеченность. Учитывая результаты опроса, с уверенностью можно отметить, что дальнейшее успешное развитие родовых поместий будет способствовать увеличению рождаемости и уменьшению количества разводов.

Здоровье нации. Демографический потенциал нации тесно связан со здоровьем общества. Практически все респонденты (95,5 %) придерживаются здорового образа жизни: не курят, не употребляют алкоголь и занимаются спортом. Что касается уровня здоровья, 75,0 % участников опроса ответили, что

²Обсуждение закона о родовых поместьях // Владимир Мерге : сайт. URL: <https://vmegre.com/events/41382/> (дата обращения: 30.10.2021).

³О семейных поместьях и семейных поселениях в Российской Федерации : законопроект № 1225490-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1225490-7#bh_histras (дата обращения: 30.10.2021).

⁴Информация об инициативных группах и создающихся в Беларуси поселениях // Родовые поместья Беларуси : информац. портал. URL: <http://ecoby.info/poselenies> (дата обращения: 30.10.2021).

⁵Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 30.10.2021).

⁶О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 янв. 2021 г. № 28 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: http://minzdrav.gov.by/upload/dadvfiles/letter/22100028_1611349200.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

болеют иногда, в основном простудными или стоматологическими заболеваниями, 9,1 % респондентов имеют хронические заболевания, 15,9 % опрошенных считают себя полностью здоровыми. По мнению респондентов, родовое поместье способно создать среду, которая будет содействовать улучшению состояния здоровья (98,9 %) и даже повышению продолжительности жизни (95,4 %).

Около половины респондентов (47,7 %) отметили, что проводят мероприятия, посвященные здоровому образу жизни: семейный фестиваль «Родной выходной», турниры по волейболу, плаванию, игре в лапту, гимнастические тренировки по системе «Белояр», детские поездки в конный лагерь. Некоторые хозяева родовых поместий приглашают в гости жителей соседних деревень, ведущих неправильный образ жизни, прежде всего тех, кто употребляет ал-

коголь, и своим примером показывают, что можно жить по-другому.

Для здоровья нации, помимо правильно сформированной среды, требуются и качественные продукты питания. Около 85,3 % опрошенных считают, что, живя в поместье, можно обеспечить себя необходимыми и качественными продуктами собственного производства: овощами (94,3 %), фруктами (90,9 %), зернобобовыми (35,2 %), молочными продуктами (18,2 %), а также продуктами пчеловодства, дикоросами, яйцами.

Значительная часть участвовавших в исследовании полагают, что родовое поместье – хорошая подготовка к пенсии (рис. 2).

Автор настоящей статьи считает, что жизнь в родовом поместье может улучшить здоровье населения, увеличить продолжительность жизни, сокра-

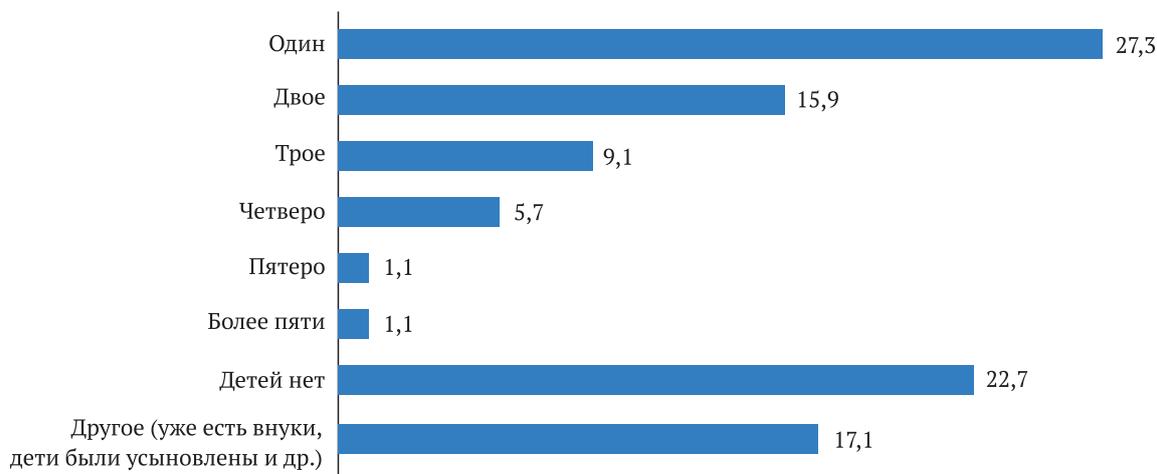

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Сколько детей у Вас родилось при жизни в родовом поместье или при его строительстве?», %

Fig. 1. Distribution of the respondent responses to the question: «How many children were born during your life on the homestead or during the construction of your homestead?», %

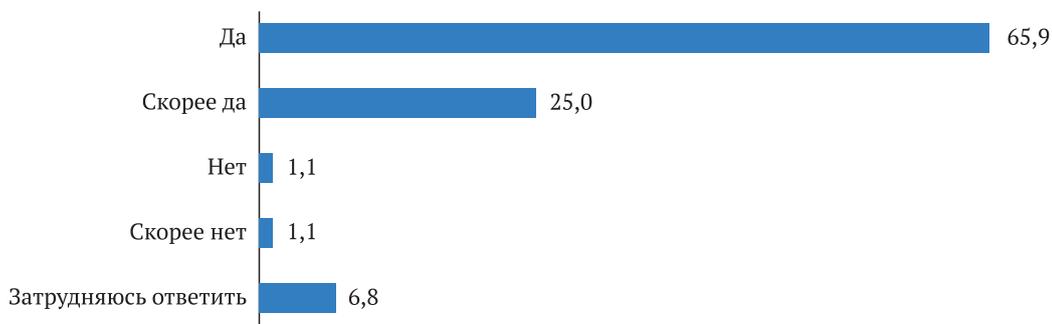

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли рассматривать родовое поместье как “пенсионную подушку”, которая поможет обеспечить достойную старость для пожилых людей?», %

Fig 2. Distribution of the respondent responses to the question: «Do you think a family homestead can be considered as a pension safety net that will help to ensure a decent standard of living for the elderly?», %

тить смертность у людей трудоспособного возраста, а также предупредить и преодолеть алкоголизм.

Занятость населения. Одними из главных задач Правительства Республики Беларусь в трудовой сфере, изложенных в государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы⁷ и в государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы⁸, являются обеспечение эффективной занятости населения и вовлечение экономически неактивных граждан в трудовую деятельность.

Результаты исследования позволяют сформировать представление о том, какими видами трудовой деятельности занимаются жители родовых поместий (рис. 3). Сумма ответов составляет более 100 %, так как можно было выбрать несколько вариантов.

Индивидуальные предприниматели, самозанятые, ремесленники, а также владельцы крестьянских (фермерских) хозяйств занимаются такими видами деятельности, как строительно-монтажные работы, деревообработка, печное дело, оптовая и розничная торговля строительными материалами; производство сыродавленных масел, выпечка хлеба на закваске, реализация излишков продукции, продажа различных лекарственных трав и травяных чаев; изготовление керамики; пчеловодство; фитошкола (фитоэкскурсии, мероприятия по данной теме как онлайн, так и офлайн); услуги агро-

экотуризма; разведение породистых щенков; выращивание овощей, деревьев, разведение саженцев; продажа излишков овощей, выращенных для себя; массажное дело; грузоперевозки; продажа запчастей; музыкальное дело; выращивание зерновых; ремесленничество широкого спектра (создание деревянных гребней, ложек, вилок, ножей, лопаток, колец, керамических свистулек, мыловарение, производство шампуней).

Немаловажно отметить, что, по мнению большинства, проживая в родовом поместье, можно обеспечить себя и семью доходом, который будет полностью удовлетворять все необходимые потребности (рис. 4).

Значительная часть принявших участие в исследовании (78,4 %) считают, что идея родовых поместий сможет частично решить проблему оттока трудоспособных граждан из страны. С этим утверждением, однако, не согласен (или сомневается) каждый десятый респондент. В варианте ответа «Другое» 3,4 % опрошенных отметили, что все зависит от дотационно-налоговой политики государства и что, если освободить людей от налогов, они выставят конкурентные цены, в противном случае им придется брать большой участок и использовать технику, а это уже фермерство со всеми вытекающими последствиями (борьба с конкурентами, применение запрещенных удобрений и др.).

Рис. 3. Виды трудовой деятельности, которой занимаются жители родовых поместий, %
Fig 3. Distribution of the respondent responses by the respondents' occupation, %

⁷О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 56 // Министерство экономики Республики Беларусь : сайт. URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/gos-progr-2021-2025/gos-progr-na-2021-2025.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

⁸О Государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2020 г. № 777 // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь : сайт. URL: https://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/GP-employment-2021-2025-2.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли, проживая в родовом поместье, обеспечить себя и семью доходом, который будет полностью удовлетворять все необходимые потребности?», %

Fig. 4. Distribution of the respondent responses to the question: «Do you think it is possible, while living on a family homestead, to provide for yourself and your family with an income that will fully satisfy all necessary needs?», %

Повышение качества образования. Сфере образования в Беларуси уделяется особое внимание. Формирование духовно-нравственной культуры молодежи происходит через усвоение представлений о мироустройстве и человеческих ценностях, изучение народных традиций, истории и культуры. Основные цели и задачи развития образования изложены в государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы⁹. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года запланирован переход к новой парадигме образования «учение вместо обучения», в основе которой лежит не усвоение готовой информации, а развитие у обучающихся способностей, позволяющих самостоятельно получать знания, творчески их перерабатывать, создавать новое, внедрять его в практику и нести ответственность за свои действия¹⁰. Все эти идеи реализуются в жизни крупных родовых поместий.

Абсолютное большинство участников опроса считают, что жизнь в родовом поместье позволяет воспитать нравственного и высокодуховного человека (97,7 %), обеспечить его качественное образование (94,3 %). Дети учатся в школах по месту жительства или дистанционно, принимают активное участие в школьных мероприятиях (концерты, олимпиады, конкурсы, конференции, зеленые уроки, высаживание Аллеи Славы ко Дню Победы). Жители родовых поместий, воспитывая детей, подаются им пример, способствуют проявлению талантов.

У детей есть повседневные обязанности: помощь в строительстве, колка дров, уход за животными, деревьями и цветами, посадка, прополка и полив грядок, сбор грибов и ягод, заготовка лекарственных трав, работа по дому, присмотр за младшими. По мнению 77,3 % опрошенных, идеология жизни в родовом поместье будет способствовать сокращению эмиграционного оттока молодежи из страны.

Подводя итоги, можно отметить, что жизнь в родовых поместьях будет способствовать воспитанию патриотизма, преемственности традиционных семейных ценностей, приверженности здоровому образу жизни и бережному отношению к природе.

Культурный потенциал. Духовное развитие и здоровье человека и общества основываются на системе ценностей, которые являются основой формирования национального самосознания и национальной идеи. Основные цели и задачи культурного развития страны изложены в государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы¹¹.

Подавляющее большинство опрошенных (86,3 %) считают, что родовые поместья будут развивать национальную культуру. Более половины респондентов (60,2 %) занимаются восстановлением культурных традиций (в большей степени это относится к крупным поселениям): отмечают такие праздники, как *Масленица*, *Иван Купала*, *Юрье*, *Багач* (праздник урожая), *Коляды*, *Вечорки*, *Буквица*, водят хороводы, изучают народные приметы и поверья, восстанавливают колодец *Святуха*, который внесен в список

⁹О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 57 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100057&p1=1> (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁰Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Министерство экономики Республики Беларусь : сайт. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

¹¹О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 53 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100053&p1=1> (дата обращения: 30.10.2021).

культовых криниц Беларуси, изучают культуру производства иван-чая и других растений, занимаются плетением, вышивкой (в том числе оберегов), осваивают ткачество, керамику, придерживаются народных кулинарных традиций.

Некоторые респонденты не только стремятся сформировать у детей высокие нравственные ценности, но и предъявляют высокие требования к себе, так как считают, что культурные традиции проявляются в правильном воспитании детей и поведении взрослых в семье. Они также воспитывают детей в православной вере, так как полагают, что христианские ценности в современном обществе утрачиваются.

Помимо развития культурного потенциала через восстановление народных традиций, жизнь в родовых поселениях способствует выполнению государственной программы «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 годы¹². К жителям родовых поселений, как отмечают 52,3 % респондентов, приезжают гости из других стран: России, Украины, стран Европейского союза, Швейцарии, Англии, Канады, США, ЮАР и Ирана. Результатом таких встреч становятся дружественные отношения и обмен опытом жизни в родовом поместье. Белорусская практика вдохновляет иностранцев строить родовые поместья в своих странах или обосновываться в родовых поселениях Беларуси.

Жители родовых поместий демонстрируют гостям свой образ жизни, быт, рассказывают об организации трудовой деятельности, угощают натуральными продуктами, устраивают ярмарки, на которых можно приобрести различные изделия ручной работы, проводят мастер-классы по здоровому питанию (приготовление зеленых коктейлей и натуральных сладостей, ферментация чая), устраивают концерты.

Создание комфортной и безопасной среды проживания. Социологический опрос показал, что 72,7 % респондентов основали родовые поместья на территории вымирающей деревни, 19,3 % – на территории действующей деревни, 8,0 % – на хуторе или земле, доставшейся в наследство.

На момент опроса 46,6 % респондентов строили дома, 34,1 % опрошенных уже построили, 12,5 % респондентов приостановили строительство, 6,8 % участников опроса проживали в приобретенном доме или сделали ремонт в старом доме и планировали возведение нового жилья.

Дома строятся преимущественно из экологичных материалов (сруб, каркас, камень, глина, соломенные блоки) с применением технологии ЗЕ (*ecology, energy, economy*), что соответствует принципу зеленого строительства. Некоторые, учитывая свое материальное положение, строят дома из бетонных, газосиликатных или керамзитных блоков, пеноблоков, эковаты, кирпича и арболита.

Проблему утилизации бытовых отходов жители родовых поместий стараются решить с меньшим ущербом для экологии: то, что перегнивает, выкладывают в компостную яму, то, что горит, сжигают, пищевые отходы отдают домашним животным, пластик и синтетику, которые стараются не приобретать вовсе, выбрасывают или утилизируют в специальной печи, сдают металлолом.

Обеспечение экологически безопасной жизнедеятельности, эффективное использование природных ресурсов. Для жителей родовых поместий характерны рациональное использование природно-ресурсного потенциала, сохранение и приумножение биологического, ландшафтного разнообразия. Результаты опроса показали, что на участке высаживают от 15 видов растений до 1000, при этом 27,3 % опрошенных указали, что высаживают растения, которые внесены в красные книги Беларуси и России.

Фактически единогласно респонденты ответили, что благодаря родовым поместьям можно будет решить такие проблемы, как уменьшение биоразнообразия (98,9 %), деградация земель (96,6 %), химическое загрязнение почвы (94,3 %), загрязнение вод (90,9 %), токсичные отходы (88,6 %) (рис. 5).

Что касается методов ведения сельского хозяйства, то 81,8 % респондентов занимаются органическим земледелием, 6,8 % опрошенных предпочитают традиционное земледелие, а 11,4 % используют оба метода ведения сельского хозяйства. При обработке земли жители родовых поместий применяют мульчирование (96,6 %), компосты (73,9 %), сидераты (61,4 %), севооборот (56,8 %), навоз (50 %).

Подобная деятельность способствует выполнению целей Государственной программы «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021–2025 годы: обеспечению экологически благоприятных условий для жизнедеятельности граждан, охране окружающей среды, сохранению и устойчивому использованию природных ресурсов¹³.

¹²О Государственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 58 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&rp=C22100058> (дата обращения: 30.10.2021).

¹³О Государственной программе «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 февр. 2021 г. № 99 // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь : сайт. URL: <https://www.minpriroda.gov.by/uploads/files/Gosudarstvennaja-programma-2021-2025.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

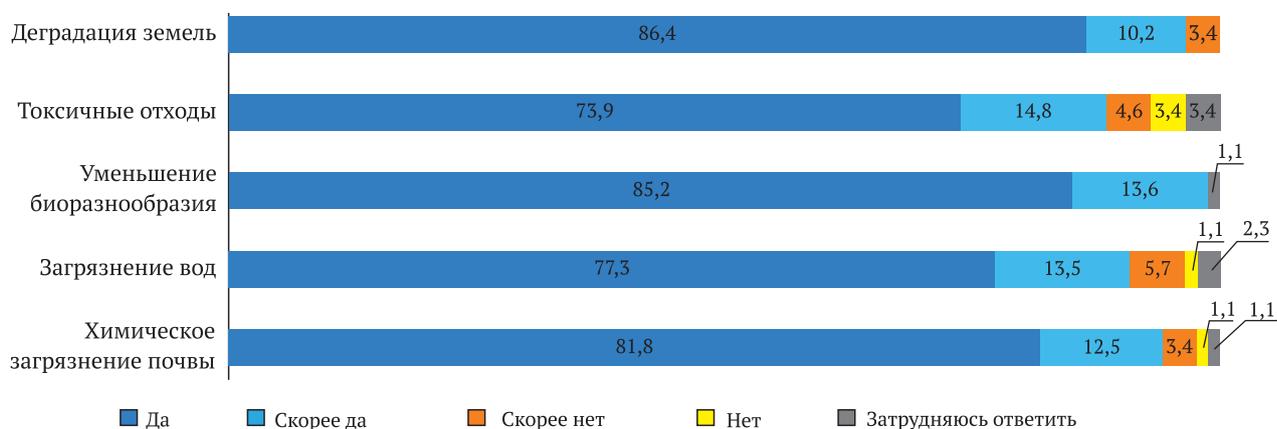

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, смогут ли родовые поместья помочь решить перечисленные экологические проблемы?», %

Fig. 5. Distribution of the respondent responses to the question: «Do you think family homesteads will be able to help to solve the indicated environmental problems?», %

Контент-анализ показал, что к основным проблемам, с которыми сталкиваются респонденты, относятся материальные трудности, несовершенство законодательной базы, бюрократия. Так, у жителей родовых поместий нет возможности разместить дом там, где хочется, взять в пользование участок размером в 1 га единым наделом, получить в аренду участок под выпас рядом с основным, перевести землю из статуса сельскохозяйственного назначения в статус родового поместья, расширить поселение, оформить землю на одного собственника. Сейчас жители родовых поместий сильно ограничены в сроках строительства (3 года), обязаны брать разрешение на копание прудов и т. п., строить на каждых 25 сотках объединенного участка дом. Существующие предписания для арендаторов земель под лично-подсобное хозяйство не соответствуют представлениям респондентов о благоустройстве родового поместья: государство диктует, какие культуры и в каком количестве должны быть высажены на участке, в то время как у жителей родовых поместий нет необходимости в большом огороде, но есть потребность в высадке леса, сада. Известны случаи, когда местные власти либо вовсе не заинтересованы в сотрудничестве с жителями родовых поместий, либо чрезмерно вмешиваются в их деятельность, а сельские советы отказываются сдавать им пустующие земли, мотивируя это тем, что продать участок с аукциона выгоднее. К числу проблем, беспокоящих участников опроса, относятся также неполадки с электричеством, плохое качество дорог, обработка химическими препаратами территорий, прилегающих к участкам родовых поместий, а также нехватка физических сил и времени, вырубка лесов вблизи поселений, несанкционированные свалки мусора, недостаток техники, отсутствие школы и медпункта.

Таким образом, родовым поместьям необходимо оказать государственную поддержку: 80,7 % респондентов считают нужным внести доработки в законодательство, 89,8 % респондентов выступают за принятие отдельного закона, в котором, по их мнению, необходимо:

- ввести понятия «родовое поместье», «поселение, состоящее из родовых поместий», наделить родовое поместье статусом административно-территориальной единицы, прописать структуру управления родового поселения и утвердить инфраструктуру;
- обеспечить возможность бесплатно получать в пожизненное пользование единый участок земли размером в 1 га, при этом не облагать налогом землю и продукцию, которая будет выращена в поместье, а также передавать данную землю по наследству без права продавать (статус родового поместья утрачивается в случае продажи или раздела);
- рассмотреть возможность перевода земель сельскохозяйственного назначения в земли, которые можно оформить под родовое поместье;
- рассмотреть возможность объединять участки (чтобы, например, не приходилось строить по одному дому на каждых 25 сотках);
- рассмотреть возможность расширения территории уже существующих родовых поместий и поселений, состоящих из родовых поместий;
- предоставить детям право получать участок земли (не менее 1 га) для создания своего родового поместья рядом с родовым поместьем родителей;
- рассмотреть возможность безвозмездного выделения государством по одной единице сельскохозяйственной техники в развитии (большие) поселения;

- не использовать на прилегающих к родовым поместьям территориях химические удобрения;
- упростить оформление проектной документации;
- отменить жесткое ограничение сроков строительства;
- узаконить высаживание деревьев лесных пород на землях, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства;
- рассмотреть возможность закрепления на законодательном уровне альтернативах учреждений

среднего образования на территориях родовых поместий;

- рассмотреть возможность предоставления финансовой поддержки государства в виде беспроцентных ссуд.

Можно прогнозировать, что развитие родовых поместий будет способствовать повышению качества жизни людей и достижению положительной динамики основных государственных показателей социально-экономического развития: демографии, занятости, образования, культуры, экологии и др.

*Статья поступила в редколлегию 11.11.2021.
Received by editorial board 11.11.2021.*

УДК 159.923

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

Д. С. МУЗЫЧЕНКО¹⁾

¹⁾Больница паллиативного ухода «Хоспис», пр. Партизанский, 73А, 220107, г. Минск, Беларусь

Обсуждаются различные проявления виктимизирующего опыта. Представлены систематизация, а также теоретические и эмпирические основания разграничения виктимизации. Отмечено, что существующие виды виктимизации сопоставляются с точки зрения прогностических параметров и влияния на личностные черты. Соотнесены показатели потенциально выявляемой склонности к виктимному поведению с фактическими данными о виктимизации. В результате исследования обнаружена корреляция между особенностями адаптации (предпринятой в ситуации виктимизации) и высоким уровнем склонности к определенному виду виктимного поведения. Выявлено, что усвоенные в межличностном взаимодействии и социализации паттерны связаны с установками готовности к активному созданию или допущению угрозы причинения себе вреда. Подчеркивается, что повышенная уязвимость зависит от формирующейся модели регуляции взаимоотношений со средой. В качестве опосредующего звена рассматривается изменение приоритетов в иерархии мотивационно-потребностной сферы. Закрепившиеся личностные черты, оказавшись функциональными в условиях виктимизации, объединяют опыт адаптации.

Ключевые слова: виктимное поведение; личностные факторы; опыт виктимизации; ситуационные факторы; адаптация.

VICTIM BEHAVIOUR AS A FUNCTIONAL ADAPTATION

D. S. MUZYCHENKO^a

^aHospital for Palliative Care «Hospice», 73A Partyzanski Avenue, Minsk 220107, Belarus

The various manifestations of victimisation experience are under discussion in the article. Proposed systematisation, theoretical and empirical grounds of distinction of victimisation. The existing types of victimisation are compared in terms of predictors and impact on personality traits. The indicators of potentially detectable propensity to victim behaviour are

Образец цитирования:

Музыченко ДС. Виктимное поведение как функциональная адаптация. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:82–91.

For citation:

Muzychenko DS. Victim behaviour as a functional adaptation. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:82–91. Russian.

Автор:

Диана Сергеевна Музыченко – психолог.

Author:

Diana S. Muzychenko, psychologist.
17p-holmes@rambler.ru

related with the factual data of victimisation. According to the results of the study, a correlation was found between the features of adaptation undertaken in a victimisation situation and a high level of propensity for a certain type of victim behaviour at the current time. The patterns learned in the interpersonal interaction and socialisation are associated with the attitudes of readiness for the active self-harm creation or allowing a threat. Increased vulnerability comes from the forming model of regulation of relationships with the environment. The change in the hierarchy of priorities in the sphere of motivation and needs is considered as a mediating link. Established personality traits integrate the adaptation experience, being functional in a circumstances of victimisation.

Keywords: victim behaviour; personality factors; victimisation experience; situational factors; adaptation.

Введение

Ситуация виктимного поведения представляет собой совокупность факторов, требующих определенного реагирования. Предпринимаемая адаптация зависит от задач, обусловленных обстоятельствами и особенностями межличностного взаимодействия. Такое приспособление может осуществляться ценой полной мобилизации ресурсов и на пределе возможностей, а также с точки зрения полноценной социализации выглядит лишь относительно успешно. Действия, затрудняющие биопсихосоциальную адаптацию, исследователи обосновывают как нарушения поведения. Деструктивность (причинение вреда себе либо другим) составляет критерий дезадаптации [1]. Однако, несмотря на издержки, поведение может иметь определенную результативность для личности (выполнять свою функцию). На наш взгляд, виктимность, как специфический способ действия, выступает средством или условием реализации значимых потребностей. В современных подходах понимание виктимного поведения сводится к утрате субъектности в жизнедеятельности [2], хотя психологическая адаптация охватывает мотивационно-волевую и когнитивную сферы, включая мотивацию, постановку цели, выбор средства, стратегии. Акцентируемые в субъектно-средовом подходе низкая самооффективность и внешний локус контроля виктимной личности могут следовать из опыта пребывания в виктимизирующих обстоятельствах, сужающих круг доступных способов достижения целей. Смещение усилий и приоритет компенсаторно первоочередного характера (при пренебрежении или сознательном жертвовании другими потребностями) также можно объяснить выделяемым в качестве признака виктимного поведения сужением психологического пространства и сфер жизни человека. В то же время личностная потребность становится наиболее уязвимой, легко травмируемой для дальнейшей виктимизации.

Таким образом, поведенческая готовность обеспечивает поддержание определенной иерархии приоритетов и находит отражение в выстраиваемой

линии поведения. Модель объединяет в себе закрепившиеся паттерны, оказавшиеся полезными в опыте адаптации. Привычные поведенческие шаблоны, на которые полагается личность, могут составлять сценарий разрешения ситуаций в дальнейшем.

Сегодня научно признаются долгосрочные эффекты перенесенного в юном возрасте насилия, которые проявляются в возникновении определенных убеждений и поведенческих моделей взрослой жизни, а также последствий для соматического и психического здоровья, таких как нарушения работы мозга, иммунных реакций, обмена веществ и провозицирование воспалительных процессов¹.

Отнесение определенного опыта к факту виктимизации затрудняет классификацию ее типов и соответствующих им действий агрессора. Виды виктимизации часто объединяются в обобщающие категории на основе эмпирических выводов. Некоторые исследования не выявляют отдельных факторов или статистически значимых различий в корреляциях видов виктимизации, что, однако, нередко обусловлено спецификой изучаемой группы и возрастной динамикой в проявлении тех или иных форм. Для разграничения форм причинения вреда используются различные основания. Соответствующий вывод сделан в результате Национального исследования по оценке ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь. По его итогам рекомендуется восполнить пробелы в определении видов насилия на уровне законодательства [3].

По области осуществления насилия можно выделить следующие виды виктимизации: физическую, сексуальную, вербальную, имущественную, реляционную, кибербуллинг, замещающую. По направленности деструктивного воздействия независимо от содержания насильственных действий виктимизация может быть прямой (физической, имущественной, вербальной), косвенной (реляционной; иногда сюда относят кибербуллинг), опосредованной (замещающей). Осуществляемым лично формам агрессии, называемым традиционными или

¹Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь : крат. отчет по результатам исслед. // Дет. фонд ООН (ЮНИСЕФ) [Электронный ресурс]. 2018. 44 с. URL: <https://www.unicef.by/uploads/models/2018/04/unicef-belarus-vac-report-2018.pdf> (дата обращения: 30.06.2020).

буллингом лицом к лицу, противопоставляют запугивание, которое происходит в интернете (кибербуллинг). На основании установок жертв и типов выбираемых ими ситуаций виктимизация может быть классифицирована по модели поведения на следующие виды: агрессивная, самоповреждающая и саморазрушающая, гиперсоциальная, зависимая и беспомощная, некритичная.

Исторически сложилось, что физическая виктимизация исследовалась больше, чем другие менее явные формы. Это связано с тем, что она влечет за собой риск нанесения серьезных травм. Большинство действующих сегодня программ по борьбе с издевательствами в школах сфокусированы на противодействии именно физическому насилию, что позволяет в значительной степени его контролировать. Поскольку в западной психологии виктимизация изучается в основном в контексте психологии образования, физическая виктимизация со стороны сверстников, как правило, рассматривается в исследованиях не самостоятельно, а наряду с другими, более распространенными формами. Белорусские психологи также отмечают, что реже всего учащиеся подвергаются физической агрессии [4].

Физическая виктимизация представляет собой контроль, оскорбление кого-либо, причинение ущерба кому-либо посредством физической силы или шантажа ее применения [5], т. е. инструментом издевательства является физическое повреждение [6]. В своем наиболее остром проявлении она принадлежит к категории физической насильственной виктимизации, включающей угрозы или нападение с оружием, а также физические атаки с намерением причинить вред или убить [7]. Ввиду того что по статистике подростки 12–17 лет значительно чаще, чем взрослые, становятся жертвами насильственных преступлений, также выделяется понятие уличного насилия, которое выражается в нападениях со стороны сверстников и связано в том числе с нанесением травм [8]. Согласно показателям белорусской выборки наиболее высокая распространенность физического насилия в местном сообществе фиксируется на этапах обучения в 8–10-х классах школы и профессионально-технических колледжах². Изучение данной ситуации в учебных учреждениях показало, что виктимизация чаще всего операционализируется как те или иные физические выпады (удары, толкание, шлепки, пинки рукой или ногой). В отдельных исследованиях напрямую подчеркивается следующее: эмпирическое измерение опыта виктимизации не предполагало испытания именно тяжелых форм физического и сексуального насилия, что может также иметь значение для специфики выводов о его влиянии. В бе-

лорусской школьной среде причинение физической боли, удары по рукам, пощечины или подзатыльники представляют собой наиболее распространенные формы физического буллинга [9].

Сексуальное насилие иногда относят к разновидности физического насилия. Притеснение включает как физические аспекты (прикосновение в сексуальной манере, стягивание одежды, попытки поцеловать или обнять), так и психологические (обзывание или навешивание ярлыков, в том числе называние геем, лесбиянкой и т. д.), кроме того, сюда относят проявления публичной демонстрации (распространение сексуальных слухов о жертве, публичное комментирование привлекательности или непривлекательности и т. д.) [10]. В рамках образовательных учреждений инициаторами буллинга выступают одноклассники и старшеклассники [3]. При сексуальной виктимизации домогательства используются как способ утверждения доминирования в отношении уязвимых сверстников, а также как средство усиления асимметричных отношений власти [11]. Мониторинг ЮНИСЕФ позволил проследить тенденцию коморбидности подверженности сексуальному насилию с нанесением себе травм (в 25 % случаев) в сравнении с перенесенным насильственным опытом других видов (у 7 % жертв)³.

По мнению некоторых авторов, вербальная виктимизация – один из наиболее существенных способов издевательства над личностью. В случае вербальной агрессии инструментом вреда служит психологическое насилие [5]. Жертва подвергается словесному нападению (оскорблениям, унижениям, угрозам, обзыванию и навешиванию ярлыков). Основной целью вербальных издевательства является разрушение самоуважения жертвы [12]. Исследование, проведенное в Беларуси, показало, что данная форма преобладает среди школьников [4; 13]. Помимо того, с взрослением учащихся в школах отмечается повышение агрессии в форме психологического насилия со стороны учителей и администрации [3].

Имущественная виктимизация предполагает преднамеренное уничтожение или повреждение имущества, использование его без разрешения или отказ его вернуть [14]. В психологической литературе не представлено какого-либо эмпирического подтверждения роли такой виктимизации в формировании отличительных личностных черт жертвы. Рассмотрение соответствующего круга проблем традиционно было прерогативой юридических наук. Однако отмечается, что по причине фрагментарного подхода в исследованиях некоторые другие виды виктимизации обычно игнорируются и недооцениваются, поскольку испытуемых о них не спрашивают специально [15]. В частности, показано прямое

²Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь... 44 с.

³Там же.

влияние имущественной виктимизации на такой компонент суицидального риска, как депрессивность подростков, наряду с эффектом чувства вины и вербальной агрессией сверстников [16]. Белорусские исследования указывают на большое количество случаев нападений на собственность, однако на регулярной основе данная форма виктимизации более распространена во взаимоотношениях российских школьников [9; 13].

Существует несколько типов косвенной агрессии: косвенная, реляционная и социальная. Косвенная агрессия – манипулятивное использование агрессором круга контактов для причинения вреда определенному человеку без личного вовлечения в нападение. Реляционная агрессия представляет собой нанесение вреда посредством целенаправленного разрушения отношений сверстников. Социальная агрессия может принимать прямые формы вербального отторжения, недоброжелательной лицевой экспрессии или пантомимики либо косвенные формы, такие как порочащие слухи (клевета) или социальное исключение в целях нанесения ущерба самооценке и социальному статусу жертвы [17]. На основе эмпирического анализа все три формы обнаруживают общность черт и статистически значимые отличия от других видов виктимизации (физической, вербальной). Для уменьшения вариации и разночтения термина создана интегрированная конструкция косвенной виктимизации [5]. Таким образом, косвенная агрессия – это альтернативная прямой агрессии стратегия, целью которой является социальное исключение жертвы или нанесение вреда ее социальному статусу. Она предпринимается, когда издержки для прямой агрессии высоки [18]. Случаи, в которых учащиеся становятся жертвами социального манипулирования, характерны в большей степени для российской школьной среды [13]. В белорусской популяции явления психологического насилия более актуальны в опыте девочек⁴.

Кибербуллинг представляет собой относительно новое явление (метааналитические обзоры не обнаруживают статей, опубликованных до 2004 г.) и как вид виктимизации получил известность в средствах массовой информации из-за случаев самоубийства подростков в результате преследований в интернете [19]. Кибервиктимизация – это попытки расстроить человека или причинить ему ущерб, используя электронные средства связи (чаты, электронные письма, блоги, веб-сайты, например *Facebook* или *YouTube*) [20]. Несмотря на то что в исследованиях данный вид виктимизации противопоставлен традиционным видам, он обладает признаками, схожими с признаками косвенной виктимизации. Во-первых, оба вида связаны с посягательством на

психологическое личное пространство и безопасность информации, предполагающей ограниченный доступ, при этом абсолютно не нарушаются физические границы комфорта индивида. Во-вторых, в обоих случаях возникает невозможность контроля самопрезентации в социуме и целенаправленного выстраивания взаимоотношений. В-третьих, оказываемое воздействие пролонгировано, так как не ограничено временем предпринятых действий и рамками ситуации, а также субъективно воспринимаемо, что делает объективную оценку ущерба недоступной. Данные белорусских исследований показывают, что до 18,2 % учащихся 8–11-х классов сталкиваются с актами агрессии в социальном пространстве интернета⁵.

Из-за отсутствия единства терминологии в исследованиях используются понятия «косвенная виктимизация» и «непрямая виктимизация». Как уже отмечалось, под косвенной виктимизацией подразумеваются различные формы скрытой агрессии и манипуляций в отношениях (реляционная виктимизация) в противоположность открытым и явно наблюдаемым формам (физической, экономической, вербальной виктимизации). Тем не менее некоторые авторы употребляют данный термин исключительно для обозначения замещающей виктимизации. Новой тенденцией выделения опосредованной или замещающей виктимизации выступают свидетельство насилия либо знание о виктимизации других [21; 22]. Считается, что наблюдение нарушений стандартов справедливости может быть столь же существенным для формирования обобщенных негативных ожиданий в отношении благонадежности других, как и собственное их испытание [23]. С одной стороны, акты непосредственной виктимизации имеют серьезные физические и эмоциональные последствия, более вероятно могут рассматриваться как несправедливые, что увеличивает их значение по сравнению с опосредованной виктимизацией [24]. С другой стороны, опыт свидетельства виктимизации имеет особое влияние в условиях, способствующих сопереживанию потерпевшего, например, когда издеваются над членом семьи, близким другом или соседом жертвы, эксплуатируют его или иным образом плохо обходятся с ним [23]. Возникающее напряжение может усиливать девиантное поведение среди подростков в попытке справиться с нежелательными стрессовыми переживаниями и негативными эмоциями [21]. Ранее нами была показана взаимосвязь между факторами социализации и индивидуальными виктимными установками [25].

По результатам исследований, помимо общих факторов (повышенной склонности к депрессии и меньшего количества друзей), увеличивающих

⁴Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь... 44 с.

⁵Там же.

вероятность форм открытой агрессии, прослеживаются прогностические параметры, которые специфически предсказывают уязвимость к определенному виду виктимизации.

Физическая виктимизация больше свойственна мужскому полу и прогнозируется снижением просоциального поведения [19]. Она представляет собой риск в связи с комплексным снижением различных показателей самооценки (социального принятия, академической компетентности и спортивных способностей) [6], а также в связи с развитием вторичных девиаций (использованием психоактивных веществ [26], суицидальным поведением [27], присоединением к антиобщественной группе сверстников [19]).

Сексуальная виктимизация имеет гендерную специфику форм проявления [10]. Она может как вызывать психические симптомы, так и провоцироваться ими. Эта виктимизация взаимосвязана с показателями депрессии [11], а также с соматическими симптомами, самоповреждающим поведением [10].

Вербальная виктимизация является наиболее распространенной [19], коррелирует с высоким социально-экономическим уровнем окружения, этнической принадлежностью и контекстом культуры, параметрами психологического климата [5].

Имущественная виктимизация обнаруживает связь с повышением уровня дистресса [15], однако недостаточно освещена с точки зрения самостоятельной специфики воздействия и психологических

последствий. Она снижается с возрастом, хотя некоторые формы преобладают среди учащихся старшей школы [28].

Реляционная виктимизация считается самой пагубной [29], поскольку затрагивает проблему базового доверия [23], наиболее вероятно предсказывается увеличением просоциального поведения [19], коррелирует с низким социально-экономическим статусом окружения [5]. Она стимулирует снижение позитивных представлений личности о себе в сфере социального принятия и оказывает более неблагоприятное влияние на лиц мужского пола [6].

Кибервиктимизация, в отличие от традиционных видов, не прогнозируется повышением склонности к депрессии, коррелирует с воспринимаемым сверстниками ростом целей социального доминирования [19]. В связи с отсутствием физических ограничений местом и временем нахождения жертвы она приводит к наиболее генерализованным негативным убеждениям (социальной угрозе, собственной несостоятельности, враждебности) [30].

Замещающая виктимизация может характеризоваться более низким уровнем бытового социально-экономического статуса семьи, низкой родительской эффективностью и изменением места жительства [22]. Ее воздействие связано с риском использования подростками психоактивных веществ в краткосрочной перспективе [24] (вариации факторов в рамках нормального развития могут влиять на исчезновение корреляции, тогда как возникновение девиаций проявляет данную связь).

Материалы и методы исследования

Выборку составили 305 респондентов 16–18 лет: 162 юноши и 143 девушки, из которых 105 оканчивают 11-й класс, 200 обучаются в средних специальных учебных заведениях. В исследовании участвовали представители восьми районов Минской области, отличающихся уровнем социально-экономического благополучия (высокий, относительно высокий, средний, низкий). При этом 47 % испытуемых были определены как виктимные, остальные имеют значение контрольной группы.

В представленной части результатов используются материалы структурированных самоотчетов об опыте виктимизации и показатели стандартизированного опросника «Склонность к виктимному поведению», который отражает убеждения и диспозиции, определяющие индивидуальную уязвимость. В основу вопросов самоотчета положены рекомендации сборника инструментов для оценки виктимизации Национального центра профилактики и кон-

троля травматизма NCIPC [31]. В ходе исследования получены интересующие индикаторы обстоятельств, поведенческих и эмоциональных реакций, самоинтерпретации, последствий, которые кодировались в номинальные и порядковые шкалы для обработки методом корреляционного анализа. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена интерпретированы при достоверности $p \leq 0,01$ или $p \leq 0,05$.

Согласно нашей гипотезе факторы ситуации виктимизации могут оказывать воздействие на личностные черты, выявляемые в юношеском возрасте. Сходство особенностей опыта адаптации и установок личности рассматривается как их взаимовлияние. Исследование направлено в большей степени на выявление причин (мотивации) поддержания модели поведения в дальнейшем, тогда как приводимый анализ факторов, на которые она изначально была ориентирована, необходим для понимания субъективной целесообразности, оправданности для личности.

Результаты и их обсуждение

Выраженность гиперсоциальных виктимных черт связана с опытом тех или иных форм социальной виктимизации (с элементами кибервиктимизации

и имущественной виктимизации) и трактуется следующими утверждениями респондентов: «относились с меньшим уважением, чем к другим людям»

($r = 0,285$), «вели себя так, как будто они лучше, чем я» ($r = 0,248$), «взламывали мою почту, страницы в социальных сетях и т. д.» ($r = 0,301$), «посылали угрожающие или агрессивные электронные письма либо сообщения» ($r = 0,288$), «прятали что-то от меня» ($r = 0,233$). Вместе с тем рост склонности к виктимизации наблюдается при отрицательной корреляции с физической агрессией сверстников: «толкали, шлепали, наносили удары рукой или пинали ногой» ($r = -0,222$). Ввиду избирательного снижения положительных убеждений относительно себя (только в рамках принятия группой) жертвой становились и по следующим причинам: «я получал хорошие оценки» ($r = 0,254$), «чтобы выплеснуть злость» ($r = 0,272$). Последующий второстепенно возникающий рост негативных установок о мире (как о не-сущем физическую или социальную угрозу) проявляется в повышенной потребности поддержания безопасности [32]. Тенденции соблюдения норм и правил, оказания помощи другим отрицательно коррелируют с возрастной категорией (например, когда испытуемый являлся младшим членом группы либо идентифицировался таковым окружающими): «они считали, что я выгляжу значительно младше» ($r = -0,289$). Реакция личности сопровождалась эмоциональным переживанием ситуации («чувствовал грусть, досаду, отчаяние» ($r = 0,247$), «был испуган, чувствовал тревогу» ($r = 0,258$)), готовностью прибегнуть к психологической помощи ($r = 0,203$) либо к другим нетипизированным в анкете способам совладания ($r = 0,251$).

Ощущение неприятия личности в коллективе компенсаторно повышает значимость признания, полезности для других как наиболее важного аспекта социализации, а также собственную готовность к эмпатии и оказанию помощи. Опыт социального отвержения, депривации потребности в информации, статусно-ролевые деструкции в системе взаимодействия не позволяют чувствовать себя в безопасности. Отмечается, что косвенная виктимизация выступает фактором риска психологических проблем даже в большей степени, чем прямая. Наблюдалось, что в данной группе личность стремилась найти поддержку и обратиться за помощью к специалистам.

В модели самоповреждения и саморазрушения поведение человека коррелирует с инцидентами имущественной виктимизации («забирали что-либо у меня, требовали отдать какие-либо блага» ($r = 0,178$)) и опытом других нетипизированных форм притеснения ($r = 0,177$). По-видимому, лица с повышенной внутренней атрибуцией ответственности менее склонны к обвинению другого индивида и отстаиванию своих интересов даже в вопросах объективных прав, поддерживаемых законом. Вероятно, характерная межличностная дистанцированность также является результатом травмирующего нарушения границ личности или потребительского пользования какой-либо собствен-

ностью. В то же время лица юношеского возраста, отмечающие важность самостоятельности (автономии, самоконтроля) [32], изначально могут быть более восприимчивы ко вторжению в личную зону или посягательству на него.

Агрессия, направленная против себя, снижает вероятность разрядки или проявления эмоций: «был зол, раздражен» ($r = -0,321$). Влияние тех или иных неблагоприятных ситуаций может не обнаруживаться непосредственно в ответных действиях или изменении повседневной активности («мои оценки значительно снизились из-за этого» ($r = -0,323$), «перешел в другую школу (учебное учреждение)» ($r = -0,288$)), что поддерживается также мотивационно-ценностной направленностью на стимуляцию (стремлением к риску, интенсивным переживаниям, нагрузкам, выполнению множества разных дел, установкой планки, не допускающей снижения). Готовность наносить ущерб себе обуславливает возможное развитие суицидальных тенденций, в том числе идей или замыслов покончить с собой ($r = 0,255$).

При стремлении совладать с подавленностью, сохраняя активность, проявляется невозможность позволить себе покой. Ощущение того, что расслабление может вызвать слабость, угнетение, ведет к постоянному стимулированию себя, напряженной деятельности. В то же время допущение риска или поиск опасности (непростых условий) взаимосвязаны со своеобразным удовлетворением, получаемым от функционирования в ситуации полного напряжения. Ощущение полноты жизни, потребность в стимуляции стоят выше, чем комфорт и самосохранение.

Агрессивное виктимное поведение сопряжено с опасностью причинения серьезного физического вреда: «угрожали или нападали с ножом либо с другим оружием» ($r = 0,190$). В подобных случаях с возрастанием агрессивных убеждений связь присутствует и среди невиктимных испытуемых ($r = 0,206$), у виктимных сверстников также наблюдается корреляция и с другими, неуточненными видами опыта ($r = 0,196$). Виктимизация связана с обстоятельством «я пропускал учебу из-за этого» ($r = 0,243$) и скорее исключает основание «получал хорошие оценки» ($r = -0,176$). К ситуативной адаптации приводит активное противодействие жертвы: «реагировал, отбивался, наносил ответный удар» ($r = 0,201$). Неадаптированность порождает готовность терпеть или принимать ситуацию: «терпел, не сопротивлялся» ($r = -0,218$). Однако выявляемые мотивационная тенденция к мазохизму [32] и недифференцированная агрессия несколько повышают вероятность «причинить себе вред или покончить с собой» ($r = 0,185$).

Серьезность угрозы иллюстрирует объективную необходимость реагировать на нее и предпринимать активные действия для защиты. Готовность

придерживаться наступательной модели приводит к устранению эмоционального напряжения и потребности в поддержании самооценки, а не к целенаправленному преодолению препятствия. Выявляемая в мотивационной сфере ориентация на гедонистические идеалы может объяснять также нетерпение к ограничениям.

Предрасположенность к развитию зависимости и беспомощности в большей степени создается высмеиванием личности путем вербальной виктимизации в сочетании с социальной: «говорили мне что-нибудь, что мне не нравилось, чтобы заставить других смеяться, либо потому, что хотели меня расстроить» ($r = 0,419$), «обо мне были придуманы шутки» ($r = 0,457$), «распространяли ложь и неприятные слухи обо мне» ($r = 0,398$), «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» ($r = 0,378$), «обзывали, называли кличками, прозвищами» ($r = 0,384$) и др. Реакция подростков (как виктимных, так и невиктимных) на издевательства над ними сопровождалась чувствами «грусти, досады, отчаяния» ($r = 0,196$ и $r = 0,257$), при этом у виктимных отмечалась фрустрированность («был испуган, чувствовал тревогу» ($r = 0,322$), «был растерян, не знал, что делать» ($r = 0,282$), «мне не удавалось справиться с ситуацией» ($r = 0,196$)), ослабление состояния здоровья и снижение когнитивных способностей («пытался избежать школы, прогуливал занятия» ($r = 0,180$), «обращался за помощью к психиатру» ($r = 0,176$)) и другие неблагоприятные эффекты ($r = 0,269$). В типовой ситуации обнаруживаются основные паттерны возникновения выученной беспомощности, прежде всего отступление от активного сопротивления («пытался избежать столкновения» ($r = 0,251$), «терпел, не сопротивлялся» ($r = 0,283$)) и установка безнадежности относительно получения чьей-либо помощи в прекращении издевательств («никому не говорил, не хотел, чтобы узнали другие» ($r = 0,210$)). В последующем в сходных условиях прослеживается состояние стресса ($r = 0,379$). Отсутствие контроля в процессе издевательств усиливается трудностью прямого устранения избираемых поводов для них: «из-за одежды, которую я носил» ($r = 0,310$), «они считали мое лицо смешным (забавным)» ($r = 0,251$), «из-за кого-либо из членов моей семьи» ($r = 0,246$), «моя семья бедная» ($r = 0,214$), «они считали, что я выгляжу значительно старше» ($r = 0,232$). Преимущественная стабильность акцентируемых отличий содействует самообвинению личности («винил себя» ($r = 0,210$)). Помимо того, высокая склонность к зависимому и беспомощному поведению снижает вероятность определения своего опыта в рамках утверждения «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» ($r = -0,807$), так как предоставляемая обратная связь значительно меньше воспринимается в качестве неадекватной и намеренно искаженной.

Иррадиация неуспеха на различные ситуации и сферы взаимоотношений, а также отсутствие положительного опыта их разрешения снижают побуждение к активным действиям. Ощущение собственной уязвимости ведет к осознанию неравенства сил, несправедливости, пониманию, что ничего не удастся доказать или будет еще хуже. Пребывание в условиях невозможности постоять за себя или реализовать свои интересы влияет на восприятие дальнейшего взаимодействия.

Высокие показатели склонности к некритичному поведению связаны в основном с запугиванием физической агрессией: «специально сталкивались со мной (врезались в меня), когда проходили мимо» ($r = 0,497$), «ставили мне подножки» ($r = 0,509$), «угрожали причинить физическую боль (побить)» ($r = 0,509$), «угрожали или нападали с ножом либо другим оружием» ($r = 0,455$). Возрастание некритичности также отмечается во взаимосвязи с оглашением информации частного характера: «отправляли мою личную электронную почту либо сообщения кому-то еще» ($r = 0,187$) и другими инцидентами ($r = 0,203$). Несмотря на то что для защиты выбиралось поддержание дистанции («пытался избежать столкновения» ($r = 0,438$)), адаптация к постоянству сигналов угрозы способствовала снижению восприимчивости к небезопасности ситуации. В модели виктимной некритичности как склонности к ошибочной интерпретации обстоятельств атрибуция ответственности вовне усиливает стресс в похожих ситуациях ($r = 0,216$). Латентно накапливающийся аффект может обусловить непродуманные действия или внезапное побуждение причинить себе вред или покончить с собой ($r = 0,183$). Как причиной уклонения личности от прямых действий, так и поводом для выбора ее жертвой могут выступать и другие особенности внешности. Например, отмечалась обратная корреляция с описанием «я слишком высокий» ($r = -0,204$).

Снижение рефлексивности препятствует получению полной картины реальности, повышая вероятность ошибочных действий. При стрессовых нарушениях периодическое воспроизведение тех или иных условий ведет к постепенному отключению процессов когнитивной оценки и автоматизации реакции на аналогичные ситуации. В то же время при склонности к неверной оценке ситуации хронификация неуспеха (отсутствие совпадения предвиденного образа адаптивного поведения и результата собственных действий) обуславливает снижение самоэффективности, внешний локус контроля и, как следствие, редукцию целенаправленного поведения. Помимо того, формирование некритичности частично можно объяснить проявлением у подростков тенденции к гиперактивности и дефициту внимания, которая выражается в снижении восприимчивости к слабым стимулам, включая признаки опасности.

Заключение

Результаты иллюстрируют взаимосвязь поведенческой перестройки и факторов проблемной ситуации. Модель поведения личности соответствует индивидуальному опыту и полученной обратной связи.

Самоповреждение сопряжено с пребыванием адаптационных резервов в условиях перегруженности, тогда как стремление к автономии и обособлению является следствием либо причиной внимания к фактам имущественной виктимизации. Агрессивное поведение проявляется в качестве активного противостояния при воспринимаемой угрозе насилия или правонарушения. Зависимость и беспомощность связаны с высмеиванием личности в отношении не поддающихся непосредственному изменению причин, а также закреплением

отсутствия контроля и отказа от противодействия. Некритичное поведение возникает при запугивании (в виде угроз) как игнорирование риска или социальной информации вследствие привыкания к сигналам опасности. Гиперсоциальное поведение представляет реакцию личности на агрессию в области социального принятия, связанную с эмоциональным переживанием опыта и потребностью в помощи.

Таким образом, закрепившаяся модель виктимного поведения, являясь личностной чертой, отражает факторы ситуации, в условиях которых она была сформирована и на которые была ориентирована. Другими словами, можно говорить о функциональности черт личности, выработанных в рамках соответствующей ситуации.

Библиографические ссылки

1. Фурманов ИА. Генезис расстройств поведения и приспособительных реакций: аффективно-динамическая модель агрессии. *Медицинская психология в России* [Интернет]. 2016 [процитировано 30 июня 2020 г.];4(39). Доступно по: http://mprj.ru/archiv_global/2016_4_39/nomer02.php.
2. Яценко ТЕ. Психологическая сущность категории «Виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода. *Вестник БарГУ. Серия Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение)*. 2019;7:127–134.
3. Фурманов ИА, Аладьин АА, Ананенко АА, Мицкевич ЖИ, Правдинцев ВВ, Янчук ВА. *Общественное исследование по оценке ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь*. Минск: В.И.З.А ГРУПП; 2012. 156 с.
4. Фурманов ИА. Виктимизация школьников со стороны одноклассников. *Вестник БДУ. Серия 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2011;3:50–54.
5. Sinclair KR. Impact of physical and relational victimization on self-cognitions in children and adolescents [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 47 p. Available from: https://etd.library.vanderbilt.edu/available/etd-03222011-154741/unrestricted/K_Sinclair_Thesis.pdf.
6. Attar-Schwartz S, Houry-Kassabri M. Indirect versus verbal forms of victimization at school: the contribution of student, family, and school variables. *Social Work Research*. 2008;32(3):159–170. DOI: 10.1093/swr/32.3.159.
7. Jackson CL, Hanson RF, Amstadter AB, Saunders BE, Kilpatrick DG. The longitudinal relation between peer violent victimization and delinquency: results from a national representative sample of U.S adolescents. *Journal of Interpersonal Violence*. 2013;28(8):1596–1616. DOI: 10.1177/0886260512468328.
8. Kuhl DC, Warner DF, Wilczak A. Adolescent violent victimization and precocious union formation. *Criminology*. 2012;50(4):1089–1127. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2012.00288.x.
9. Фурманов ИА. Буллинг в белорусской школьной среде. В: Кухтова НВ, Шингаев СМ, редакторы. *Буллинг в условиях образовательной среды: межкультурный аспект*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2018. с. 90–97.
10. Fredlund C, Svedin CG, Priebe G, Jonsson LS, Wadsby M. Self-reported frequency of sex as self-injury (SASI) in a national study of Swedish adolescents and association to sociodemographic factors, sexual behaviours, abuse and mental health. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2017;11(9):1–11. DOI: 10.1186/s13034-017-0146-7.
11. Dahlqvist HZ, Landstedt E, Young R, Gådin KG. Dimensions of peer sexual harassment victimization and depressive symptoms in adolescence: a longitudinal cross-lagged study in a Swedish sample. *Journal of Youth and Adolescence*. 2016;45(5):858–873. DOI: 10.1007/s10964-016-0446-x.
12. Veiskarami HA, Zangiabadi M, Hosseini S, Salimy H. Comparative analysis of verbal victimization among male and female high school students in Iran. *International Journal of Life Sciences*. 2015;9(3):13–17. DOI: 10.3126/ijls.v9i3.12460.
13. Фурманов ИА, Дементий ЛИ, Купченко ВЕ. Виктимизация школьников со стороны сверстников (на примере российской и белорусской выборок). *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2015;2:30–38.
14. Finkelhor D, Turner NA, Hamby S. Let's prevent peer victimization, not just bullying. *Child Abuse and Neglect*. 2012;36(4):271–274. DOI: 10.1016/j.chiabu.2011.12.001.
15. Norris FH, Kaniasty K. Psychological distress following criminal victimization in the general population: cross-sectional, longitudinal, and prospective analyses. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1994;62(1):111–123. DOI: 10.1037/0022-006X.62.1.111.
16. Фурманов ИА, Купченко ВЕ. Личностные особенности и переживание насилия со стороны сверстников как факторы суицидального риска у подростков. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2018;2:38–46. DOI: 10.25513/2410-6364.2018.2.38-46
17. Klem JL, Klem T, Parrish MS, Brown DR. Relational, indirect, and social aggression: alleviating gender bias in the diagnosis of conduct disorder. *The Internet Journal of Mental Health*. 2008;5(2):1–9. DOI: 10.5580/116e.
18. Archer J, Coyne S. An integrated review of indirect, relational, and social aggression. *Personality and Social Psychology Review*. 2005;9(3):212–230. DOI: 10.1207/s15327957pspr0903_2.

19. McVean ML. Physical, verbal, relational and cyber-bullying and victimization examining the social and emotional adjustment of participants [Internet]. 2017 [cited 2020 June 30]. Available from: <https://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8094&context=etd>.
20. Wolke D, Lereya ST. Long-term effects of bullying. *Archives of Disease in Childhood*. 2015;100(9):879–885. DOI: 10.1136/archdischild-2014-306667.
21. Miller RN, Fagan AA, Wright EM. The moderating effects of peer and parental support on the relationship between vicarious victimization and substance use. *Journal of Drug Issues*. 2014;44(4):362–380. DOI: 10.1177/0022042614526995.
22. Zimmerman GM, Posick C. Risk factors for and behavioural consequences of direct versus indirect exposure to violence. *American Journal of Public Health*. 2016;106(1):178–188. DOI: 10.2105/AJPH.2015.302920.
23. Gollwitzer M, Süßenbach P, Hannuschke M. Victimization experiences and the stabilization of victim sensitivity. *Frontiers in Psychology*. 2015;6(439):1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00439.
24. Pinchevsky GM, Fagan AA, Wright EM. Victimization experiences and adolescent substance use: does the type and degree of victimization matter? *Journal of Interpersonal Violence*. 2014;29(2):299–319. DOI: 10.1177/0886260513505150.
25. Музыченко ДС. Факторы среды в виктимном поведении. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі*. 2020;1(55):53–62.
26. Fite PJ, Gabrielli J, Cooley JL, Rubens SL, Pederson CA, Eric M. Vernberg Associations associations between physical and relational forms of peer aggression and victimization and risk for substance use among elementary school-age youth. *Journal of Child and Adolescent Substance Abuse*. 2016;25(1):1–10. DOI: 10.1080/1067828X.2013.872589.
27. Litwiller BJ, Brausch AM. Cyber bullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *Journal of Youth and Adolescence*. 2013;42(5):675–684. DOI: 10.1007/s10964-013-9925-5.
28. Finkelhor D, Ormrod R, Turner H, Hamby SL. The victimization of children and youth: a comprehensive, national survey. *Child Maltreatment*. 2005;10(1):5–25. DOI: 10.1177/1077559504271287.
29. Lundh LG, Daukantaite D, Wangby-Lundh M. Direct and indirect aggression and victimization in adolescents – associations with the development of psychological difficulties. *BMC Psychology*. 2014;2(43):1–15. DOI: 10.1186/s40359-014-0043-2.
30. Cole DA, Zerkowicz R, Nick E, Martin NC, Roeder KM, Sinclair-McBride K, et al. Longitudinal and incremental relation of cybervictimization to negative self-cognitions and depressive symptoms in young adolescents. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2016;44(7):1321–1332. DOI: 10.1007/s10802-015-0123-7.
31. Hamburger ME, Basile KC, Vivolo AM. Measuring bullying victimization, perpetration, and bystander experiences: a compendium of assessment tools [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 119 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/50844676_Measuring_Bullying_Victimization_Perpetration_and_Bystander_Experiences_A_Compendium_of_Assessment_Tools.
32. Музыченко ДС. Риск виктимизации в юношеском возрасте. *Зборнік навуковых прац Акадэміі наслядыпломнай адукацыі*. 2019;17:245–261.

References

1. Furmanov IA. Genesis of behavioural disorders and adaptive reactions: an affective and dynamic model of aggression. *Medycinskaâ psichologiâ v Rossii* [Internet]. 2016 [cited 2021 June 30];4(39). Available from: http://mprj.ru/archiv_global/2016_4_39/nomer02.php. Russian.
2. Yatsenko TE. Psychological essence of the category «Victim behaviour» from the position of the subject-environmental approach. *BarGU Herald. Series Education. Psychology. Philology (Literary Studies)*. 2019;7:127–134. Russian.
3. Furmanov IA, Aladin AA, Ananenko AA, Mitskevich ZhI, Pravdintsev VV, Yanchuk VA. *Obshhenacional'noe issledovanie po ocenke situacii s nasiliem v otnoshenii detej v Respublike Belarus'* [National study on assessing the situation with violence against children in the Republic of Belarus]. Minsk: V.I.Z.A GRUPP; 2010. 156 p. Russian.
4. Furmanov IA. Victimization of schoolchildren by classmates. *Vestnik BDU. Seriya 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2011;3:50–54. Russian.
5. Sinclair KR. Impact of physical and relational victimization on self-cognitions in children and adolescents [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 47 p. Available from: https://etd.library.vanderbilt.edu/available/etd-03222011-154741/unrestricted/K_Sinclair_Thesis.pdf.
6. Attar-Schwartz S, Khoury-Kassabri M. Indirect versus verbal forms of victimization at school: the contribution of student, family, and school variables. *Social Work Research*. 2008;32(3):159–170. DOI: 10.1093/swr/32.3.159.
7. Jackson CL, Hanson RF, Amstadter AB, Saunders BE, Kilpatrick DG. The longitudinal relation between peer violent victimization and delinquency: results from a national representative sample of U.S adolescents. *Journal of Interpersonal Violence*. 2013;28(8):1596–1616. DOI: 10.1177/0886260512468328.
8. Kuhl DC, Warner DF, Wilczak A. Adolescent violent victimization and precocious union formation. *Criminology*. 2012;50(4):1089–1127. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2012.00288.x.
9. Furmanov IA. Bullying in the Belarusian school environment. In: Kuhtova NV, Shingaev SM, editors. *Bulling v usloviyakh obrazovatel'noi sredy: mezhkul'turnyi aspekt* [Bullying in the educational environment: an intercultural aspect]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2018. p. 90–97. Russian.
10. Fredlund C, Svedin CG, Priebe G, Jonsson LS, Wadsby M. Self-reported frequency of sex as self-injury (SASI) in a national study of Swedish adolescents and association to sociodemographic factors, sexual behaviors, abuse and mental health. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2017;11(9):1–11. DOI: 10.1186/s13034-017-0146-7.
11. Dahlqvist HZ, Landstedt E, Young R, Gådin KG. Dimensions of peer sexual harassment victimization and depressive symptoms in adolescence: a longitudinal cross-lagged study in a Swedish sample. *Journal of Youth and Adolescence*. 2016;45(5):858–873. DOI: 10.1007/s10964-016-0446-x.

12. Veiskarami HA, Zangiabadi M, Hosseini S, Salimy H. Comparative analysis of verbal victimization among male and female high school students in Iran. *International Journal of Life Sciences*. 2015;9(3):13–17. DOI: 10.3126/ijls.v9i3.12460.
13. Furmanov IA, Dementiy LI, Kupchenko VE. Pupils victimization by peers (for example Russian and Belarusian samples). *Herald of Omsk University. Series «Psychology»*. 2015;2:30–38. Russian.
14. Finkelhor D, Turner HA, Hamby S. Let's prevent peer victimization, not just bullying. *Child Abuse and Neglect*. 2012;36(4):271–274. DOI: 10.1016/j.chiabu.2011.12.001.
15. Norris FH, Kaniasty K. Psychological distress following criminal victimization in the general population: cross-sectional, longitudinal, and prospective analyses. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1994;62(1):111–123. DOI: 10.1037/0022-006X.62.1.111.
16. Furmanov IA, Kupchenko VE. Personal features and experience of violence from the parties as a factor of suicidal risk in adolescents. *Herald of Omsk University. Series «Psychology»*. 2018;2:38–46. DOI: 10.25513/2410-6364.2018.2.38-46. Russian.
17. Klem JL, Klem T, Parrish MS, Brown DR. Relational, indirect, and social aggression: alleviating gender bias in the diagnosis of conduct disorder. *The Internet Journal of Mental Health*. 2008;5(2):1–9. DOI: 10.5580/116e.
18. Archer J, Coyne S. An integrated review of indirect, relational, and social aggression. *Personality and Social Psychology Review*. 2005;9(3):212–230. DOI: 10.1207/s15327957pspr0903_2.
19. McVean ML. Physical, verbal, relational and cyber-bullying and victimization examining the social and emotional adjustment of participants [Internet]. 2017 [cited 2020 June 30]. Available from: <https://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8094&context=etd>.
20. Wolke D, Lereya ST. Long-term effects of bullying. *Archives of Disease in Childhood*. 2015;100(9):879–885. DOI: 10.1136/archdischild-2014-306667.
21. Miller RN, Fagan AA, Wright EM. The moderating effects of peer and parental support on the relationship between vicarious victimization and substance use. *Journal of Drug Issues*. 2014;44(4):362–380. DOI: 10.1177/0022042614526995.
22. Zimmerman GM, Posick C. Risk factors for and behavioral consequences of direct versus indirect exposure to violence. *American Journal of Public Health*. 2016;106(1):178–188. DOI: 10.2105/AJPH.2015.302920.
23. Gollwitzer M, Süßenbach P, Hannuschke M. Victimization experiences and the stabilization of victim sensitivity. *Frontiers in Psychology*. 2015;6(439):1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00439.
24. Pinchevsky GM, Fagan AA, Wright EM. Victimization experiences and adolescent substance use: does the type and degree of victimization matter? *Journal of Interpersonal Violence*. 2014;29(2):299–319. DOI: 10.1177/0886260513505150.
25. Muzychenko DS. [Environment factors in victim behaviour]. *Vesnik Magiljovskaga dzjarzhavnaga universitjeta imja A. A. Kuljashova. Seryja C. Psiholaga-pedagogichnyja navuki*. 2020;1(55):53–62. Russian.
26. Fite PJ, Gabrielli J, Cooley JL, Rubens SL, Pederson CA, Eric M. Vernberg Associations associations between physical and relational forms of peer aggression and victimization and risk for substance use among elementary school-age youth. *Journal of Child and Adolescent Substance Abuse*. 2016;25(1):1–10. DOI: 10.1080/1067828X.2013.872589.
27. Litwiller BJ, Brausch AM. Cyber bullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *Journal of Youth and Adolescence*. 2013;42(5):675–684. DOI: 10.1007/s10964-013-9925-5.
28. Finkelhor D, Ormrod R, Turner H, Hamby SL. The victimization of children and youth: a comprehensive, national survey. *Child Maltreatment*. 2005;10(1):5–25. DOI: 10.1177/1077559504271287.
29. Lundh LG, Daukantaite D, Wangby-Lundh M. Direct and indirect aggression and victimization in adolescents – associations with the development of psychological difficulties. *BMC Psychology*. 2014;2(43):1–15. DOI: 10.1186/s40359-014-0043-2.
30. Cole DA, Zelkowitz R, Nick E, Martin NC, Roeder KM, Sinclair-McBride K, et al. Longitudinal and incremental relation of cybervictimization to negative self-cognitions and depressive symptoms in young adolescents. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2016;44(7):1321–1332. DOI: 10.1007/s10802-015-0123-7.
31. Hamburger ME, Basile KC, Vivolo AM. Measuring bullying victimization, perpetration, and bystander experiences: a compendium of assessment tools [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 119 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/50844676_Measuring_Bullying_Victimization_Perpetration_and_Bystander_Experiences_A_Compendium_of_Assessment_Tools.
32. Muzychenko DS. [Risk of victimization in youthful age]. *Zbornik navukovyh prac Akadjemii pasljadyplomnaj adukacyi*. 2019;17:245–261. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.10.2021.
Received by editorial board 06.10.2021.

УДК 316.6

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЙ ОГРАНИЧЕННОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

К. В. ПОЗНЯК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучается эволюция концепций ограниченной рациональности. Даются определение и описание известных на сегодня эвристик. Когнитивные искажения рассматриваются с точки зрения когнитивного и экологического подходов. Всесторонне анализируются содержательные характеристики концепции экологической рациональности. Исследуются структуры сред, строительные блоки эвристических стратегий, адаптивный набор инструментов и его функции, а также адаптивность когнитивных механизмов к различным средам принятия решений. Очерчиваются направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: ограниченная рациональность; эвристики; когнитивные искажения; экологическая рациональность; адаптивный набор инструментов; принятие решений.

AN ECOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF COGNITIVE BIASES AS DEMONSTRATIONS OF BOUNDED RATIONALITY

K. V. POZNYAK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The evolution of concepts of bounded rationality is analysed. Heuristics and cognitive biases are defined. The view on cognitive biases from the perspective of cognitive and ecological approaches is considered. The substantive characteristics of the ecological rationality are comprehensively examined. Structures of environments, building blocks of heuristic strategies, adaptive toolbox and its functions are studied. Currently discovered heuristics are described. The adaptability of cognitive mechanisms to different decision-making environments is investigated. Directions for further research are outlined.

Keywords: bounded rationality; heuristics; cognitive biases; ecological rationality; adaptive toolbox; decision-making.

Образец цитирования:

Позняк КВ. Экологический подход к исследованию когнитивных искажений как проявлений ограниченной рациональности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:92–99.

For citation:

Poznyak KV. An ecological approach to the study of cognitive biases as demonstrations of bounded rationality. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:92–99. Russian.

Автор:

Константин Вячеславович Позняк – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. С. Солодухо.

Author:

Konstantin V. Poznyak, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
poznyakpsy@yandex.by
<http://orcid.org/0000-0002-0515-3490>

Введение

Долгое время теория ожидаемой полезности Дж. фон Неймана и О. Morgenштерна, используемая для описания механизма принятия решений, доминировала в научном дискурсе. Она концептуализировала рационального человека, который обладает всеобъемлющими знаниями об окружающей среде (совершенной информацией), хорошо согласованной системой предпочтений и неограниченными вычислительными возможностями, исходя из чего человеческое поведение характеризовалось как рациональное в той мере, в какой оно соответствовало нормам логики, статистики и теории вероятностей [1].

Первым наиболее известным оппонентом данной модели стал Г. Саймон, разработавший концепцию, согласно которой рациональность индивидов ограничена имеющейся у них неполной и несовершенной информацией, их когнитивными способностями и безлимитными временными ресурсами. В ситуации сложного выбора в соответствии с критерием максимизации полезности поиск лучшей альтернативы оказывается просто невозможным и люди довольствуются несовершенной, но достаточной информацией, прибегают к эвристикам и предпочитают удовлетворительное решение оптимальному [2].

Под эвристиками понимаются простые и эффективные методы, применяемые при вынесении суждений и принятии решений в ситуациях, когда люди сталкиваются с чрезмерно сложными задачами [3], а также стратегии, используемые для решения проблем путем поиска и оценки альтернатив, с которыми невозможно справиться при помощи логики и теории вероятностей [4]. Пожалуй, наиболее известной является эвристика удовлетворительности, предложенная Г. Саймоном, которая заключается в установлении некоего желаемого параметра и выборе первого варианта, который ему удовлетворяет.

В своей исследовательской программе Г. Саймон указывал на необходимость изучения реального процесса принятия решений в контексте определенной среды в условиях не только риска, но и неопределенности. В связи с этим он предложил соответствующую метафору: «Рациональное поведение человека формируется ножницами, лезвиями которых являются структура среды задач и вычислительные возможности субъекта»¹ [5, p. 58]. Однако дальнейшее использование его концепции исследователями из разных областей знаний привело к ее радикальной переработке, а первоначальные идеи Г. Саймона перестали быть узнаваемыми. Так, например, экономисты, вернувшись к теории максимизации ожидаемой полезности, интегрировали концепцию

ограниченной рациональности в нормативную теорию и пришли к выводу о том, что эвристика удовлетворения при некоторых ограничениях и затратах на поиск является оптимизацией [6].

В рамках же когнитивной психологии (программы эвристик и искажений Д. Канемана и др.) на основании множества исследований было доказано, что люди часто отклоняются от нормативных стандартов экономической рациональности, неправильно оценивают вероятности, демонстрируют нетранзитивность предпочтений и предвзятость подтверждения. Они также подвержены эффекту фрейминга и множеству других возникающих при обработке информации когнитивных искажений, под которыми понимаются систематические ошибки мышления, предсказуемо возникающие в одних и тех же ситуациях и являющиеся следствием использования эвристик [7–9].

Подобные эмпирические демонстрации разрыва между описательными и нормативными моделями рассуждений и принятия решений стали интерпретироваться как систематическая иррациональность человеческого мышления, а применение эвристик – оцениваться однозначно негативно. Дальнейшая работа в этом направлении привела к возникновению теории двойных процессов, в которой выделяются подверженная ошибкам *Система 1*, интуитивно использующая эвристику, и *Система 2*, действующая в соответствии с теорией рационального выбора.

Экономическая и психологическая интерпретации ограниченной рациональности представляются противоположными, подчеркивают рациональность и иррациональность соответственно, однако обе разделяют нормативное видение человека. И все же концепция Саймона не является ни исследованием оптимизации при ограничениях, ни исследованием отклонений от оптимизации в традиции Д. Канемана. Исходя из метафоры Г. Саймона, исследовательская стратегия Д. Канемана сосредоточена исключительно на внутренних детерминантах поведения без анализа условий окружающей среды, что ведет к пренебрежению структурой мира, в котором происходит принятие решений, поэтому определить, в какой мере использование эвристик способствует или мешает достижению цели, становится невозможно [3; 5].

При включении в анализ указанной переменной ряд исследований показал следующее: то, что было интерпретировано как пренебрежение базовой ставкой, в естественных условиях оказывается разумной стратегией. Более того, когда информация представлена в виде собственных частот, а не вероятностей, пренебрежение базовой ставкой может быть совер-

¹Перевод наш. – К. П.

шенно рациональным [10]. Критика касается и того, сколько информации обычно доступно в этих средах и обязательно ли сравнение результатов получен-

ных решений должно основываться на абстрактных стандартах вероятности, логики и математической оптимизации.

Теоретические основы исследования

Перечисленные недостатки привели к поиску иных объяснительных моделей и альтернативной интерпретации произведенных открытий. Ряд ученых переосмыслили результаты большинства классических исследований эвристик, когнитивных искажений и указали на адаптивную и даже рациональную обработку информации со стороны испытуемых [8; 11]. Итогом стало развитие экологического подхода, признанным лидером которого является немецкий психолог Г. Гигеренцер. В русле этого подхода работают такие исследователи, как Н. Берг, Д. Голдстейн, К. Кацикопулос, П. Тодд, Р. Хертвиг и др. [12, с. 369]. Среди известных экономистов сторонником этого направления был лауреат Нобелевской премии Р. Зельтен.

В рамках экологической концепции рациональности утверждается, что для понимания истинных когнитивных способностей разума необходимо учитывать среду, в которой действует субъект, а обнаруженные ошибки могут являться следствием постановки неправильных исследовательских вопросов. Так, Э. Брунвик указывал на то, что человеческое восприятие нельзя понять, пока оно изучается в нерепрезентативных лабораторных условиях, исключающих экологическую структуру окружающей среды реального мира, и подчеркивал, что психологи должны изучать, как разум делает выводы на основе информационных сигналов, присутствующих в естественной среде. Р. Шепард рассматривал разум как зеркало, отражающее закономерности физического мира. Следовательно, то, что мы считаем рациональным или иррациональным поведением, необходимо оценивать с учетом конкретных условий принятия решений, а не в вакууме [3; 5; 13].

В данной исследовательской парадигме среда – то, в рамках чего действует субъект. Окружающая среда влияет на действия агента множеством способов. Она определяет цели субъекта и инструменты их достижения, обеспечивает входные данные, обработка которых направляет решения и поведение агента. В настоящее время не существует проработанной классификации структур окружающей среды, но из идентифицированных наиболее значимыми являются степень неопределенности и количество альтернатив [6].

Под неопределенностью обычно подразумевается ситуация, в которой неизвестен полный спектр возможных вариантов поведения, а также их последствия и вероятности, поэтому в отличие от ри-

ска оптимизация здесь невозможна [5]. Это связано с тем, что в ситуации риска вся релевантная информация из прошлого может помочь в предсказании будущего, поэтому ее необходимо учитывать. В полнотью же непредсказуемых условиях (например, в случае идеальной рулетки) всю информацию о прошлых событиях в силу ее бесполезности и отсутствия предсказательной силы можно игнорировать. Однако преобладающую часть времени люди живут в ситуации частичной предсказуемости и неопределенности, и основной способ с ней справиться – игнорировать большую часть доступной информации, прибегая к быстрой и экономной эвристике. Таким образом, чем выше степень неопределенности, тем большим может быть преимущество простой эвристики перед оптимизацией, байесовскими и другими методами.

Как правило, большое количество альтернатив также создают трудности для оптимизации. Термин «альтернатива» может относиться к отдельным объектам (например, к деньгам) или действиям (например, к ходам в игре). Во многих случаях, когда существует лучшая последовательность ходов (например, в шахматах), разум не может ее определить, так как количество альтернативных последовательностей действий слишком велико, а с помощью доступных человеку вычислений проблема практически неразрешима.

Структура сред может сознательно использоваться институтами, чтобы корректировать человеческое поведение. Иногда это имеет успех (например, при осознании собственной подверженности когнитивным искажениям и получении опыта их выявления в контексте принятия экономических решений среди студентов [14]). В других же случаях создается среда, которая не согласуется с когнитивными процессами человека. Так, информация о лечении часто представляется таким образом, что выгоды кажутся огромными, а вред несущественным; казино создают игровую среду с сигналами, заставляющими игроков поверить в то, что шансы на выигрыш больше, чем они есть на самом деле; магазины переполнены списками характеристик сотен продуктов, которые могут перегрузить информацией покупателей. Наконец, структура среды может возникнуть спонтанно в результате социального взаимодействия множества лиц, принимающих решения [6].

Многие эвристические стратегии состоят из трех основных элементов (строительных блоков):

1) простых правил поиска. Процесс поиска состоит из пошаговых процедур, при выполнении которых производится сбор или корректировка информации, а сам процесс повторяется до тех пор, пока не будет остановлен;

2) простых правил остановки. Поиск завершается выбором первого варианта, который удовлетворяет желаемому параметру. Правило может измениться из-за продолжительности поиска или наличия другой информации. Простые правила остановки не включают вычисление полезности и вероятностей для определения оптимальной точки остановки;

3) простых правил принятия решений. После получения ограниченного количества информации и остановки поиска применяется простое правило принятия решения (например, выбор предпочтительного объекта по наиболее важному критерию вместо вычисления оптимального веса каждого и их интеграции линейным или нелинейным способом, как это делается при использовании байесовского метода) [10].

Строительные блоки эвристик обычно основаны на некоторых развитых способностях, под которыми понимаются продукты эволюции и воспитания, для своего полного проявления нуждающиеся в реализации на практике [6]. Совокупность эвристик, их строительных блоков и развитых способностей представляет собой так называемый адаптивный набор инструментов. Его адаптивность проявляется в том, что инструменты приспособлены для реше-

ния определенного класса задач так же хорошо, как молоток – для гвоздей, а отвертка – для шурупов [5].

С понятием адаптивного набора инструментов связано конкретное видение теории ограниченной рациональности, основанное на трех предпосылках:

1) психологическом правдоподобии. Цель программы – понять, как реальные люди принимают решения. Задача исследования – создать модель ограниченной рациональности на таком когнитивном, эмоциональном, социальном и поведенческом репертуаре, которым на самом деле обладает вид, а не на таком, который ему приписывается нормативной моделью;

2) специфике предметной области. Адаптивный набор инструментов предлагает набор эвристик, которые предназначены для решения конкретных целей, специфичных для каждой предметной области. Эти эвристики состоят из когнитивных и эмоциональных строительных блоков (которые могут быть частью более чем одной эвристики) и позволяют конструировать новые. Строительные блоки являются более общими, чем эвристика;

3) экологической рациональности. Рациональность специфичных эвристик заключается не в оптимизации, всеведении или согласованности. Их успех (и неудача) состоит в степени адаптации к структуре окружающей среды, как физической, так и социальной. Суть экологической рациональности, таким образом, заключается в изучении соответствия эвристики структурам окружающей среды [10].

Результаты и их обсуждение

Функция адаптивного набора инструментов заключается в предоставлении когнитивных, эмоциональных и социальных стратегий, которые позволяют достичь множества целей путем принятия быстрых, экономных и точных решений, и при этом не соотносится с гарантией согласованности или решением дифференциальных уравнений для оптимизации какой-либо функции.

Следует отметить, что индивидуальный набор адаптивных инструментов не является фиксированным для каждого человека, так как его содержание может увеличиваться в результате развития, индивидуального обучения и культурного опыта. Сегодня мало что известно о том, как набор доступных инструментов трансформируется на протяжении жизни. Предварительные результаты показывают, что когнитивные изменения, связанные с возрастом, заставляют полагаться на более простые стратегии. Тем не менее молодые и пожилые люди кажутся одинаково успешными в своей способности корректировать использование эвристик в зависимости от структуры среды [6].

Таким образом, модель быстрой и экономной эвристики ставит ряд исследовательских задач, которые можно сгруппировать по трем категориям.

1. *Описательные задачи* – связаны с выявлением эвристик, входящих в адаптивный набор инструментов, которые используются людьми при принятии решений; элементов когнитивной архитектуры, применяемых этой эвристикой; ответов на вопрос о том, как и когда выбирается эвристика определенного типа.

2. *Экологические задачи* – направлены на изучение аспектов структуры окружающей среды, к которым адаптирована эвристика, а также способа описания этих сред. Решение задач этой категории позволит лучше понять, как выбор эвристики, подходящей определенной среде, помогает людям принимать более рациональные решения или, напротив, как происходят сбои при их несоответствии.

3. *Прикладные задачи* – нацелены на выявление способа улучшения работы человека за счет большего соответствия эвристики окружающей среде. Возможны два способа повышения производительности: побудить изменить эвристику, на которую они

полагаются в данной среде (например, через образование); изменить среду, в которой люди полагаются на некоторую эвристику (например, посредством разработки определенной политики).

В рамках данной исследовательской парадигмы обнаруживаются простые эвристики, входящие в адаптивный набор инструментов (см. таблицу) [5; 6; 15–22].

Эвристики, входящие в адаптивный набор инструментов

Heuristics included in the adaptive toolbox

Название	Описание
Эвристика распознавания	Если распознается одна из двух альтернатив, следует выбрать ее как более ценную
Эвристика беглости	Если распознаются обе альтернативы, но одна из них распознается быстрее, она считается более ценной
Эвристика «Бери лучшее»	Выбор среди двух распознанных альтернатив по сигналу с большей ценностью (остальные сигналы игнорируются)
Эвристика подсчета	Оценка альтернативы происходит по количеству положительных сигналов, а не по их весу
Эвристика удовлетворения	Выбор первой альтернативы, превышающей существующий целевой уровень
Эвристика «1/N»	Распределение ресурсов среди всех имеющихся альтернатив в равных долях
Эвристика значения по умолчанию	Если существует некое значение по умолчанию, люди не склонны его менять
Эвристика «Око за око»	Изначальная склонность к сотрудничеству с дальнейшим подражанием последнему поведению партнера
Эвристика подражания большинству	Подражание поведению большинства членов группы, в которую включен субъект
Эвристика подражания успеху	Подражание поведению самой успешной персоны

Классическое обоснование использования данных эвристик при принятии решений заключается в компромиссе между усилием и точностью. Суть этой гипотезы состоит в том, что когнитивные усилия, прилагаемые в таких процессах, как внимание или вспоминание, являются дефицитным ресурсом, а потому лицо, принимающее адаптивные решения, выберет механизм, который позволит снизить их стоимость, пренебрегая точностью лишь в незначительной степени. В данной ситуации некоторый ущерб точности соответствует представлениям, согласно которым для более успешных решений необходим поиск как можно большего количества информации. Но так как в реальном мире информация не является бесплатной, а вычисления требуют времени, которое можно было бы потратить на иные процессы, наступает момент, когда затраты на дальнейший поиск превышают существующие или возможные выгоды. Такой компромисс лежит в основе ограничивающих оптимизацию теорий принятия решений, в которых поиск информации во внешнем мире или в памяти прекращается, когда ожидаемые затраты превышают его полезность [6].

Однако взгляд на компромисс между усилиями и точностью оказался неверным. Многочисленные эксперименты и ряд формальных имитаций показали, что целое семейство простых правил принятия решений, использующих только одну или не-

сколько частей информации, может работать так же или даже лучше, чем более сложные алгоритмы принятия решений, использующие всю доступную информацию. Эвристика распознавания, например, помогает быстро принять решение за счет выбора знакомой альтернативы, если другие не распознаются, тем самым позволяя индивиду извлекать выгоду из собственного невежества [3]. Эвристика работает с ограниченными знаниями и временем и требует определенного количества недостающей информации [22].

Имитация – быстрая и экономная стратегия, которая избавляет организм от необходимости заново извлекать информацию из окружающей среды или производить расчеты с нуля. Эксперты (например, пилоты, пожарные) нередко используют простую эвристику «Бери первое», представляющую собой стратегию оценки решений по мере того, как они приходят в голову, и выбор первого удовлетворительного варианта. При столкновении с проблемой, решить которую необходимо быстро, часто лучшим способом является тот, который первым приходит на ум.

Считается, что эта эвристика эффективна, поскольку эксперт распознает или классифицирует ситуацию как типичную и, соответственно, вспоминает (при наличии опыта), как себя в ней вести. Генерируемые варианты неслучайны, но могут приходиться на ум в порядке их качества. Эвристика менее успешна

в тех областях, где лицо, принимающее решение, не является экспертом или попадает в совершенно новую для себя ситуацию [10].

Таким образом, в концепциях ограниченной и экологической рациональности поведение рассматривается как продукт взаимодействий между субъектом и средой, однако не только тех, которые происходят сейчас, но и тех, которые имели место в прошлом, вследствие чего и были сформированы ныне существующие механизмы.

Однако если прошлая и текущая среда существенно различаются, это приводит к несоответствию старых когнитивных механизмов или стратегий современным условиям, что отрицательно сказывается на рациональности принимаемых решений. В качестве примера можно отметить то, что эволюционно человек предпочитает сладкую, соленую и жирную пищу остальной, что приводит к нездоровому питанию и переизбытку калорий, а затем – к ожирению и другим хроническим заболеваниям. Возможность таких несоответствий (между адаптивными в про-

шлом механизмами и нынешней средой, в которой они не являются таковыми, или между эвристиками, которые хорошо работают в одной современной обстановке, но плохо применимы в другой) служит подтверждением важности рассмотрения конкретных сред и контекстов при оценке экологической рациональности определенных стратегий в условиях принятия решений. Стратегии не являются экологически рациональными сами по себе, но становятся таковыми в контексте отдельных ситуаций с некоторой структурой среды. Так, предпочтение жирной пищи иной является экологически рациональным в среде, где продукты с высокой калорийностью являются дефицитными или труднодоступными, однако в современных реалиях ее же употребление ведет к нежелательным последствиям [16].

Помимо случаев, когда среда и стратегии несовместимы, есть примеры, демонстрирующие, что нормативно иррациональное поведение может расцениваться как верное с точки зрения экологической рациональности [5].

Заключение

Стоит отметить, что каждый человек обладает адаптивным набором инструментов, состоящим из ряда эвристических стратегий. Для решения проблемы принятия решения из адаптивного набора инструментов выбирается алгоритм, который соответствует текущей среде, что позволяет гибко и экологически рационально его использовать [6].

Исследования, проведенные в рамках экологического подхода, показывают, что в неопределенном мире для принятия адаптивных решений нередко необходимо игнорирование части доступных данных. В сравнении с более сложными алгоритмами эвристика работает быстро (за счет своей простоты) и экономно (за счет использования малого количества информации). В отличие от исследовательской программы Д. Канемана выявленные алгоритмы принятия решений в настоящей работе рассматриваются не как ошибки, а как адаптации к проблемам современных и прошлых сред. Простые стратегии часто эффективны и не являются проявлениями ограниченности человеческого разума. Сами же когнитивные искажения рассматриваются не как систематические ошибки мышления, а как несоответствие выбранной эвристической стратегии текущим условиям, а в ряде случаев считаются исследовательскими артефактами. Когда же человеческое познание изучается применительно к реальной окружающей среде, эвристики раскрывают весь свой потенциал, используя структуру информации в реальном мире [3], что заставляет задуматься о придании им статуса не только описательной, но и нормативной модели [6].

На данный момент детально изучен относительно небольшой репертуар простых эвристик, пред-

ставленных в адаптивном наборе инструментов мышления. Для более полного изучения и понимания обозначенной проблематики следует двигаться в двух направлениях:

- углублять понимание сочетаний способностей (например, к распознаванию или доверию), набора структурных элементов эвристик (строительных блоков), которые могут использоваться при принятии решений;

- прояснить, каким образом адаптивный набор эвристических инструментов связан с когнитивными, перцептивными и моторными системами, участвующими в выработке адаптивных стратегий [16].

В целом прогнозирование человеческого поведения продолжит совершенствоваться по мере углубления понимания лежащих в его основе механизмов принятия решений и экологического контекста, в котором они используются, а также соответствия между механизмами принятия решений и средой, приводящего к относительно успешным результатам. Совокупность полученных в ходе научных исследований данных позволит выработать ряд эффективных тактик воздействия на когнитивные и средовые факторы в целях повышения вероятности принятия более рациональных решений. Перспективными направлениями расширения данной проблематики видятся также разработка и внедрение прикладных методик, направленных на развитие критического мышления и умения распознавать факторы, способные «исказить» механизм принятия решений в ситуации выполнения широкого спектра экономических задач ввиду различных детерминант, воздействующих на субъекты активности.

Библиографические ссылки

1. Belle N, Cantarelli P, Belardinelli P. Prospect theory goes public: experimental evidence on cognitive biases in public policy and management decisions. *Public Administration Review*. 2018;78(6):828–840. DOI: 10.1111/puar.12960.
2. Белехова ГВ. Экономическое поведение населения: осмысление категории. *Проблемы развития территории*. 2018;5(97):68–83. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5.
3. Haselton MG, Bryant GA, Wilkie A, Frederick DA, Galperin A, Frankenhuis WE. Adaptive rationality: an evolutionary perspective on cognitive bias. *Social Cognition*. 2009;27(5):733–763. DOI: 10.1521/soco.2009.27.5.733.
4. Abatecola G, Caputo A, Cristofaro M. Reviewing cognitive distortions in managerial decision making: toward an integrative co-evolutionary framework. *Journal of Management Development*. 2018;5(37):409–424. DOI: 10.1108/JMD-08-2017-0263.
5. Viale R. *Routledge handbook of bounded rationality*. New York: Taylor & Francis Group; 2021. 680 p.
6. Todd PM, Gigerenzer G. *Ecological rationality: intelligence in the world*. New York: Oxford University Press; 2012. 608 p.
7. Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. New York: FSG; 2011. 499 p.
8. Stanovich KE, West RF. Evolutionary versus instrumental goals: how evolutionary psychology misconceives human rationality. In: Over DE, editor. *Evolution and the psychology of thinking: The debate*. London: Psychology Press; 2013. p. 171–230. (Series on Current Issues in Thinking and Reasoning).
9. Arnott D. Cognitive biases and decision support systems development: a design science approach. *Information Systems Journal*. 2006;16(1):55–78. DOI: 10.1111/j.1365-2575.2006.00208.x.
10. Gigerenzer G, Selten R. *Bounded rationality: the adaptive toolbox*. Massachusetts: The MIT Press; 2001. 394 p.
11. Lockton D. Cognitive biases, heuristics and decision-making in design for behaviour change. *SSRN Electronic Journal* [Internet];2012 [cited 2021 February 20]. Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2124557.
12. Капелюшников РИ. Поведенческая экономика: несколько комментариев о рациональности и иррациональности. *Журнал экономической теории*. 2018;18(3):359–376. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.1.
13. Altman M, editor. *Handbook of behavioural economics and smart decision-making*. Lypiatt: Edward Elgar Publishing; 2017. 608 p.
14. Солодухо АС, Фофанова ГА. Элементы экономического поведения студентов на занятиях по экономической психологии: об опыте реализации эвристического подхода. В: Гигин ВФ, Курбачева ОВ, Барсук ИА, Фофанова ГА. *Инновационные подходы и креативные компоненты обучения социально-гуманитарным дисциплинам в высшей школе*. Минск: БГУ; 2019. С. 95–101.
15. Kalenscher T. *Decision-making and neuroeconomics*. New York: John Wiley & Sons; 2014. 17 p. DOI: 10.1002/9780470015902.a0021397.pub2.
16. Gigerenzer G, Todd PM. Environments that make us smart. *Current Directions in Psychological Science*. 2007;16(3):167–171. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2007.00497.x.
17. Gigerenzer G. Homo heuristicus: why biased minds make better inferences. *Topics in Cognitive Science*. 2009;1:107–143. DOI: 10.1111/j.1756-8765.2008.01006.x.
18. Hilbig BE. Reconsidering «evidence» for fast-and-frugal heuristics. *Psychonomic Bulletin Review*. 2010;17:923–930. DOI: 10.3758/PBR.17.6.923.
19. Gigerenzer G, Edwards A. Simple tools for understanding risks: from innumeracy to insight. *British Medical Journal*. 2003;327:741–744. DOI: 10.1136/bmj.327.7417.741.
20. Pachur T. Recognition-based inference: when is less more in the real world? *Psychonomic Bulletin Review*. 2010;17:589–598. DOI: 10.3758/PBR.17.4.589.
21. Gigerenzer G, Goldstein DG. Reasoning the fast and frugal way: models of bounded rationality. *Psychological Review*. 2007;103(4):650–669. DOI: 10.1037/0033-295X.103.4.650.
22. Gigerenzer G, Goldstein DG. Models of ecological rationality: the recognition heuristic. *Psychological Review*. 2002;109(1):75–90. DOI: 10.1037//0033-295X.109.1.75.

References

1. Belle N, Cantarelli P, Belardinelli P. Prospect theory goes public: experimental evidence on cognitive biases in public policy and management decisions. *Public Administration Review*. 2018;78(6):828–840. DOI: 10.1111/puar.12960.
2. Belehova GV. Economic behavior of the population: understanding the category. *Problems of Territory's Development*. 2018;5(97):68–83. Russian. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5.
3. Haselton MG, Bryant GA, Wilkie A, Frederick DA, Galperin A, Frankenhuis WE. Adaptive rationality: an evolutionary perspective on cognitive bias. *Social Cognition*. 2009;27(5):733–763. DOI: 10.1521/soco.2009.27.5.733.
4. Abatecola G, Caputo A, Cristofaro M. Reviewing cognitive distortions in managerial decision making: toward an integrative co-evolutionary framework. *Journal of Management Development*. 2018;5(37):409–424. DOI: 10.1108/JMD-08-2017-0263.
5. Viale R. *Routledge handbook of bounded rationality*. New York: Taylor & Francis Group; 2021. 680 p.
6. Todd PM, Gigerenzer G. *Ecological rationality: intelligence in the world*. New York: Oxford University Press; 2012. 608 p.
7. Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. New York: FSG; 2011. 499 p.
8. Stanovich KE, West RF. Evolutionary versus instrumental goals: how evolutionary psychology misconceives human rationality. In: Over DE, editor. *Evolution and the psychology of thinking: The debate*. London: Psychology Press; 2013. p. 171–230. (Series on Current Issues in Thinking and Reasoning).
9. Arnott D. Cognitive biases and decision support systems development: a design science approach. *Information Systems Journal*. 2006;16(1):55–78. DOI: 10.1111/j.1365-2575.2006.00208.x.
10. Gigerenzer G, Selten R. *Bounded rationality: the adaptive toolbox*. Massachusetts: The MIT Press; 2001. 394 p.

11. Lockton D. Cognitive biases, heuristics and decision-making in design for behaviour change. *SSRN Electronic Journal* [Internet]; 2012 [cited 2021 February 20]. Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2124557.
12. Kapeliushnikov RI. Behavioral economics: several comments on rationality and irrationality. *Russian Journal of Economic Theory*. 2018;18(3):359–376. Russian. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.1.
13. Altman M, editor. *Handbook of behavioural economics and smart decision-making*. Lypiatt: Edward Elgar Publishing; 2017. 608 p.
14. Solodukho AS, Fofanova GA. [Elements of economic behaviour of students in the classroom in economic psychology: on the experience of implementing a heuristic approach]. In: Gigin VF, Kurbacheva OV, Barsuk IA, Fofanova GA. *Innovatsionnye podkhody i kreativnye komponenty obucheniya sotsial'no-gumanitarnym distsiplinam v vysshei shkole* [Innovative approaches and creative components of teaching social and humanitarian disciplines in higher education]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 95–101. Russian.
15. Kalenscher T. *Decision-making and neuroeconomics*. New York: John Wiley & Sons; 2014. 17 p. DOI: 10.1002/9780470015902.a0021397.pub2.
16. Gigerenzer G, Todd PM. Environments that make us smart. *Current Directions in Psychological Science*. 2007; 16(3):167–171. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2007.00497.x.
17. Gigerenzer G. Homo heuristicus: why biased minds make better inferences. *Topics in Cognitive Science*. 2009;1: 107–143. DOI: 10.1111/j.1756-8765.2008.01006.x.
18. Hilbig BE. Reconsidering «evidence» for fast-and-frugal heuristics. *Psychonomic Bulletin Review*. 2010;17:923–930. DOI: 10.3758/PBR.17.6.923.
19. Gigerenzer G, Edwards A. Simple tools for understanding risks: from innumeracy to insight. *British Medical Journal*. 2003;327:741–744. DOI: 10.1136/bmj.327.7417.741.
20. Pachur T. Recognition-based inference: when is less more in the real world? *Psychonomic Bulletin Review*. 2010; 17:589–598. DOI: 10.3758/PBR.17.4.589.
21. Gigerenzer G, Goldstein DG. Reasoning the fast and frugal way: models of bounded rationality. *Psychological Review*. 2007;103(4):650–669. DOI: 10.1037/0033-295X.103.4.650.
22. Gigerenzer G, Goldstein DG. Models of ecological rationality: the recognition heuristic. *Psychological Review*. 2002; 109(1):75–90. DOI: 10.1037//0033-295X.109.1.75.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2021.
Received by editorial board 26.04.2021.

Психология ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

УДК 364.08

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В. А. ДВОРЕЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются предпосылки повышения востребованности специалистов по социальной работе на рынке труда. Обосновывается значимость профессионального образования для обеспечения высокоэффективной деятельности социальных работников. Приводятся данные эмпирического исследования поведения и переживания, связанного с работой, а также социальных норм просоциального поведения испытуемых с разным образовательным уровнем. Сделан вывод о том, что социальные работники, не имеющие профильного образования, в меньшей степени готовы затрачивать силы и энергию на профессиональную деятельность, которая имеет для них более низкую субъективную значимость. Им часто присущи более низкий уровень профессиональных притязаний, слабое стремление к совершенству, тенденция к отказу от деятельности в ситуации неудачи, менее активная стратегия решения проблем, отсутствие осознания успешности своей профессиональной деятельности, повышенная способность сохранять дистанцию по отношению к работе, сниженная удовлетворенность жизнью, безынициативность в проявлениях социальной поддержки и более низкий уровень сформированности норм просоциального поведения.

Ключевые слова: специалисты по социальной работе; высшее образование; профессиональное поведение; отношение к работе; социальные нормы; просоциальное поведение.

Образец цитирования:

Дворецкая ВА. Особенности профессионального поведения специалистов по социальной работе в зависимости от уровня образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:100–108.

For citation:

Dvaretskaya VA. Features of professional behaviour of specialists in social work with different educational levels. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:100–108. Russian.

Автор:

Виктория Александровна Дворецкая – старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент О. Г. Ксенда.

Author:

Viktoriya A. Dvaretskaya, senior lecturer at the department of social work and rehabilitology, faculty of philosophy and social sciences.
dvoreckayavika@mail.ru

FEATURES OF PROFESSIONAL BEHAVIOUR OF SPECIALISTS IN SOCIAL WORK WITH DIFFERENT EDUCATIONAL LEVELS

V. A. DVARETSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the prerequisites for increasing the demand for specialists in social work in the labour market. The importance of vocational education is substantiated for ensuring high efficiency of the activities of specialists in the social sphere. The data of an empirical study of the type of behaviour and experience associated with activity, social norms of prosocial behaviour of specialists in social work with different educational levels are presented. According to the results of the study, social work specialists who do not have a specialised education are distinguished by a lower readiness to spend energy and energy resources in performing professional activities. Work has a lower subjective significance for them. At the same time, specialists who have not received an education in their specialty are inherent in: a lower level of professional aspirations, a less pronounced desire for excellence, an increased tendency to abandon activities in a situation of failure, less proactive problem-solving strategy, lower severity of a sense of success in professional activity, increased ability to maintain distance from work, decreased life satisfaction, a less intense feeling of social support and a lower level of formation of norms of prosocial behaviour.

Keywords: social work specialists; higher education; professional behaviour; attitude to work; social norms; prosocial behaviour.

Введение

Интенсивное развитие системы социальной защиты в Беларуси влечет за собой расширение спектра направлений и видов предоставляемых социальных услуг, внедрение соответствующих инновационных технологий. Современная государственная социальная политика исходит из принципа справедливости, однако учитывает также экономическую эффективность предпринимаемых мер. В ранний постсоветский период функционировала патерналистско-социалистическая модель государства, в рамках которой решение социальных проблем осуществлялось за счет национализации основных средств производства, планирования потребностей населения и распределения общественных благ между гражданами по категориальному принципу¹.

В силу того, что в условиях рыночной экономики данная модель продемонстрировала экономическую несостоятельность, в современной системе социальной защиты населения наблюдается активное протекание трансформационных процессов, направленных на переход к адресной социальной системе. Необходимость дополнения социальной сферы элементами рыночных отношений приводит к расширению ее коммерческого сектора, увеличению количества благотворительных организаций, модернизации характера, объема и содержания социальных услуг, предоставляемых на базе государственных учреждений. К решению социальных проблем активно привлекаются некоммерческие организации, а также структуры общественного сектора социальной защиты [1, с. 481].

Стимулирующее воздействие на становление экономически обоснованной модели организации

социальной работы оказывает влияние на характер социально-экономических и демографических процессов в стране, что предполагает увеличение доли людей пожилого возраста при сохранении высокой численности инвалидов в структуре населения. Негативная динамика показателей здоровья и качества жизни приводит к повышению нужды белорусов в защите, помощи и поддержке, что обуславливает устойчивый рост спроса на социальные услуги [2, с. 75].

Как следствие, на рынке труда увеличивается количество вакансий, предъявляющих высокие требования к профессиональным компетенциям специалистов социальной сферы: они должны обладать не только социальными знаниями, умениями и навыками, но и соответствующими личностными качествами. В то же время спрос на социальных работников существенно превышает количество соискателей с высоким образовательным уровнем, в связи с чем ощутимая доля сотрудников, трудоустроенных на должность специалиста по социальной работе, не имеют профильного образования [3, с. 8].

В учреждениях высшего образования (УВО) не только закладывается теоретический базис деятельности в сфере социальной работы, но и формируются профессиональное мышление и поведение, ценностное отношение к труду, осознание его общественной значимости, что предопределяет мотивацию специалиста к добросовестному исполнению обязанностей и самосовершенствованию. В связи с этим научно-практический интерес представляют особенности профессионального поведения специа-

¹Побережная О. Е. Теоретические аспекты формирования и развития социальной политики в современном мире : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. Минск, 2015. С. 6.

листов социальной сферы в зависимости от наличия у них профильного образования.

Интерес к профессиональному поведению и его влиянию на эффективность труда возник, когда в США в первой половине XX в. исследователи (Э. Мэйо, А. Маслоу, У. Барнард, Р. Лайкерт, Ф. Герцберг, Д. Макгрегор и др.) начали рассматривать различные аспекты поведения специалистов в контексте трудовой деятельности. Под профессиональным поведением понималась особая разновидность социальной активности, особенности взаимодействия работника со средой, сформировавшиеся под воздействием совокупности профессиональных требований и условий труда. В отечественной науке содержательные аспекты профессионального поведения раскрыты в трудах А. Е. Климова, В. А. Бодрова, Э. Ф. Зеера, Н. С. Пряжникова, А. В. Карпова, В. Н. Дружинина, Л. Г. Дикой и др.

В настоящее время предпринимаются активные попытки конкретизации понятия «профессиональное поведение». Так, Л. Г. Чапаева определяет его как социальный феномен, детерминирующий полноту реализации компетентностного потенциала специалиста, отражающий внешнее воплощение его личностных качеств в профессиональной деятельности и предопределяющий эффективность труда и меру выполнения социального функционала профессии [4, с. 39]. Е. В. Корниенко рассматривает профессиональное поведение как совокупность социально-психологических, ситуативно-организационных и культурно-профессиональных компонентов активности специалиста, обеспечивающую его взаимодействие с профессиональной средой и детерминирующую результативность его труда [5, с. 529]. И. Н. Беляева подразумевает под этим понятием поведение специалиста в рамках выполнения профессиональной деятельности². На взгляд О. В. Заславской, профессиональное поведение – логически выстроенный набор профессиональных поступков [6, с. 46]. Д. Е. Маккензи усматривает в нем содержание целенаправленной активности специалиста в контексте профессиональной среды, а также элемент профессиональной культуры, отражающий степень следования деонтологическим нормам и ценностям профессиональной группы [7, р. 432].

В контексте настоящей статьи под профессиональным поведением понимается система сознательной активности специалиста, возникающая в результате взаимодействия с профессиональной средой и обусловленная совокупностью его личностных качеств.

Особый интерес представляет профессиональное поведение специалистов социономических, или помогающих, профессий, эффективность труда в ко-

торых обусловлена эмоциональной и личностной включенностью работников в деятельность, а также их способностью к проявлению просоциальных личностных качеств (эмпатии, терпимости, милосердия и др.) [8, с. 129].

В странах СНГ были получены эмпирические данные о профессиональном поведении педагогов, в Европе были собраны соответствующие сведения о медицинских работниках, однако специфика профессионального поведения специалистов социальной сферы остается малоизученной. Так, в русскоязычных источниках основное внимание уделяется этическому аспекту [8–10], проблеме определения стандартов и критериев регуляции трудовой активности в области социальной работы [11–12], необходимости формирования профессионального поведения на этапе получения образования [9]. В то же время организационные, трудовые аспекты поведения и личностные детерминанты не находят отражения в научной литературе, несмотря на высокую практическую значимость проблемы.

Основополагающим компонентом содержания профессиональной деятельности специалиста по социальной работе является просоциальное поведение, в широком смысле трактуемое как любые действия, которые направлены на оказание помощи другим людям [13, с. 6]. Соответственно, исключительно важное значение имеет личностная готовность работников социальной сферы прилагать усилия для повышения уровня социального и психологического благополучия граждан.

В настоящей статье профессиональное поведение специалистов по социальной работе исследуется следующим образом:

1) в зависимости от комплекса характеристик поведения, интегральные блоки которого составляют профессиональная активность, стратегии преодоления проблемных ситуаций, возникающих в контексте исполнения трудовых обязанностей, и эмоциональное отношение к профессиональной деятельности [14, S. 153];

2) согласно типам поведения и переживания в профессиональной среде (У. Шааршмидт, А. Фишер). Выделяют следующие типы:

- тип *G*, или здоровый, – оптимальное поведение, предполагающее ценностное отношение к профессии, достаточный уровень трудовой мотивации, рациональный подход к энергетическим затратам и предрасположенность к конструктивным стратегиям преодоления профессиональных трудностей;

- тип *S*, или экономный, – поведение, ориентированное на сохранение энергетических ресурсов и характеризуемое средним уровнем мотивации и профессиональных притязаний, умеренной го-

²Беляева И. Н. Соотношение стилей профессионального поведения и личностных характеристик на примере специалистов по продажам : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03. СПб., 2012. С. 11.

товностью к энергетическим затратам, склонностью сохранять дистанцию по отношению к профессиональной деятельности, достаточной удовлетворенностью трудом и жизнью в целом;

- тип А – поведение, которое сигнализирует о повышенном риске развития эмоционального выгорания, обусловленном наделением профессиональной деятельности чрезмерно высоким субъективным значением, что находит выражение в перфекционизме, готовности к непомерно большим энергетическим затратам, неблагоприятном состоянии психоэмоциональной сферы, низкой субъективной оценке эффективности труда;

- тип В – поведение, свидетельствующее об эмоциональном выгорании и включающее наделение работы низким субъективным значением, ограниченную способность сохранения дистанции по отношению к профессиональной деятельности, использование неконструктивных стратегий преодоления профессиональных трудностей, предрасположенность к отказу от труда в ситуации неудачи, постоянный психоэмоциональный дискомфорт и беспокойство [14, S. 162];

3) в соответствии с личностной готовностью специалистов к реализации просоциального поведения, которая неизбежно проявляется в контексте профессиональной деятельности.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование было проведено на базе территориальных центров социального обслуживания, функционирующих в республике. Объектом анализа выступило профессиональное поведение специалистов по социальной работе, предметом – влияние на него уровня образования.

Выборку составили 300 социальных работников в возрасте от 26 до 45 лет со стажем трудовой деятельности от 5 до 10 лет. Примечательно, что в исследовании приняли участие только женщины, что объясняется, на наш взгляд, спецификой профессии. Средний возраст испытуемых составляет $35,42 \pm 5,85$ года. В первую группу вошли 150 специалистов, получивших высшее профильное образование в Белорусском государственном университете (на кафедре социальной работы и ре-

абилитологии), во вторую – 150 специалистов по социальной работе, не имеющих профильного образования.

В качестве психодиагностического инструментария применялся опросник поведения и переживания, связанного с работой, Шааршмидта и Фишера (AVEM), а также методика по разработке социальных норм просоциального поведения (И. А. Фурманов, Н. В. Кухтова).

Полученные первичные данные прошли проверку на нормальность распределения по критерию Эппса – Палли, после чего количественные данные были обработаны статистически при помощи t -критерия Стьюдента, а качественные – при помощи χ^2 -критерия Пирсона. Для статистического анализа данных применялся программный пакет *Statistica 12*.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования был обнаружен ряд статистически значимых различий, представленных в табл. 1.

В соответствии с данными, которые отражены в табл. 1, были установлены статистические различия высокого уровня значимости по шкалам «Готовность к энергетическим затратам», «Субъективное значение деятельности», «Профессиональные притязания», «Стремление к совершенству», «Тенденция к отказу в ситуации неудачи», «Активная стратегия решения проблем» и «Чувство успешности в профессиональной деятельности» (при $p < 0,01$), а также статистические различия по шкалам «Способность сохранять дистанцию по отношению к работе», «Удовлетворенность жизнью» и «Чувство социальной поддержки» (при $p < 0,05$).

Исходя из установленных различий, у специалистов по социальной работе с разным уровнем образования были выявлены следующие особенности поведения и переживания, связанного с работой.

1. Специалисты по социальной работе с высоким образовательным уровнем в значительно меньшей степени предрасположены к экономии энергетиче-

ских ресурсов в процессе выполнения профессиональных обязанностей. Это указывает на более добросовестный и ответственный подход к работе, однако выступает предпосылкой истощения резервов физических и психических возможностей.

2. Для специалистов, получивших высшее образование, работа обладает большей ценностью. Это позволяет предположить, что профессиональная деятельность не только является для них источником дохода, но и обеспечивает удовлетворение потребности в самореализации.

3. Более выраженные карьерные амбиции специалистов по социальной работе с профильным образованием свидетельствуют об их стремлении к достижению более высоких профессиональных целей, большей ориентированности на саморазвитие, чем у социальных работников без профильного образования.

4. Испытуемые с высшим образованием в своей профессиональной деятельности ориентируются на более высокие стандарты, чаще склонны проявлять исполнительность, аккуратность, ответственность. Однако если перфекционизм специалистов

имеет невротический характер, он может выступать предпосылкой возникновения эмоциональных расстройств, снижения уверенности в себе.

5. Специалисты, не имеющие профильного образования, обладают менее развитой способностью справляться с профессиональными провалами. Для них характерны более низкий уровень фрустрационной толерантности, целеустремленности и настойчивости, сниженная готовность к преодолению профессиональных трудностей. Неудачи оказывают более ощутимое влияние на их психоэмоциональное состояние.

6. Социальным работникам с высоким образовательным уровнем в большей степени свойственны упорство, готовность к преодолению профессиональных трудностей. Это позволяет предположить, что обучение в УВО способствует развитию волевых качеств, повышает уверенность в своих силах и способностях.

7. Специалисты по социальной работе с высшим образованием более склонны считать свою профессиональную жизнь успешной, гордиться профессиональными достижениями. Это косвенно указывает на более высокую эффективность труда испытуемых, получивших профильное образование.

8. Испытуемые с высоким уровнем образования в меньшей степени способны абстрагироваться от профессиональных задач в свободное время. С одной стороны, данная тенденция отражает высокий уровень профессиональной заинтересованности

специалистов, с другой – способствует повышению риска возникновения профессиональных деформаций и деструкций. В связи с этим целесообразно своевременно проводить систематический мониторинг показателей, связанных с уровнем профессионального здоровья работников социальной сферы, а также профилактические и коррекционные мероприятия.

9. Специалистам по социальной работе с высшим образованием в большей степени присущи ощущения счастья и удовлетворенности, оптимистичные установки на будущее. Вероятно, это связано с тем, что освоение широкого спектра прикладных социальных технологий в процессе обучения позволило им более успешно решать собственные социальные проблемы и, соответственно, достичь более высокого уровня субъективного благополучия.

10. Испытуемые, получившие высшее образование, имеют более развитую систему тесных социальных связей, обеспечивающих им помощь и поддержку. Логично предположить, что формируемые в процессе обучения в УВО психологические знания и навыки позволяют специалистам по социальной работе более успешно устанавливать и поддерживать гармоничные, эмоционально насыщенные межличностные отношения.

Распределение типов поведения и переживания, связанного с работой, в группах специалистов с разным образовательным уровнем представлено в табл. 2.

Таблица 1

Различия поведения и переживания, связанного с работой, у специалистов с разным образовательным уровнем

Table 1

Differences in work-related behaviour and experience of specialists in social work with different educational levels

Шкала	Наличие профильного образования ($M \pm m$)	Отсутствие профильного образования ($M \pm m$)	Критерий Стьюдента (t)	Уровень значимости (p)
Субъективное значение деятельности	5,85 ± 0,15	5,27 ± 0,16	2,70	$p < 0,010$
Профессиональные притязания	5,61 ± 0,15	4,97 ± 0,16	2,96	$p < 0,010$
Готовность к энергетическим затратам	5,77 ± 0,15	4,99 ± 0,14	3,82	$p < 0,001$
Стремление к совершенству	5,58 ± 0,15	4,93 ± 0,15	3,00	$p < 0,010$
Способность сохранять дистанцию по отношению к работе	5,05 ± 0,15	5,52 ± 0,16	2,12	$p < 0,050$
Тенденция к отказу в ситуации неудачи	4,89 ± 0,16	5,49 ± 0,16	2,69	$p < 0,010$
Активная стратегия решения проблем	5,69 ± 0,15	5,09 ± 0,15	2,88	$p < 0,010$
Внутреннее спокойствие и равновесие	5,42 ± 0,16	5,21 ± 0,16	0,93	$p > 0,050$
Чувство успешности в профессиональной деятельности	5,56 ± 0,15	4,91 ± 0,15	3,06	$p < 0,010$
Удовлетворенность жизнью	5,57 ± 0,15	5,07 ± 0,16	2,29	$p < 0,050$
Чувство социальной поддержки	5,72 ± 0,15	5,19 ± 0,16	2,41	$p < 0,050$

Таблица 2

Распределение типов поведения и переживания, связанного с работой,
в группах специалистов с разным образовательным уровнем

Table 2

Distribution of types of behaviour and experiences associated with working
in groups of specialists with different educational levels

Тип профессионального поведения и переживания, связанного с работой	Наличие профильного образования		Отсутствие профильного образования		Критерий Пирсона (χ^2)	Уровень значимости (p)
	Количество, чел.	Доля, %	Количество, чел.	Доля, %		
Тип G	44	29,33	27	18,00	9,485	$p < 0,05$
Тип S	79	52,67	84	56,00		
Тип A	11	7,33	8	5,33		
Тип B	16	10,67	31	20,67		

Здоровый тип поведения и переживания, связанного с работой, наблюдается у 44 специалистов с высшим профильным образованием (29,33 %) и 27 социальных работников, не имеющих профильного образования (18 %). Испытуемые с данным типом поведения характеризуются достаточным уровнем активности и профессиональной мотивации, ценностным отношением к работе, рациональным подходом к энергетическим затратам, предпочтением конструктивных способов преодоления затруднительных ситуаций и неудач. Они отмечают наибольшую продуктивностью при минимальном риске эмоционального выгорания.

Экономный тип поведения наблюдается у 79 специалистов с высшим профильным образованием (52,67 %) и 84 социальных работников, не имеющих соответствующего образования (56 %). Испытуемым с данным типом поведения свойственны средний уровень профессиональной мотивации и карьерных притязаний, умеренные энергетические затраты, предрасположенность к сохранению дистанции по отношению к профессиональной деятельности при достаточной удовлетворенности результатами своего труда и жизнью. Необходимо отметить, что неоспоримым достоинством данного типа поведения и переживания, связанного с работой, является минимальный риск эмоционального выгорания, однако он сопряжен с низкой продуктивностью труда, отсутствием личностной и эмоциональной вовлеченности специалистов в трудовой процесс, что требует принятия мер, направленных на стимулирование мотивации.

Тип риска развития эмоционального выгорания продемонстрировали 11 специалистов по социальной работе с высшим профильным образованием (7,33 %), а также 8 их коллег без него (5,33 %). Основными признаками данного типа поведения являются наделение работы экстремально высо-

кой субъективной значимостью, готовность к чрезмерным энергетическим затратам, выраженный профессиональный перфекционизм, неблагоприятное психоэмоциональное состояние, неудовлетворенность результатами своей профессиональной деятельности. С испытуемыми необходимо проводить профилактическую работу по предупреждению развития эмоционального выгорания, которая должна включать гармонизацию иерархии ценностей и мотивов, содействие выработке индивидуального стиля деятельности, формирование рационального подхода к энергетическим затратам, развитие способности к адекватной оценке результатов своей профессиональной деятельности, коррекцию неблагоприятных психоэмоциональных состояний, обучение эффективным техникам минимизации стрессовых воздействий и проработки негативных аффективных переживаний.

Тип выгорания установлен у 16 специалистов с высшим профильным образованием (10,67 %) и 31 социального работника без него (20,67 %). Испытуемым с данным типом поведения присущи приращение работе низкого субъективного значения, неспособность к сохранению дистанции по отношению к профессиональной деятельности, неконструктивные стратегии решения проблем, предрасположенность к отказу от деятельности в ситуациях неудач и затруднений, а также психоэмоциональное неблагополучие. Для сохранения профессионального здоровья и предотвращения ухода из профессии целесообразно проведение комплексной коррекционной работы.

Статистический анализ качественных данных позволил доказать, что наличие профильного образования оказывает влияние на тип поведения и переживания, связанного с работой, формирующийся у специалистов социальной сферы (при $p < 0,05$). Специалистам с высшим образованием, в отличие

от работников без него, более свойственны здоровый тип поведения и переживания, связанного с работой (29,33 и 18 % соответственно), низкая распространенность выгорания (10,67 и 20,67 % соответственно).

Полученные результаты являются ожидаемыми, закономерными и могут объясняться следующими причинами.

1. В рамках обучения в УВО будущие специалисты по социальной работе получают комплексные представления о феномене эмоционального выгорания, наиболее действенных методах его профилактики и коррекции, а также учатся применять их на практике.

2. В процессе обучения формируется личность будущих специалистов, целенаправленно развиваются качества, непосредственно связанные с оптимальным профессиональным поведением. К числу

наиболее значимых качеств специалиста по социальной работе, на наш взгляд, относятся стрессоустойчивость, фрустрационная толерантность, целеустремленность, готовность к преодолению препятствий, конструктивный, творческий подход к профессиональным задачам и трудностям, рационализм, гуманистическая направленность, приверженность деонтологическим принципам, коммуникативная и конфликтологическая компетентность, интерес к содержанию профессиональной деятельности, а также чувство идентичности с профессией и профессиональным сообществом.

При изучении социальных норм просоциального поведения специалистов по социальной работе с разным образовательным уровнем были выявлены статистически достоверные различия, отраженные в табл. 3.

Таблица 3

Различия социальных норм просоциального поведения специалистов по социальной работе с разным образовательным уровнем

Table 3

Differences in social norms of prosocial behaviour of specialists in social work with different educational levels

Шкала	Наличие профильного образования ($M \pm m$)	Отсутствие профильного образования ($M \pm m$)	Критерий Стьюдента (t)	Уровень значимости (p)
Норма социальной ответственности	61,67 ± 1,43	56,87 ± 1,40	2,40	$p < 0,050$
Норма взаимности	37,75 ± 0,99	42,42 ± 0,99	3,35	$p < 0,001$
Норма справедливости	48,36 ± 1,07	49,93 ± 1,07	1,04	$p > 0,050$
Норма затраты – вознаграждения	32,11 ± 0,66	28,75 ± 0,77	3,31	$p < 0,010$

Установлены статистические различия высокого уровня значимости по шкалам «Норма взаимности» (при $p < 0,001$), «Норма затраты – вознаграждения» (при $p < 0,01$), а также статистические различия по шкале «Норма социальной ответственности» (при $p < 0,05$).

В результате выявлены особенности просоциального поведения специалистов по социальной работе в зависимости от уровня их образования.

1. Для специалистов по социальной работе, не имеющих профильного образования, в большей степени характерна установка на отношения социального обмена: они добровольно помогают либо в ответ на помощь, оказанную им ранее, либо с расчетом получить помощь в будущем. Учитывая данную тенденцию, наиболее вероятно, что специалисты без профильного образования, как правило, не проявляют инициативность при оказании помощи клиентам социальных учреждений, предоставляя им необходимый минимум услуг по запросу.

2. Специалисты по социальной работе с высоким уровнем образования более склонны оказывать помощь другим людям не только при отсутствии прямой выгоды, но и в чрезвычайных обстоятельствах,

а также в тех случаях, когда это доставляет неудобства им самим. Отсюда следует, что у них более развиты альтруистическая направленность, приверженность гуманистическим ценностям и бескорыстие, являющиеся важными профессиональными качествами для работников социальной сферы.

3. Специалистам по социальной работе с высшим образованием в большей степени свойственно чувство ответственности за благополучие других людей. Для них более характерна внутренняя потребность оказывать помощь и поддержку нуждающимся, проявлять заботу и чуткость по отношению к людям, оказавшимся в трудных обстоятельствах. Как следствие, они воплощают в профессиональной деятельности свои внутренние убеждения, ценности и идеалы.

Таким образом, результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что профессиональное поведение специалистов, не имеющих профильного образования, имеет ряд специфических особенностей, которые могут негативным образом повлиять на профессиональную эффективность и результативность решения трудовых задач.

Заключение

В настоящее время на рынке труда повышается востребованность специалистов социальной сферы, что обусловлено рядом объективных причин, к основным из которых можно отнести следующие:

- активное развитие и модернизацию социальной сферы, расширение перечня предоставляемых социальных услуг, внедрение соответствующих инновационных технологий, возникновение социальных организаций нового формата;
- повышение спроса на социальные услуги, обусловленное старением населения, высокой долей лиц с инвалидностью и иных социально уязвимых категорий в структуре белорусского общества.

В связи со спецификой профессиональной деятельности специалистов по социальной работе, предполагающей несение ими ответственности за разрешение социальных проблем и восстановление благополучия клиентов, к их профессиональным компетенциям выдвигаются особые требования. Важное значение имеет не только теоретическая подготовка специалистов социальной сферы, но и сформированность ответственного профессионального поведения, предопределяющего эффективность профессиональной деятельности, качество оказания социальных услуг. Оптимальной средой для формирования профессионального поведения является обучение в УВО, стимулирующее развитие профессионального мышления, альтруистической направленности, гуманизма, социальной ответственности и иных профессионально важных качеств.

Эмпирическое исследование позволило установить ряд особенностей профессионального поведения социальных работников в зависимости от уровня их образования.

1. У специалистов с разным образовательным уровнем в поведении и переживании, связанном

с работой, выявлены статистически значимые различия: специалистам с высшим образованием более свойственны наделение профессиональной деятельности высокой субъективной значимостью, наличие карьерных амбиций, готовность к затратам сил и энергии для выполнения трудовых задач, активная стратегия решения проблем. Они обладают повышенной склонностью к перфекционизму, сниженной способностью абстрагироваться от профессиональных проблем в свободное время. Для них более характерны чувство успешности в профессиональной деятельности, жизненная удовлетворенность, развитая сеть социальной поддержки. Специалисты по социальной работе, не имеющие профильного образования, в большей степени предрасположены к отказу от деятельности в ситуации неудачи.

2. Доказано влияние уровня образования на тип поведения и переживания, связанного с работой.

3. Отмечается наличие достоверных различий в просоциальном поведении работников социальной сферы с разным образовательным уровнем.

Таким образом, в профессиональном поведении специалистов по социальной работе с разным уровнем образования установлены существенные различия. Это обуславливает необходимость принятия комплексных мер, направленных на профилактику кризисов профессионализации, стимулирование развития профессиональной идентичности специалистов социальной сферы, не имеющих профильного образования. Необходимо отметить, что целесообразным является не только стимулирование работников социальной сферы к получению высшего образования, но и организация социально-психологического сопровождения специалистов, направленная на профилактику профессиональных деформаций и деструкций.

Библиографические ссылки

1. Ткачев АБ. Социальная сфера Республики Беларусь в контексте экономических показателей. В: Манкевич ВВ, редактор. *Бизнес. Образование. Экономика. Материалы Международной научно-практической конференции; 2 апреля 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Институт бизнеса БГУ; 2020. с. 480–485.
2. Порошина ОО. Развитие сферы социального обслуживания в Республике Беларусь: тенденции, проблемы, перспективы. *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020;3(1):75–80.
3. Вакушенко ТД, Астапенко ВН. Высококвалифицированные специалисты по социальной работе – ключевой фактор в обеспечении качества социальных услуг и развития системы социального обслуживания Витебской области. *Современное образование Витебщины*. 2020;2(28):7–12.
4. Чапаева ЛГ. Формирование профессионального поведения будущих специалистов. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2014;9:38–44.
5. Корниенко ЕВ, Бюндюгова ТВ. Профессиональная мечта как инструмент развития компонентов профессионального поведения сотрудников организации. *Современные проблемы науки и образования*. 2015;2:528–533.
6. Заславская ОВ. Концептуальные основы формирования профессиональной личности современного педагога. *Известия Тульского государственного университета*. 2018;4:44–49.
7. MacKenzie DE. Professional practice behaviour: identification and validation of key indicators. *British Journal of Occupational Therapy*. 2020;7:432–446.
8. Веселова ЕК, Дворецкая МЯ. Социокультурные и мировоззренческие аспекты подготовки специалистов помогающих профессий. *Вестник Костромского государственного университета*. 2019;3:129–135.

9. Топчий ЛВ. Методологические проблемы воспитания будущих социальных работников в системе социального образования. *Отечественный журнал социальной работы*. 2013;4:233–243.
10. Уразбаева ГТ. Этический аспект профессиональной подготовки студентов к деятельности социального работника. *Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Серия «Педагогические науки»*. 2018;1:90–94.
11. Киенко ТС. Профессиональная культура и профессиональная субкультура в социальной работе: проблема интеграции. В: Арпентьева МР, редактор. *Помогающее и экспертное поведение: субъекты, объекты и ситуации помощи и экспертизы*. Уфа: Аэтерна; 2019. с. 52–73.
12. Фирсов МВ. Стандартизация профессиональной деятельности специалистов по работе с семьей: зарубежный опыт. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*. 2014;1:93–106.
13. Кухтова НВ, Доморацкая НВ, составители. *Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения*. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова; 2011. 49 с.
14. Schaarschmidt U, Fischer AW. AVEM – ein diagnostisches Instrument zur Differenzierung von Typen gesundheitsrelevanten Verhaltens und Erlebens gegenüber der Arbeit. *Zeitschrift für Differentielle und Diagnostische Psychologie*. 1997; 18:151–163.

References

1. Tkachev AB. [Social sphere of the Republic of Belarus in the context of economic indicators]. In: Mankevich VV, editor. *Biznes. Obrazovanie. Ekonomika. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 2 aprelya 2020 g.; Minsk, Belarus* [Business. Education. Economy. Materials of the International scientific and practical conference; 2020 April 2; Minsk, Belarus]. Minsk: School of Business of the Belarusian State University; 2020. p. 480–485. Russian.
2. Poroshina OO. [Development of the sphere of social services in the Republic of Belarus: trends, problems, prospects]. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2020;3(1):75–80. Russian.
3. Vakushenko TD, Astapenko VN. [Highly qualified specialists in social work are a key factor in ensuring the quality of social services and the development of the social service system in the Vitebsk region]. *Sovremennoe obrazovanie Vitebshchiny*. 2020;2(28):7–12. Russian.
4. Chapaeva LG. [Forming a professional presentation of future specialists]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;9:38–44. Russian.
5. Kornienko EV, Byundyugova TV. [Professional place as a tool to develop the components of the professional behaviour of employee in the organisation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015;2:528–533. Russian.
6. Zaslavskaya OV. [Conceptual principles of professional profiling in the form of professional teaching]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;4:44–49. Russian.
7. MacKenzie DE. Professional practice behaviour: identification and validation of key indicators. *British Journal of Occupational Therapy*. 2020;7:432–446.
8. Veselova EK, Dvoretzkaya MJ. Socio-cultural and worldview aspects of training specialists in helping professions. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2019;3:129–135. Russian.
9. Topchii LV. [Methodological problems of the upbringing of future social workers in the system of social education]. *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty*. 2013;4:233–243. Russian.
10. Urazbayeva GT. Ethical aspect of professional training of students for the activities of a social worker. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaya. Seriya «Pedagogicheskie nauki»*. 2018;1:90–94.
11. Kienko TS. [Professional culture and professional subculture in social work: the problem of integration]. In: Arpent'eva MR, editor. *Pomogayushchee i ekspertnoe povedenie: sub'ekty, ob'ekty i situatsii pomoshchi i ekspertizy* [Helping and expert behaviour: subjects, objects and situations of help and expertise]. Ufa: Aeterna; 2019. p. 52–73. Russian.
12. Firsov MV. Standardisation of professional activity of specialists in working with the family: foreign experience. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psikhologicheskie nauki»*. 2014;1:93–106. Russian.
13. Kukhtova NV, Domoratskaya NV, compilers. *Prosotsial'noe povedenie spetsialistov, orientirovannykh na okazanie pomoshchi: teoreticheskie osnovy i metodiki izucheniya* [Prosocial behaviour of aid-oriented professionals: theoretical foundations and research techniques]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2011. 49 p. Russian.
14. Schaarschmidt U, Fischer AW. AVEM – ein diagnostisches Instrument zur Differenzierung von Typen gesundheitsrelevanten Verhaltens und Erlebens gegenüber der Arbeit. *Zeitschrift für Differentielle und Diagnostische Psychologie*. 1997; 18:151–163.

Статья поступила в редакцию 30.03.2021.
Received by editorial board 30.03.2021.

ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

Д. В. РУДЕНКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный медицинский университет, пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены вопросы профессиональной самоидентификации курсантов военного вуза. За теоретическую основу данной работы взята нормативная модель самоидентификации, выстроенная в концептуальной традиции культурно-исторического подхода в психологии. Представлены результаты исследования, проведенного на базе учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь». Выявлены и проанализированы особенности динамики профессиональной самоидентификации курсантов военного вуза. Показано, что процесс профессиональной самоидентификации протекает неравномерно. Обнаружено, что динамика развития каждого из структурных компонентов профессиональной самоидентификации также имеет свои особенности. Сделан вывод о том, что динамика профессиональной самоидентификации неразрывно связана с образовательным процессом и носит индивидуальный характер, обусловленный личностными особенностями курсанта.

Ключевые слова: идентификационный конструкт; функциональная структура самоидентификации; профессиональная самоидентификация; идентичность; военнослужащие.

THE DYNAMICS OF MILITARY STUDENTS' PROFESSIONAL SELF-IDENTIFICATION

D. U. RUDZENKOU^a

^aBelarusian State Medical University, 83 Dzierżyńska Avenue, Minsk 220116, Belarus

The article deals with the issues of cadets' professional self-identification in a military educational establishment. The theoretical basis of the study is the normative model of self-identification built according to the conceptual tradition of cultural-historical approach in psychology. The results of the research carried out in the educational establishment «Military Academy of the Republic of Belarus» are presented. The peculiarities of dynamics of military students' professional self-identification are revealed and analysed. The process of professional self-identification is characterised by uneven development. The development dynamics of the professional self-identification structural components also has specific features. The dynamics of professional self-identification is strongly connected with the educational process and is individual due to the personal characteristics of the cadet.

Keywords: identification construct; functional structure of self-identification; professional self-identification; identity; military personnel.

Образец цитирования:

Руденков ДВ. Динамика профессиональной самоидентификации курсантов военного вуза. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:109–123.

For citation:

Rudzenkou DU. The dynamics of military students' professional self-identification. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:109–123. Russian.

Автор:

Дмитрий Владимирович Руденков – заместитель начальника Военно-медицинского института.

Author:

Dzmitry U. Rudzenkou, deputy chief of the Institute of Military Medicine.
resident_21@tut.by

Введение

Сохранение и укрепление кадрового потенциала является одной из важнейших задач Вооруженных сил Республики Беларусь и других воинских формирований. Отток квалифицированных военных кадров влечет за собой снижение уровня обеспечения военной безопасности страны и определенные финансовые потери, так как обучение офицерских кадров осуществляется целиком за счет государственного бюджета. Одними из основных причин досрочного увольнения офицеров из воинских формирований являются разочарование в своей профессии, разногласие между профессиональными и личными ценностями, непринятие профессиональных норм.

Сформированная профессиональная идентичность военнослужащих во многом содействует решению данной проблемы. Базовым этапом профессиональной идентификации будущих военных специалистов является обучение в военном учреждении высшего образования, в ходе которого происходят качественные изменения в квалификационном развитии будущих офицеров. Интерес к военному делу, проявленный в школьные годы, профессиональное самоопределение в пользу военной службы, несомненно, имеют большое значение в становлении профессиональной самоидентификации, но лишь в условиях обучения в военном учреждении высшего образования происходит действительное формирование самоидентификационного конструкта, определяющего дальнейшую принадлежность человека к офицерскому корпусу.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса динамики профессиональной самоидентификации будущих офицеров, необходимо уточнить значения понятий «идентификация», «самоидентификация», «идентичность». В социальной психологии под термином «идентификация», как правило, понимается устойчивое отождествление индивидом себя с какой-либо социальной группой [1]. Идентичность рассматривается как конечный результат самоотождествления с определенной социальной группой, ее нормами и ценностями. Таким образом, идентификация и идентичность связаны между собой и обосновываются как процесс и его результат соответственно [2; 3]. В свою очередь, самоидентификация, объясняющая способность субъекта к рефлексии, осуществляемой по отношению к объективным общественным процессам, является основой идентификации. Самоидентификация – процесс соотнесения себя с собой, в результате которого формируются представления о самоотождествленной, цельной и уникальной личности [4]. «Термин “самоидентификация” – предельно личностный, так как по определению предполагает индивидуальный процесс, основанный на самопознании» [5, с. 15].

Традиционно автором первой целостной теории идентичности, описывающей ее сущность, значе-

ние и процесс формирования, считается Э. Эриксон. В своей теории он употребляет несколько понятий идентичности:

- эго-идентичность, определяющую чувство тождественности самому себе, целостности и непрерывности в пространстве и времени, а также признание тождества и непрерывности значимыми другими;
- личностную (индивидуальную) идентичность, характеризующую способности, потребности, цели, ценности, предпочтения человека;
- групповую (социальную) идентичность, выражающую отождествление человека с другими членами группы [6].

Подобное разделение обусловило дуалистический подход в рассмотрении идентичности (индивидуальная (личностная), групповая (социальная)), что сказалось на тенденциях исследования данного феномена в последующем, и в настоящее время оно является предметом споров между исследователями.

Важно отметить, что в своей концепции наиболее значимыми для формирования идентичности сферами жизни Э. Эриксон назвал профессию и идеологию (под последней он понимал систему идей, дающих убедительную картину мира) [6].

Дж. Марсиа, опираясь на теорию Э. Эриксона, сформулировал и апробировал концепцию статусов идентичности, а также предложил два критерия для выделения индикаторов, дифференцирующих наличие или отсутствие идентичности: 1) прохождение или непрохождение кризиса, исследование альтернатив; 2) осуществление выбора с последующим принятием или непринятием обязательств, т. е. наличие или отсутствие приверженности личностно значимым целям, ценностям и убеждениям. Опираясь на сочетание вариаций данных критериев, исследователь определяет следующие статусы идентичности:

- диффузную идентичность (*identity diffusion*), характеризующуюся отсутствием определенной идентичности (ни поиск альтернатив, ни выбор не были осуществлены);
- предрешенную (предопределенную) идентичность (*foreclosure identity*), проявляющуюся в том, что самостоятельный поиск альтернатив не осуществлялся, а выбор был сделан под воздействием внешних обстоятельств;
- мораторий идентичности (*moratorium identity*), характеризующийся тем, что поиск альтернатив осуществляется в данный момент, но выбор еще не сделан;
- достигнутую идентичность (*identity achievement*) как самостоятельно заверченный поиск возможных альтернатив и принятое решение в отношении одной из них [7].

Следует отметить, что концепция измерения уровня идентичности Дж. Марсиа стала одной из наиболее популярных среди исследователей про-

фессиональной идентичности. Его теория положена в основу создания авторских психодиагностических методик (Л. Б. Шнейдер, А. А. Азбель, А. А. Озерина и др.). В то же время критики статусного подхода (С. Шварц [8] и Дж. Котэ [9]) одним из значимых недостатков данной модели считают отсутствие в статусах отражения важного разделения идентичности на позитивную и негативную.

Значимый вклад в теорию идентичности, понимание механизмов ее становления и развития внесли сторонники когнитивно ориентированной психологии. Г. Теджфел, применяя дуалистический подход в исследовании идентичности, разработал теорию социальной идентичности. В рамках данной концепции он определял социальную идентичность как знание индивида о том, что он принадлежит к определенной группе [10]. В качестве одной из таких групп рассматривалось профессиональное общество, к которому относился человек.

Для формирования социальной идентичности необходимо прохождение трех последовательных шагов.

Шаг 1: Социальная категоризация. Упорядочивание социального окружения и отнесение себя к определенной социальной общности (в том числе и к профессиональной).

Шаг 2: Социальная идентификация. Усвоение норм, ценностей и стереотипов поведения избранной группы.

Шаг 3: Социальная идентичность. Социальное отождествление индивида, перевод усвоенных норм и стереотипов до уровня внутренних регуляторов социального поведения индивида.

Исследователи постсоветского пространства уделяют много внимания проблеме профессиональной самоидентификации личности [6–9]. В своих работах они рассматривают профессиональную самоидентификацию личности как значимый, сложный и многоплановый процесс.

Л. Б. Шнейдер утверждает, что профессиональная идентичность, проявляемая в осознании себя представителем определенного профессионального сообщества и отождествлении себя с *Делом и Другими*, является результатом профессиональной идентификации, самоопределения, персонализации и самоорганизации [11, с. 105]. Процесс формирования профессиональной идентичности выступает как предпосылка и показатель профессионального развития личности и проявляется в становлении профессиональной я-концепции, развитии профессионально значимых качеств и осуществлении профессионального самоопределения личности как субъекта профессиональной деятельности.

Данный подход разделяет Н. В. Антонова. Опираясь на статусную модель Дж. Марсиа, Н. В. Антонова ключевую роль отдает процессу самоопределения

личности, который запускается в момент кризиса идентичности и приводит к формированию достигнутой идентичности. Механизмы идентификации со значимыми другими и интериоризации мнений, высказываний других людей о себе играют предварительную роль, формируя преждевременную идентичность.

Содержательное измерение идентичности и ее структурная организация не носят статичный характер. Люди различаются по степени связанности элементов идентичности. Для одних характерна строгая иерархическая структура идентичности, для других присущ хаотичный набор отдельных элементов [12].

С. П. Миронова рассматривает профессиональную идентификацию как процесс установления полной тождественности чего-либо чему-либо (установление идентичности) или сходства чего-либо с чем-либо (идентифицирование). Итог такого ментального действия – профессиональная самоидентификация (профессиональная идентичность) как результат процесса формирования в сознании обучающегося концептосферы (определенной профессиональной роли), объединяющей отдельные микроситуации (связанные с образами профессионалов, выполняющих определенный вид своей деятельности), а также образа собственного профессионального Я, сценариев профессиональной деятельности [13].

Ю. П. Поваренков определяет профессиональную идентификацию в рамках концепции профессионального становления личности. Профессиональная идентичность понимается как субъективный критерий профессионального развития, свидетельствующий о степени и способе принятия человеком конкретной профессиональной деятельности, профессии, и как форма самореализации и самоутверждения [14].

Ю. П. Поваренков выделяет три основные линии развития профессиональной идентичности, а соответственно, и три группы показателей уровня ее сформированности:

- показатели, характеризующие отношение человека к себе как будущему и действующему профессионалу (профессиональная самооценка);
- показатели, определяющие отношение человека к содержанию, условиям профессиональной деятельности (удовлетворенность профессиональным трудом);
- показатели, связанные с отношением человека к системе ценностей и норм, традициям и ритуалам, характерным для его профессиональной общности [14].

Особенности профессиональной идентификации военнослужащих воинских формирований (сотрудников правоохранительных органов и специальных служб) рассматривали А. С. Некрасов, И. Б. Субботин,

А. В. Созонник, М. В. Сысолятин, Л. В. Клименко, Д. Р. Худайназарова.

А. С. Некрасов, анализируя развитие профессиональной идентичности курсантов летного военного училища, приходит к выводу о том, что к ведущим составляющим профессиональной идентичности можно отнести систему профессиональных ценностей и обретенную субъектом компетентность в профессиональной деятельности, которые развиваются в ходе обучения независимо и неравномерно [15].

И. Б. Субботин рассматривает профессиональную идентичность офицеров через систему установочных компонентов самосознания личности как результата когнитивного, эмоционального, поведенческого процесса отождествления себя с определенной профессией и профессиональным сообществом, ведущего к самостоятельному построению своего военно-профессионального будущего. В основе профессиональной идентификации офицеров, по мнению И. Б. Субботина, заложены механизмы, направленные на достижение выраженного активного уровня профессиональной идентичности, функционирование которых основано на определяющем влиянии самосознания и его когнитивной системы (я-концепции) и связано с воздействием внешних (средовых) и внутренних (личностных) факторов, запускаемых базовыми потребностями офицера [16].

А. В. Созонник, изучая идентификационные процессы в ходе профессионального обучения курсантов военного учреждения высшего образования, приходит к выводу о том, что в процессе военно-профессиональной социализации у курсантов возникает новая система представлений о себе, которая влияет на общение, поведение и деятельность, а в процессе трансформации предшествующих самоидентификаций происходит постепенное осознание своей социальной идентичности, заключающейся в принадлежности к военно-профессиональной общности. В связи с этим формируется система социальных черт (связанных с индивидуальными), имеющих специфичность, которая определяет позицию военнослужащего в обществе, отношение к ценностям, нормам, правилам офицерского сообщества, его социальную перспективу и деятельность, формируемую под влиянием института социализации. Особенности структуры социальной идентичности личности на разных этапах военно-профессиональной социализации курсантов выражаются в содержательных изменениях и динамике отдельных идентификационных категорий [17].

Определяя сущность понятия профессиональной идентичности женщин-военнослужащих, Д. Р. Худайназарова подчеркивает, что другие виды идентичности не предусматривают соответствие категориям пригодности и готовности. Профессиональная пригодность и профессиональная готовность объединены актуальной зависимостью с профессио-

нальной идентичностью как производные той части профессиональной реальности, которая в процессе обучения женщин-военнослужащих в учреждении высшего образования связана с эффективностью специальной подготовки, с определенным поощрением за усвоение профессиональных знаний, со стремлением обучающихся к достижению определенного профессионального статуса [18].

Таким образом, под профессиональной самоидентификацией военнослужащих исследователи чаще всего подразумевают сложный многоплановый процесс самоотождествления с другими представителями профессиональной среды в рамках профессионального становления личности, неотъемлемой частью которого является профессиональное военное обучение. Однако, по мнению автора настоящей статьи, большинство исследователей при изучении феномена самоидентификации человека фокусируют свое внимание на количестве или характере идентификационных категорий, их типической принадлежности, что задает элементаристскую направленность анализа идентичности.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что профессиональная самоидентификация рассматривается через оптику культурно-исторического подхода как высшая психическая функция. Такой подход позволяет решить ряд методологических проблем исследования идентичности: зафиксировать ее процессуальные характеристики и доступные для экспериментальной фиксации эмпирические корреляты; обеспечить определение критериев сформированности процесса самоидентификации, что является особенно важным при изучении динамики самоидентификации в онтогенезе.

В рамках данного подхода Д. Г. Дьяковым была разработана авторская модель самоидентификации, согласно которой самоидентификация является высшей психической функцией внутреннего личностного знаково и символически опосредованного отношения человека к событиям индивидуальной истории как к явлениям, конституированным единой субъектностью и составляющим единое индивидуально-историческое целое. Самоидентификация, рассматриваемая в контексте переживания субъектом себя в социокультурном *Другом*, определяется как осуществляемая в единстве интеллектуального и аффективного, личностного и средового процессов, характеризующем, согласно Л. С. Выготскому, переживание [19].

Реализация самоидентификации осуществляется в трех основных функциях: 1) функции становления знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта определенной (реальной или довоображенной) социальной практики; 2) функции аксиоматизационно-детерминированного отбора и интегри-

рования разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также представлений о событиях, которые субъект планирует в будущем, при помощи знака (формирование идентификационных конструктов); 3) функции обеспечения символически опосредованного единства идентификационных конструктов, а вместе с ними и социокультурных контекстов, реализующих каждый из таких конструктов в сознании субъекта, и, как следствие, эмпирического применения личностных ценностей, предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с внешним миром (формирование метаидентификационных конструктов) [20].

В свою очередь, под профессиональной самоидентификацией автором данной статьи понима-

ется процесс формирования идентификационного конструкта, в котором в качестве знака рассматриваются категории, отражающие профессиональную активность личности (физик, врач, психолог и т. д.), тогда как чувственной тканью здесь будут выступать те события индивидуальной истории, в которых человек является действующим в социальной роли, зафиксированной в соответствующей категории [20].

Формулируя гипотезу исследования, автор настоящей статьи предполагает, что процесс профессиональной самоидентификации курсантов военного учреждения высшего образования носит гетерохромный характер и связан с организацией образовательного процесса и личностными особенностями обучающегося.

Материалы и методы исследования

С целью выявить психологические особенности профессиональной самоидентификации курсантов на базе учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» было проведено эмпирическое исследование. Выборку составили 281 человек (1–4-й курсы четырех факультетов). Исследование осуществлялось методом поперечных срезов на разных выборках. Требования к абитуриентам, порядок проведения и содержание вступительных испытаний на момент поступления в учреждение высшего образования были одинаковы. Изменений в учебные планы, дающих основание предполагать о наличии существенных различий в условиях подготовки специалистов в разные годы обучения, не вносилось. Данные факты свидетельствуют об относительной однородности исследуемой выборки.

Для изучения особенностей профессиональной самоидентификации курсантов была использована авторская методика исследования профессиональной самоидентификации [20]. Опросник диагностики профессиональной самоидентификации курсантов военных вузов предназначен для измерения степени сформированности трех функций идентификации себя с обобщенным деконтекстуализированным субъектом профессиональной деятельности. Методика содержит 28 пунктов, включенных в три основные шкалы (по количеству функций) и шкалу лжи.

Шкала «использование знака как средства самоидентификации» состоит из двух субшкал («когнитивная оценка знака» и «эмоциональное отношение к знаку») и предназначена для измерения сформированности функции становления знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как субъекта профессиональной деятельности. В рамках данной шкалы исследуются характеристики самоидентифицирующей функционализации знака, опосредствующего принятие на себя определенной профессиональной роли. В этих целях изме-

ряются эмоциональное отношение субъекта к знаку (и зафиксированной в нем роли), используемому для создания идентификационного конструкта, и когнитивная оценка данного знака (и соответствующей роли).

Шкала «построение идентификационного нарратива» также включает в себя две субшкалы («организация прошлого опыта» и «организация мотивационно-целевой сферы») и предназначена для оценки способности человека выделить из своего чувственного опыта события, в которых он действовал или планирует действовать в качестве субъекта профессиональной деятельности (или иной социальной практики, связанной с профессиональной деятельностью: увлечение в детстве военной тематикой, членство в юношеских военизированных организациях и т. п.), и интегрировать эти события в единый автобиографический нарратив.

Шкала «интегрирование» предназначена для измерения интегрированности профессионального идентификационного конструкта в метаидентификационный конструкт через изучение его связи с другими идентификационными конструктами субъекта.

Полученные данные были проверены на нормальность распределения с применением показателей асимметрии и эксцесса и на однородность дисперсии с применением критерия Ливена. Показатели асимметрии и эксцесса расположились в пределах от -2 до 2 , что является допустимым значением нормального распределения [21]. Статистически достоверных различий между дисперсиями не обнаружено, за исключением результатов по шкале «интегрирование».

Сравнение полученных результатов (кроме шкалы «интегрирование») осуществлялось методом дисперсионного анализа (ANOVA), а сравнение данных по шкале «интегрирование» – с применением H -критерия Краскела – Уоллиса.

В целях определения значимости отличий уровней показателей профессиональной самоидентификации между студентами разных курсов обучения был использован *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок. Для данных, не удовлетворяющих требованиям по однородности дисперсии по критерию Ливена, был использован *U*-критерий Манна – Уитни.

Выявление наличия связи между уровнем профессиональной самоидентификации и личностными особенностями обучающихся осуществлялось посредством применения корреляции Пирсона (*r*-критерий Пирсона).

Обработка результатов проводилась с помощью программ *SPSS* (программа статистической обработки данных, версия 23) и *Microsoft Excel*.

Результаты и их обсуждение

1. Процесс профессиональной самоидентификации протекает неравномерно. Об этом свидетельствуют значимые различия между показателями суммарных баллов по всем шкалам у обучающихся разных курсов (табл. 1).

На протяжении обучения отмечаются фазы возрастания и упадка уровня профессиональной само-

идентификации (табл. 2). Изначально у первокурсников средний показатель уровня профессиональной самоидентификации является довольно высоким (93,61). Уже на 2-м курсе обучения наблюдается его резкое падение (77,67). У обучающихся 3-го и 4-го курсов уровень профессиональной самоидентификации стабилизируется (91,08 и 91,68 соответственно).

Таблица 1

Результаты сравнения значений показателя профессиональной самоидентификации по шкалам (субшкалам) на основе дисперсионного анализа (ANOVA)

Table 1

The comparative results of the indicators of professional self-identification on scales (subscales) obtained by analysis of variance method (ANOVA)

Шкалы (субшкалы)	Оценка дисперсий между группами и внутри групп	Сумма квадратов	Средний квадрат	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)
Шкала «использование знака»	Между группами	1286,162	428,721	21,345	0,000
	Внутри групп	5563,618	20,085		
	Всего	6849,779	–		
Субшкала «когнитивная оценка знака»	Между группами	417,643	139,214	15,205	0,000
	Внутри групп	2536,229	9,156		
	Всего	2953,872	–		
Субшкала «эмоциональное отношение к знаку»	Между группами	282,378	94,126	11,472	0,000
	Внутри групп	2272,782	8,205		
	Всего	2555,160	–		
Шкала «организация идентификационного нарратива»	Между группами	1207,479	402,493	3,281	0,021
	Внутри групп	33976,450	122,659		
	Всего	35183,929	–		
Субшкала «организация прошлого опыта»	Между группами	423,200	141,067	7,128	0,000
	Внутри групп	5481,740	19,790		
	Всего	5904,940	–		
Субшкала «организация мотивационно-целевой сферы»	Между группами	540,885	180,295	2,771	0,042
	Внутри групп	18025,421	65,074		
	Всего	18566,306	–		
Суммарный балл по всем шкалам	Между группами	3922,981	1307,660	6,029	0,001
	Внутри групп	60076,770	216,884		
	Всего	63999,751	–		

Таблица 2

Описательные статистики значений показателя
профессиональной самоидентификации по шкалам (субшкалам)

Table 2

The descriptive statistics of the indicators
of professional self-identification on scales (subscales)

Шкалы (субшкалы)	Курс обучения	Среднее значение	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка	Минимальное значение	Максимальное значение	
Шкала «использование знака»	1-й	29,98	4,467	0,563	17	38	
	2-й	27,81	4,546	0,992	20	39	
	3-й	33,36	4,481	0,355	18	40	
	4-й	35,34	4,474	0,726	22	40	
	Субшкала «когнитивная оценка знака»	1-й	14,75	3,208	0,404	6	20
		2-й	12,90	3,208	0,700	7	20
		3-й	16,70	2,881	0,228	8	20
		4-й	17,03	3,209	0,521	9	20
	Субшкала «эмоциональное отношение к знаку»	1-й	15,24	2,692	0,339	10	20
		2-й	14,90	2,773	0,605	9	19
		3-й	16,67	3,093	0,245	5	20
		4-й	18,32	2,068	0,335	12	20
Шкала «организация идентификационного нарратива»	1-й	45,44	10,384	1,308	24	60	
	2-й	37,19	10,806	2,358	16	55	
	3-й	42,42	11,708	0,928	12	60	
	4-й	41,16	9,443	1,532	16	60	
	Субшкала «организация прошлого опыта»	1-й	14,40	4,226	0,532	6	20
		2-й	11,24	4,265	0,931	5	19
		3-й	13,86	4,604	0,365	4	20
		4-й	10,95	4,230	0,686	4	20
	Субшкала «организация мотивационно- целевой сферы»	1-й	31,05	6,716	0,846	17	40
		2-й	25,95	7,755	1,692	11	37
		3-й	28,55	8,703	0,690	8	40
		4-й	30,21	7,459	1,210	12	40
Суммарный балл по всем шкалам	1-й	92,49	14,315	1,804	59	114	
	2-й	77,67	15,740	3,435	54	108	
	3-й	91,08	15,178	1,204	40	118	
	4-й	92,58	12,755	2,069	62	116	

Неравномерность протекания процесса профессионального развития в ходе обучения исследователи объясняют переживанием обучающимися профессиональных кризисов [22].

В данном случае речь идет о кризисе ревизии и коррекции профессионального выбора, когда в ходе профессионального обучения молодые люди разочаровываются в выборе профессии [23]. При-

чиной возникновения данного кризиса является в первую очередь расхождение между представлениями обучающегося о содержании будущей профессиональной деятельности и подготовке к ней и реальной действительностью. Основные признаки кризиса – проявление недовольства условиями обучения (в анализируемом случае это строгая регламентированность повседневной жизнедеятельности

обучающихся, необходимость проживания в казармах, несение службы в суточных нарядах и т. п.), сомнения в необходимости изучения ряда учебных дисциплин, упадок интереса к обучению в целом.

Как показывает анализ научных исследований, посвященных данной проблеме, наличие кризиса профессиональной идентичности в период обучения в учреждении высшего образования свойственно всем категориям обучающихся [24–27]. Характеристики протекания данного кризиса у разных категорий различны, но механизм, как правило, един [28]. Довольно высокие показатели уровня профессиональной самоидентификации на 1-м курсе достаточно поверхностны и отражают в большей степени ожидания молодых людей от избранной профессии, чем серьезную оценку ее содержания, действительное и полное соотнесение себя с данной профессиональной группой. Затем, после более тесного ознакомления с содержанием профессиональной деятельности в ходе обучения, наступает переоценка своих взглядов, отношения к ней, а также возникают сомнения в правильности выбора. Выражение данных переживаний и сомнений проявляется в снижении показателей уровня профессиональной самоидентификации. В проведенном исследовании пик кризиса приходится на 1-й курс.

Впоследствии завершается процесс перехода внешней идентичности во внутренне принятую и на основе осмысления требований новой социально-профессиональной роли и собственного потенциала происходит осознание достижений, которые сделаны благодаря собственным усилиям [28]. На этом фоне наблюдается тенденция значительного роста показателей, характеризующих профессиональную самоидентификацию.

Окончание 3-го курса и переход на 4-й курс знаменуются проведением войсковых стажировок, когда на основе глубокого включения в профессиональную деятельность происходит более осмысленное осознание ее сущности и своей будущей роли. Впечатления и первичный опыт, полученный курсантами в ходе пробного исполнения своих будущих профессиональных обязанностей, являются преддверием возникновения очередного кризиса профессионального становления – кризиса профессиональных ожиданий (несовпадение реальной профессиональной жизни со сформировавшимися представлениями и ожиданиями) [23]. На данном этапе происходит корректировка своих профессиональных целей как в плане дальнейшего профессионального развития, так и в плане построения служебной карьеры.

2. Развитие различных компонентов профессиональной самоидентификации также осуществляется неравномерно. При рассмотрении профессиональной самоидентификации как процесса формирования идентификационного конструкта в качестве его компонентов выделяют функции идентификации. Результаты исследования показали, что развитие каждой из функций носит свой специфический характер (табл. 2).

Процесс развития функции использования знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как субъекта профессиональной деятельности, во многом схож с генеральной линией развития профессиональной самоидентификации: наблюдается снижение уровня развития функции при переходе на 2-й курс обучения (с 29,98 до 27,81) с дальнейшим повышением и стабилизацией на 3-м и 4-м курсах (33,36 и 35,34 соответственно). Динамики развития эмоционального отношения субъекта к знаку, используемому для создания идентификационного конструкта, и когнитивной оценки данного знака также достаточно схожи.

Следует отметить, что значения показателя уровня развития когнитивной оценки знака ко 2-му курсу обучения снижаются (с 14,75 до 12,90), но отмечается их рост на 3-м и 4-м курсах (16,70 и 17,03 соответственно).

Схожие тенденции имеют показатели, отражающие эмоциональное отношение к знаку. Отмечается небольшое снижение значений на младших курсах (1-й курс – 15,24; 2-й курс – 14,90), однако в дальнейшем тенденция усиливается (3-й курс – 16,67, 4-й курс – 18,32). Относительно невысокие показатели данного параметра на младших курсах, по мнению автора настоящей работы, обусловлены прохождением обучающимися этапа адаптации к условиям военной службы (как неотъемлемой части образовательного процесса в военных учреждениях высшего образования) с дальнейшим переходом в кризис профессиональной идентичности [29–31].

Свои особенности имеет динамика развития функции интегрирования в автобиографический нарратив событий прошлого и представлений о будущем, связанных единым идентификационным знаком. Здесь также наблюдаются общие тенденции: завышенные показатели у первокурсников (45,44), резкое их снижение ко 2-му курсу (37,19) и более умеренный рост с относительным снижением на старших курсах (3-й курс – 42,42; 4-й курс – 41,66). Более полное представление о развитии функции формирования нарратива дает сравнение изменений показателей ее компонентов.

Показатели, характеризующие аксиоматизационно-детерминированный отбор и интегрирование субъектом разрозненной феноменологии индивидуальной истории, следуя в целом общей тенденции, на 4-м курсе резко снижаются. В то же время показатели, фиксирующие представления обучающихся в роли актора рассматриваемой социальной практики в планируемом будущем на старших курсах, имеют тенденцию к росту. Такое расхождение, по мнению автора настоящей работы, обусловлено тем, что курсанты в преддверии окончания университета все чаще думают о своем профессиональном росте. На 4-м курсе выпускники в меньшей степени (или более критично) анализируют события прошлого.

Согласованность с общей тенденцией характерна и для динамики развития функции интегрирования идентификационного конструкта, символизирующего роль субъекта в пространстве профессиональной практики, в метаядентификационный конструкт (табл. 3).

Высокие показатели интегрированности идентификационных конструктов у обучающихся 1-го курса отражают, по мнению автора настоящей статьи, в первую очередь демонстрационное единство ценностей и предельных смыслов представленных социальных практик. Затем, в ходе переживания кризиса ревизии профессионального выбора, происходит пересмотр структуры ценностных ориентаций, что выражается в снижении показателей интегрированности идентификационных конструктов у второкурсников. Разрешение кризиса сопровождается формированием новой системы ценностных ориентаций, в структуру которой органично вписываются внутренне принятые профессиональные ценности. Метаядентификационный конструкт становится более монолитным, что находит свое отражение в повышении показателей его интегрированности на старших курсах обучения. Достоверность данного

вывода подтверждается значением уровня статистической значимости ($p = 0,000$).

3. Процесс профессиональной самоидентификации неразрывно связан с образовательным процессом.

Основой профессиональной самоидентификации является профессиональное обучение, в ходе которого формируются идентификационные характеристики, выражающие принадлежность человека к определенной профессии.

Динамика развития профессиональной самоидентификации во многом детерминирована содержанием и технологией образовательного процесса, выступающего в роли значимого внешнего фактора профессиональной самоидентификации, играющего приоритетную роль на ее начальном этапе [28; 32]. Об обусловленности динамики профессиональной самоидентификации особенностями организации образовательного процесса свидетельствуют различия показателей измерения динамики профессиональной самоидентификации между респондентами в зависимости от курса обучения, т. е. изменение уровней параметров профессиональной самоидентификации курсантов происходит в течение всего обучения и связано с организацией и содержанием обучения на каждом курсе.

В целях проверки гипотезы о значимом отличии уровней показателей профессиональной самоидентификации студентами разных курсов обучения был использован *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок (табл. 4). Для уточнения целесообразности применения указанного критерия данные были проверены на однородность дисперсии (критерий Ливена).

Для показателей, не удовлетворяющих требованиям по однородности дисперсии по критерию Ливена ($p > 0,05$), был использован *U*-критерий Манна – Уитни (табл. 5).

Таблица 3

Результаты сравнения значений показателя уровня профессиональной самоидентификации по шкале «интегрирование» на основе *H*-критерия Краскела – Уоллиса

Table 3

The results of comparing the indicators of professional self-identification on «integration» scale on the base of Kruskal – Wallis *H*-test

Курс обучения	Количество обучающихся	Средний ранг
1-й	44	178,10
2-й	21	84,83
3-й	159	132,61
4-й	57	144,64

Таблица 4

Результаты сравнения значений показателя профессиональной самоидентификации по шкалам (субшкалам) на основе *t*-критерия Стьюдента

Table 4

The comparative results of the indicators of professional self-identification on scales (subscales) on the base of Student's *t*-test

Шкалы (субшкалы)	Курс обучения	Критерий равенства дисперсий Ливена, уровень значимости (<i>p</i>)	<i>t</i> -Критерий Стьюдента	
			Средняя разность	Уровень значимости (<i>p</i>)
Шкала «использование знака»	1–2-й	0,799	2,175	0,058
	1–3-й	0,696	-3,381	0,000
	1–4-й	0,910	-5,358	0,000
	2–3-й	0,586	-5,555	0,000
	2–4-й	0,748	-7,533	0,000
	3–4-й	0,848	-1,977	0,015
Субшкала «когнитивная оценка знака»	1–2-й	0,985	1,841	0,025
	1–3-й	0,345	-1,952	0,000
	1–4-й	0,720	-2,280	0,001
	2–3-й	0,551	-3,793	0,000
	2–4-й	0,763	-4,122	0,000
	3–4-й	0,213	0,328	0,538
Субшкала «эмоциональное отношение к знаку»	1–2-й	0,963	0,333	0,627
	1–3-й	0,689	-1,429	0,002
	1–4-й	0,034	-3,078	0,000
	2–3-й	0,638	-1,762	0,014
	2–4-й	0,089	-3,411	0,000
	3–4-й	0,011	-1,649	0,002
Шкала «организация идентификационного нарратива»	1–2-й	0,949	8,254	0,002
	1–3-й	0,264	3,029	0,074
	1–4-й	0,148	4,287	0,040
	2–3-й	0,451	-5,225	0,054
	2–4-й	0,336	-3,967	0,148
	3–4-й	0,017	1,257	0,539
Субшкала «организация прошлого опыта»	1–2-й	0,821	3,159	0,004
	1–3-й	0,313	0,535	0,425
	1–4-й	0,661	3,449	0,000
	2–3-й	0,675	-2,624	0,014
	2–4-й	0,601	0,291	0,802
	3–4-й	0,198	2,914	0,000
Субшкала «организация мотивационно-целевой сферы»	1–2-й	0,538	5,095	0,005
	1–3-й	0,017	2,494	0,042
	1–4-й	0,632	0,837	0,562
	2–3-й	0,357	-2,601	0,194
	2–4-й	0,860	-4,258	0,043
	3–4-й	0,150	-1,657	0,281

Окончание табл. 5
Ending table 5

Шкалы (субшкалы)	Курс обучения	Критерий равенства дисперсий Ливена, уровень значимости (<i>p</i>)	<i>t</i> -Критерий Стьюдента	
			Средняя разность	Уровень значимости (<i>p</i>)
Шкала «интегрирование»	1–2-й	0,006	4,397	0,000
	1–3-й	0,292	1,768	0,000
	1–4-й	0,383	0,985	0,082
	2–3-й	0,042	-2,629	0,001
	2–4-й	0,001	-3,412	0,000
	3–4-й	0,092	-0,783	0,174

Таблица 5

Результаты сравнения значений показателя профессиональной самоидентификации по шкалам (субшкалам) на основе *U*-критерия Манна – Уитни

Table 5

The comparative results of the indicators of professional self-identification on scales (subscales) on the base of Mann – Whitney *U*-test

Шкалы (субшкалы)	Курс обучения	<i>U</i> -критерий Манна – Уитни	Уровень значимости (<i>p</i>)
Субшкала «эмоциональное отношение к знаку»	1–4-й	433,0	0,000
	3–4-й	2022,0	0,001
Шкала «организация идентификационного нарратива»	3–4-й	2719,5	0,339
Субшкала «организация мотивационно-целевой сферы»	3–4-й	4274,0	0,088
Шкала «интегрирование»	1–2-й	264,0	0,000
	2–3-й	1070,5	0,007
	2–4-й	216,0	0,003

Таким образом, было выявлено, что более половины различий между значениями показателя профессиональной самоидентификации среди респондентов, обучающихся на разных курсах, являются статистически значимыми, и это в целом подтверждает гипотезу о наличии связи между развитием динамики профессиональной самоидентификации и организацией образовательного процесса.

Для подтверждения наличия связи между уровнем профессиональной самоидентификации и образовательным процессом был произведен корреляционный анализ взаимосвязи профессиональной самоидентификации и рейтинга курсантов.

Рейтинг курсанта учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» включает в себя четыре показателя: результаты учебы (рассчитываются на основании среднего балла), оценку профессионально важных качеств, показатели в спорте, участие в военно-научной работе (оцениваются методом экспертного опроса командиров подразделений).

Проведенный корреляционный анализ подтвердил наличие связей между значениями рейтинга

и показателями оценки уровня профессиональной самоидентификации по шкале «использование знака» ($r = 0,200, p < 0,01$) и субшкале «эмоциональное отношение к знаку» ($r = 0,188, p < 0,01$). Это означает, что успешность учебно-служебной деятельности курсантов зависит от степени сформированности функции становления знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как субъекта профессиональной деятельности.

4. Различия между максимальным, минимальным и средним значениями по разным шкалам, на разных курсах свидетельствуют об индивидуальном характере процесса профессиональной самоидентификации обучающихся. Несмотря на наличие общих тенденций развития профессиональной самоидентификации, данный процесс имеет индивидуальные особенности у каждого обучающегося. Это обусловлено личностными особенностями студентов, их мотивами и установками по отношению к обучению и будущей профессиональной деятельности.

Подтверждением вышеуказанного заявления являются результаты проведенного корреляционного

анализа взаимосвязи профессиональной самоидентификации и некоторых конструктов, характеризующих личностные особенности респондентов.

В качестве исследуемых конструктов были выбраны самоактуализация (методика САТ), акцентуация характера (методика Леонгарда – Шмишека),

темперамент (методика ЕРІ). Статистический анализ показал наличие корреляционных связей между уровнем развития функциональной структуры профессиональной самоидентификации и некоторыми шкалами вышеназванных психологических методик (табл. 6).

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа профессиональной самоидентификации по шкалам (субшкалам) и психологическим методикам на основе коэффициента корреляции Пирсона

Table 6

The results of correlation analysis of the indicators of professional self-identification on scales (subscales) and psychological methods on the base of Pearson *r*-test

Шкалы (субшкалы)	Методика САТ		Методика ЕРІ	Методика Леонгарда – Шмишека	
	Качества человека				
	Ценностные ориентации	Самоуважение	Нейротизм	Возбудимость	Демонстративность
Шкала «использование знака»	–	0,362*	–0,344*	–	0,401*
Субшкала «эмоциональное отношение к знаку»	0,344*	0,414*	–0,394*	–0,336*	–
Шкала «организация идентификационного нарратива»	–	–	–0,352*	–0,366*	–
Субшкала «организация мотивационно-целевой сферы»	–	–	–0,378*	–0,362*	–

* $p < 0,01$.

Обнаруженные умеренные прямые корреляционные связи между показателями уровня развития функции использования знака и показателями, характеризующими самоуважение, демонстрируют, что сформированность функции использования знака, выступающего в качестве орудия представления себя сознанию как субъекта профессиональной деятельности, и положительное отношение к этому знаку позитивно влияют на стремление человека лучше оценивать свои достоинства и качества характера, уважать себя за эти качества. Позитивное отношение к знаку, выражающему профессиональную принадлежность, способствует разделению курсантами ценностей (уверенность в себе, увлеченность и удовлетворенность профессиональным делом), присутствующих самоактуализирующейся личности.

Профессия офицера подразумевает управление подчиненным личным составом, умение вести людей за собой в любых условиях, стремление быть лидером. Хороший командир должен уметь оказывать влияние на подчиненных, в том числе вызывать доверие к себе. Данные качества свойственны для демонстративного типа характера, показатели которого также имеют прямую корреляционную связь с результатами по шкале «использование знака».

Умеренные отрицательные корреляционные связи между оценками уровня профессиональной самоидентификации и показателями по шкалам нейротизма (методика ЕРІ) и возбудимости (методика Леонгарда – Шмишека) могут означать, что военнослужащие с более развитой функциональной структурой профессиональной самоидентификации отличаются склонностью к сохранению организованного поведения, ситуативной целенаправленности в обычных и стрессовых ситуациях.

Помимо указанных данных, проведенное исследование показало множество других более слабых корреляционных связей между уровнем развития функциональной структуры профессиональной самоидентификации и иными шкалами примененных методик, но ввиду их малозначительности данные результаты в настоящей работе не приводятся.

О связи специфики профессиональной самоидентификации и личностных особенностей свидетельствуют и результаты исследований, проведенных О. О. Поляковой, М. П. Лушкиной (полученные данные показали, что формирование профессиональной идентичности у студентов связано с такими личностными особенностями, как ориентация на собственный престиж, развитие себя, достиже-

ния, цели, процесс, результат, локус контроля Я, локус контроля жизнь ($p < 0,05$) [33], Т. С. Тимофеевой (в ходе исследования было выявлено, что для формирования профессиональной идентичности будущих психологов большое значение имеют качества волевой (эмоциональная стабильность, вы-

сокая нормативность поведения, высокий уровень самоконтроля) и эмоциональной (высокая эмоциональная чувствительность, отсутствие тревожности, уверенность в себе) сфер, а также коммуникативные способности и уровень интеллекта ($p < 0,05$) [34].

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- неравномерность профессиональной самоидентификации обусловлена прохождением кризиса профессионального обучения, пик которого приходится на 2-й курс, а также снижением роли индивидуального прошлого опыта при формировании профессионального идентификационного конструкта к концу обучения;
- процесс профессиональной самоидентификации связан с особенностями содержания образовательного процесса на разных курсах обучения и успешностью учебно-служебной деятельности курсантов;

- становление профессиональной идентичности связано с уровнем самоуважения, демонстративным и возбудимым типом характера, а также с нейротизмом.

Таким образом, профессиональная самоидентификация курсанта военного учреждения высшего образования представляет собой сложный многоплановый процесс формирования идентификационного конструкта (в качестве знака выступают категории, отражающие профессиональную активность личности), имеющий неравномерный и индивидуальный характер, связанный со спецификой образовательного процесса и личностными особенностями обучающегося.

Библиографические ссылки

1. Мещеряков БГ, Зинченко ВП, редакторы. *Большой психологический словарь*. Москва: АСТ; 2009. 811 с.
2. Мудрик АВ. *Социальная педагогика*. Москва: Академия; 2003. 200 с.
3. Петровский АВ. *Возрастная психология*. Москва: Просвещение; 1973. 268 с.
4. Короленко ЦП. *Социодинамическая психиатрия*. Москва: Академический проект. 2000. 460 с.
5. Лаппо МА. *Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы*. Новосибирск: НГПУ; 2013. 180 с.
6. Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. Андреева АД, Прихожан АМ, Ривош ВИ, Толстых НН, переводчики. Москва: Прогресс; 1996. 344 с.
7. Татарко СА. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии. *Психологическая диагностика*. 2009;1:1–39.
8. Schwartz SJ. The evolution of Eriksonian and neo-Eriksonian identity theory and research: a review and integration. *Identity. An International Journal of Theory and Research*. 2001;1(1):7–58.
9. Cote JE, Levine CA. Critical examination on the ego identity status paradigm. *Developmental Review*. 1988;8:147–184.
10. Андреева ГМ. *Социальная психология*. Москва: Аспект-пресс; 2017. 363 с.
11. Шнейдер ЛБ. *Психология идентичности*. Москва: Юрайт; 2019. 328 с.
12. Антонова НВ, Белоусова ВВ. Самоопределение как механизм развития идентичности. *Вестник «Педагогика и психология»*. 2011;2:79–92.
13. Миронова СП. Изучение профессионально-образовательного процесса в пространственном измерении и профессиональная идентификация личности. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2010;9:67–81.
14. Поварёнков ЮП. Психологическая характеристика профессиональной идентичности субъекта труда. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2014;3(20):9–16.
15. Некрасов АС. *Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища* [диссертация]. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2005. 158 с.
16. Субботин ИБ. *Развитие профессиональной идентичности офицеров воспитательных структур в процессе подготовки в вузе* [диссертация]. Москва: Военный университет имени князя Александра Невского; 2003. 177 с.
17. Созонник АВ. Формирование профессиональной идентичности личности курсанта на разных этапах профессиональной социализации. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2016;1:12–17.
18. Худайназарова ДР, Громова АА. Профессиональная идентичность женщин военнослужащих: содержание понятия. *Теория и практика общественного развития*. 2015;5:149–151.
19. Дьяков ДГ. Типология и функциональная структура самоидентификации как высшей психической функции. Часть I. Понятие и функциональная структура самоидентификации. *Педагогическая наука и образование*. 2015;2:11–18.
20. Дьяков ДГ, Руденков ДВ. Разработка опросника диагностики профессиональной самоидентификации курсантов военных вузов. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2020;1(10):153–165.
21. Наследов АД. *SPSS 19. Профессиональный статистический анализ данных*. Санкт-Петербург: Питер; 2011. 399 с.
22. Поварёнков ЮП. *Психологическое содержание профессионального становления человека*. Москва: Издательство УРАО; 2002. 159 с.

23. Зеер ЭФ. Кризисы профессионального становления личности. *Психологический журнал*. 1997;18(3):35–44.
24. Малютина ТВ, Морозова ИС. Особенности профессиональной идентичности студентов медицинского вуза. *Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология*. 2018;58(часть 2):343–347.
25. Канаева НА. Динамика мотивационного компонента при формировании профессиональной идентичности студентов железнодорожного техникума. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013;2–1(часть 1):131–135.
26. Черепанова ТВ. Этапы и факторы профессиональной идентификации студентов-журналистов. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2018;24(3):153–157.
27. Карымова ОС. Особенности профессиональной идентичности будущих психологов. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017;2:248–251.
28. Гарбузова ГВ. Процесс формирования профессиональной идентичности студентов. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007;18(44):340–344.
29. Лапкина ЕВ, Надежкин ЕГ. Психологическая адаптация курсантов к обучению в военном вузе. *Ярославский педагогический вестник*. 2019;2:148–154.
30. Баландина ТМ, Кузнецов НИ. Особенности социальной адаптации курсантов современного военного института. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2018;4:166–171.
31. Мануян ВР. Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза. *Психологическая наука и образование*. 2011;4:109–116.
32. Родыгина УС. Психологические особенности студентов с различным уровнем профессиональной идентичности. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2007;13(1):95–98.
33. Полякова ОО, Лушкина МП. Особенности профессиональной идентичности современных студентов. *Вестник Мордовского университета*. 2011;2:69–72.
34. Тимофеева ТС. Профессионально важные качества и компетенции в структуре профессиональной идентичности психолога [Интернет]. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019 [процитировано 21 декабря 2021 г.];5(7). Доступно по: <https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN519.pdf>.

References

1. Meshcheryakov BG, Zinchenko VP, editors. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Large psychological dictionary]. Moscow: AST; 2009. 811 p. Russian.
2. Mudrik AV. *Social'naya pedagogika* [The social pedagogy]. Moscow: Akademiya; 2003. 200 p. Russian.
3. Petrovskii AV. *Vozrastnaya psikhologiya* [The age psychology]. Moscow: Prosveshchenie; 1973. 268 p. Russian.
4. Korolenko CP. *Sotsiodinamicheskaya psikhiatriya* [The sociodynamic psychiatry]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2000. 460 p. Russian.
5. Lappo MA. *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [The self-identification: semantics, pragmatics, language resources]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University; 2013. 180 p. Russian.
6. Erikson EH. *Identity: youth and crisis*. New York: W. W. Norton Company; 1968. 336 p.
Russian edition: Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis*. Andreeva AD, Prikhozhan AM, Rivosh VI, Tolstykh NN, translators. Moscow: Progress; 1996. 344 p.
7. Tatarko SA. [Measurement identity within the status model Marcia I.]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2009;1:1–39. Russian.
8. Schwartz SJ. The evolution of Eriksonian and neo-Eriksonian identity theory and research: A review and integration. *Identity. An International Journal of Theory and Research*. 2001;1(1):7–58.
9. Cote JE, Levine CA. Critical examination on the ego identity status paradigm. *Developmental Review*. 1988;8:147–184.
10. Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt-press; 2017. 363 p. Russian.
11. Shneider LB. *Psikhologiya identichnosti* [Psychology of identity]. Moscow: Yurait; 2019. 328 p. Russian.
12. Antonova NV, Belousova VV. Self-determination as a mechanism of identity development. *Vestnik «Pedagogy and psychology»*. 2011;2:79–92. Russian.
13. Mironova SP. [Studying professional-educational process in the spatial measurement and professional identification of a person]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2010;9:67–81. Russian.
14. Povarenkov YuP. Psychological characteristics of professional identity of the subject of work. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2014;3(20):9–16. Russian.
15. Nekrasov AS. *Razvitie professional'noi identichnosti lichnosti kursanta voennogo uchilishcha* [Development of the professional identity of cadet of military school; dissertation]. Krasnodar: Kuban State University; 2005. 158 p. Russian.
16. Subbotin IB. *Razvitie professional'noi identichnosti ofitserov vospitatel'nykh struktur v protsesse podgotovki v vuze* [Development of professional identity of educational officers in the process of training at a university; dissertation]. Moscow: Military University; 2003. 177 p. Russian.
17. Sozonnik AV. Formation of professional identity of a cadet's personality at different stages of professional socialization. *Psikhopedagogy in Law Enforcement*. 2016;1:12–17. Russian.
18. Khudaynazarova DR, Gromova AA. Professional identity of servicewomen: the concept content. *Theory and Practice of Social Development*. 2015;5:149–151. Russian.
19. D'yakov DG. [Typology and functional structure of self-identification as the highest mental function. Part I. The concept and functional structure of self-identification]. *Pedagogicheskaya nauka i obrazovanie*. 2015;2:11–18. Russian.
20. Diyakov DG, Rudenkov DU. The process of a questionnaire development for professional self-identification diagnosing of cadets of military schools. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*. 2020;1(10):153–165. Russian.

21. Nasledov AD. *SPSS 19. Professional'nyi statisticheskii analiz dannykh* [SPSS 19. Professional statistical data analysis]. Saint Petersburg: Piter; 2011. 399 p. Russian.
22. Povarenkov YuP. *Psikhologicheskoe sodержanie professional'nogo stanovleniya cheloveka* [The psychological content of the professional development of man]. Moscow: Izdatel'stvo URAO; 2002. 159 p. Russian.
23. Zeer EF. [Crisis of professional development of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1997;18(3):35–44. Russian.
24. Malyutina TV, Morozova IS. Peculiarities of professional identity of medical high school students. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2018;58(part 2):343–347. Russian.
25. Kanaeva NA. Dynamics of motivational component in formation of professional identity of students of railway college. *Cherepovets State University Bulletin*. 2013;2–1(part 1):131–135. Russian.
26. Cherepanova TV. Stages and factors of professional identification of students-journalists. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2018;24(3):153–157. Russian.
27. Karimova OS. Peculiarities of professional identity of future psychologists. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2017;2:248–251. Russian.
28. Garbuzova GV. Forming of students' professional identity. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007;18(44):340–344. Russian.
29. Lapkina EV, Nadezhkin EG. Psychology adaptation of cadets to education in university. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2019;2:148–154. Russian.
30. Balandina TM, Kuznetsov NI. Some aspects of social adaptation of cadets of military institutes. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 2018;4:166–171. Russian.
31. Manukyan VR. Psychological content and genesis factors of professional development crisis among students of higher education institutions. *Psychological Science and Education*. 2011;4:109–116. Russian.
32. Rodyina US. Psychological features of students with different level of professional identity. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2007;13(1):95–98. Russian.
33. Polyakova OO, Lushkina MP. Peculiarities of professional identity of modern students. *Mordovia University Bulletin*. 2011;2:69–72. Russian.
34. Timofeeva TS. Professionally important qualities and competencies in the structure of the psychologist's professional identity [Internet]. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2019 [cited 2021 December 21];5(7). Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN519.pdf>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.05.2021.
Received by editorial board 17.05.2021.

УДК 159.9.075

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ С БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗЬЮ: ДИНАМИКА УРОВНЯ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОГИ У СПОРТСМЕНОВ

Е. С. БУЛЫНКО¹⁾

¹⁾Республиканский научно-практический центр спорта, ул. Нарочанская, 8, 220062, г. Минск, Беларусь

Описан результат влияния психофизиологического тренинга с биологической обратной связью на уровень ситуативной тревоги спортсменов в возрасте 12–18 лет. Высокие физические и психологические нагрузки оказывают воздействие на психологическое состояние юных атлетов, которые сталкиваются как с возрастными нормативными кризисами, так и с кризисами, связанными с их спортивной деятельностью. Подросток, готовящийся к соревнованиям, начинает испытывать внутреннее напряжение, что в дальнейшем вызывает чувство тревоги. Ситуативная тревога в процессе соревновательной деятельности допустима в том случае, если не мешает юному спортсмену, а, наоборот, мобилизует его. Если же ситуативная тревога возникает уже в процессе тренировки, атлет тратит психическую энергию на ее переживание, а не на физическую и технико-тактическую подготовку. В результате прохождения психофизиологического тренинга с биологической обратной связью юные спортсмены научились регулировать уровень тревоги и значительно снижать внутреннее напряжение.

Ключевые слова: тревога; детско-юношеский спорт; тренировочная деятельность; психофизиологический тренинг; биологическая обратная связь.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL TRAINING WITH BIOFEEDBACK: DYNAMICS OF ANXIETY LEVEL OF THE ATHLETES

E. S. BULYNKO^a

^aRepublican Scientific and Practical Sports Centre, 8 Naračanskaja Street, Minsk 220062, Belarus

The article describes the effect of psychophysiological training sessions with biofeedback on the level of situational anxiety in athletes 12–18 years old. High physical activity affects the psychological state, especially on young athletes, since in

Образец цитирования:

Булышко Е.С. Психофизиологический тренинг с биологической обратной связью: динамика уровня ситуативной тревоги у спортсменов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:124–130.

For citation:

Bulynko ES. Psychophysiological training with biofeedback: dynamics of anxiety level of the athletes. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:124–130. Russian.

Автор:

Екатерина Сергеевна Булышко – научный сотрудник.

Author:

Ekaterina S. Bulynko, researcher.
katerina_bulynko@mail.ru

this age period they are faced with both age-related normative crises and crises associated with high physical and psychological stress of sports activity. A teenager preparing for a sports competition begins to experience internal stress, which further causes a feeling of anxiety. Situational anxiety in the process of competitive activity is permissible if it does not interfere with the young athlete, but, on the contrary, mobilises him. But everything is different if situational anxiety arises already in the process of training activity. In this case, the athlete spends his mental energy on experiencing this anxiety, and not on physical and technical-tactical training. As a result of psychophysiological training with biofeedback, young athletes are able to regulate anxiety and significantly reduce internal stress.

Keywords: anxiety; youth sports; training activities; psychophysiological training; biofeedback.

Введение

Стремительный рост спортивных достижений обуславливает необходимость поиска новых и эффективных методов и методик подготовки спортсменов. В Беларуси проводятся различные научные исследования по совершенствованию системы подготовки спортсменов как в детско-юношеских спортивных школах, училищах олимпийского резерва, так и в школах высшего спортивного мастерства, поскольку способности к достижению высоких и стабильных результатов развиваются уже в раннем возрасте. Основной целью отечественного детско-юношеского спорта является подготовка спортсменов национального уровня¹.

Контроль над тревогой – один из важнейших аспектов подготовки спортсмена к соревнованиям. Так, повышение уровня ситуативной тревоги может указывать на наличие внутреннего напряжения, неуверенности в себе и своих силах, склонности к навязчивому беспокойству, что негативно воздействует на процесс подготовки юного спортсмена. Многочисленные исследования о влиянии тревоги на успешность спортивной деятельности носят довольно противоречивый характер. Следует, однако, отметить, что тревога активизирует и мобилизует спортсмена только до определенного предела. Сильное волнение, которое выходит за границы положительно действующего фактора, приводит к ухудшению результатов деятельности (закон Йеркса – Додсона) [1].

Сегодня проблеме тревожного состояния посвящены множество зарубежных работ в области физиологии, психофизиологии, психологии, психиатрии, биохимии, философии, социологии и педагогики. В отечественной литературе исследования тревожного состояния носят достаточно фрагментарный характер, а единое понимание тревоги до настоящего времени отсутствует, что обусловлено различием подходов к данной проблеме в разных областях научных знаний [2].

Чаще всего термин «тревога» трактуется исследователями с опорой на определение Ч. Спилбергера как реакция на определенный раздражитель или ситуацию, которая воспринимается организмом как потенциально или актуально опасная. Состояние тревоги, по мнению американского учено-

го, может варьироваться по степени интенсивности и изменяться во времени как функция уровня стресса, которому подвергается индивид [3].

Б. Дж. Кретти и Ю. Л. Ханин уделяли пристальное внимание изучению влияния тревоги на двигательную активность спортсмена [4; 5]. Однако единого мнения об абсолютно отрицательной или абсолютно положительной роли тревоги в деятельности спортсмена не существует до сих пор [6]. Таким образом, возникает вопрос о методах и методиках воздействия на уровень ситуативной тревоги для тех спортсменов, которые испытывают потребность в ее снижении.

К настоящему времени наряду с классическими подходами (аутогенной тренировкой И. Г. Шульца [7], прогрессивной мышечной релаксацией Э. Джейкобсона [8]) в системе спортивной подготовки в различных видах спорта существует целый ряд инновационных средств, к которым относится метод биологической обратной связи. Воздействие на эмоциональное и психофизиологическое состояние спортсмена достигается путем его обучения сознательному управлению своими физиологическими реакциями: частотой сердечных сокращений, температурой, кожно-гальванической реакцией и др. [9]. Метод биологической обратной связи представляет собой комплекс тренировок для регистрации физиологических показателей и возврата информации об их динамике спортсмену (проводится с использованием компьютера). В настоящее время существуют тренировки по управлению частотой сердечных сокращений, ритмом дыхания, температурой, кожно-гальванической реакцией, ритмами головного мозга, мышечным тонусом.

Суть метода биологической обратной связи состоит в том, что индивид получает информацию о работе текущих физиологических показателей, определяемых протоколом. Условно все протоколы можно разделить на два типа: протокол нейробиологической обратной связи (англ. *neurofeedback*), в основе которого лежит электроэнцефалографическая регистрация ритмов головного мозга, и протокол биологической обратной связи (англ. *biofeedback*), фиксирующий изменения вегетативной нервной системы (кожно-гальваническая реакция, частота сердечных

¹Павлов А. Е. Совершенствование системы управления подготовкой спортивных резервов в единоборствах : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04. Улан-Удэ, 2012. 42 с.

сокращений, температура и др.). Преимуществом метода биологической обратной связи является то, что спортсмен в игровой форме учится воздействовать на свой организм, поэтому применение данной технологии – современного метода немедикаментозной коррекции нарушений неблагоприятных эмоциональных состояний спортсменов – актуально в работе спортивного психолога. Тренинг оказывает положительное влияние на динамику личностного развития, способствует повышению стрессоустойчивости, развитию самостоятельности, самоконтроля, интеллекта, а также коррекции и воспитанию эмоционально-волевой и мотивационной сферы, как следствие, достижению максимальных спортивных результатов.

Цель метода биологической обратной связи – помочь спортсмену научиться отслеживать сигналы своего тела и сознательно управлять физиологическими процессами. Все эмоции имеют под собой физиологическую основу. Следовательно, зная физиологию эмоционального состояния, при помощи технологий биологической обратной связи можно изменить непродуктивное эмоциональное состояние на продуктивное [10; 11]. Для преодоления стресса юные спортсмены концентрируются на конкретных действиях, необходимых для достижения лучшего результата. Метод биологической обратной связи обеспечивает предоставление информации в режиме реального времени при активном участии субъекта, у которого вырабатывается чувство контроля над ситуацией. Для усиления результативности спортивных достижений при проведении тренировок различных модальностей важно учитывать специфику спортивной дисциплины и личностные характеристики спортсмена.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования выступили концепция Ч. Спилбергера [3] и теория функциональных систем П. К. Анохина [14].

В исследовании, проходившем на базе лаборатории психологии Республиканского научно-практического центра спорта, приняли участие 30 спортсменов (18 девушек и 12 юношей) в возрасте 12–18 лет, членов сборных команд Беларуси по различным видам спорта и спортивных клубов с разным стажем участия в соревнованиях международного уровня.

На первом этапе исследования был проведен интегративный тест тревожности, который представляет собой оригинальный психолого-диагностический инструмент для дифференциальной оценки и содержательной квалификации тревоги как аффективного регулятора поведения личности на момент диагностики по пяти факторам: эмоциональному дискомфорту, астеническому и фобическому компонентам, тревожной оценке перспективы, социальной защите [15].

На втором этапе на протяжении 10 занятий проводился психофизиологический тренинг с биологической

обратной связью, в ходе которого участники учились расслабляться путем снижения частоты сердечных сокращений. Данный вид тренинга был выбран, поскольку вариабельность сердечного ритма является одним из основных методов оценки функционального состояния спортсменов в процессе тренировочной и соревновательной деятельности, а сердечный ритм напрямую связан с актом дыхания – эффективным способом психической и физиологической саморегуляции.

В ходе тренинга с биологической обратной связью датчики снимают физиологические показатели с тела. Полученная информация поступает в компьютер, где обрабатывается, после чего сигналы обратной связи в простой форме предъявляются индивиду в виде изображения на экране монитора и звуков (раздельно или комплексно). Спортсмен смотрит на монитор, отслеживая направление изменений собственного физиологического состояния, и учится связывать динамику процессов своего организма с показаниями на экране монитора. Таким образом, непосредственной задачей тренинга с биологической обратной связью является развитие произвольного контроля над каким-либо физиологическим параметром организма, т. е. обучение саморегуляции. Благодаря использованию специальной аппаратуры в рамках данного тренинга приобретение навыка саморегуляции становится более доступным и быстрым [12].

Анализ научной литературы последних десятилетий показал, что тренинг с биологической обратной связью широко применяется в практике высококвалифицированных спортсменов [13]. Так, благодаря ему достигается оптимальное функциональное состояние, снижается уровень мышечного напряжения, который обычно возникает перед важным спортивным стартом. Однако важно отметить: современные исследования по коррекции уровня тревоги среди спортсменов детско-юношеских школ и сборных команд фактически не проводятся, что указывает на актуальность проблемного поля в психологии спорта.

Цель настоящей работы – изучение динамики уровня ситуативной тревоги спортсменов после проведения психофизиологического тренинга с биологической обратной связью.

Занятия были разделены на три группы: вводный блок, блок обучения и блок закрепления.

Вводный блок состоит из двух ознакомительных занятий по 20 мин, которые проводятся при активном участии психолога-исследователя и предполагают знакомство с основными приемами управления частотой сердечных сокращений, проверку резерва регуляции в задачах на повышение, понижение и увеличение вариабельности сердечного ритма, а также способности спортсмена к воспроизведению навязываемого ритма изменения частоты

сердечных сокращений. Участник может самостоятельно выбрать способ управления частотой сердечных сокращений (с открытыми или закрытыми глазами). В ходе процедуры следует внимательно следить за самочувствием спортсмена и при появлении дискомфорта немедленно прекращать выполнение упражнения, особенно на повышение частоты сердечных сокращений [16].

Второй блок программы направлен на активизацию адаптационно-приспособительных механизмов организма. Длительность каждого из четырех занятий составляет 30 мин. Основные цели данного этапа – научиться распознавать различные фазы дыхательного цикла, осознать их связь с динамикой сердечного ритма, сформировать умение снижать частоту сердечных сокращений, произвольно управляя ритмом дыхания. Предварительно спортсмен получает информацию о диафрагмальном типе дыхания [16].

На третьем этапе исследования проводятся четыре занятия по 25 мин, цель которых – нормализация вегетативного баланса за счет повышения активности парасимпатического отдела и снижения актив-

ности симпатического отдела вегетативной нервной системы. Успешность проведения тренировки по снижению частоты сердечных сокращений напрямую зависит от степени мышечной релаксации, поэтому следует обеспечить комфортное положение тела спортсмена. Кроме того, участника информируют о правилах замедления ритма дыхания во избежание появления симптомов гиповентиляции: вдох выполняется только через нос, свободно и без усилий, а выдох – через слегка сомкнутые губы, медленно и плавно, причем грудная клетка в акт дыхания вовлекается минимально. В зависимости от скорости формирования навыка временные рамки третьего этапа могут быть скорректированы [16].

В результате спортсмены, завершившие десять занятий психофизиологического тренинга с биологической обратной связью, проходят повторную диагностику для определения уровня тревоги.

Полученные в ходе эксперимента данные подвергались статистической обработке (программа *SPSS Statistics 22.0*), а их достоверность проверялась с помощью непараметрического *T*-критерия Вилкоксона.

Результаты и их обсуждение

На начальном этапе исследования определялся исходный уровень ситуативной тревоги. Так, у девушек был выявлен средний уровень тревоги с тенденцией к высокому, а у юношей – средний уровень тревоги с тенденцией к низкому. До проведения тренинга как у девушек, так и у юношей высоким значением обладал показатель социальной защиты. Это свидетельствует о том, что социальная среда (тренировки) и контакты (взаимодействие тренера и спортсмена и спортсменов между собой) являются для респондентов основными источниками тревожных напряжений и неуверенности в себе. Высокое значение имеют такие показатели, как эмоциональный дискомфорт и фобический компонент, что указывает на отсутствие у спортсменов уверенности в себе, а также на сниженный эмоциональный фон и наличие страхов, вследствие которых возникает тревога. Важно отметить и то, что у девушек на фоне повышенной эмоциональной чувствительности важ-

ное значение имела оценка перспективы, что говорит об их озабоченности своим будущим (ближайшие соревнования, отбор в команду более высокого уровня и др.).

После прохождения психофизиологического тренинга с биологической обратной связью у юных спортсменов значительно снижается уровень ситуативной тревоги, а также переживаний, связанных с эмоциональным дискомфортом, фобиями, оценкой перспектив, социальным окружением. Астенический компонент, как и уровень ситуативной тревоги, у юношей практически не изменился. Это объясняется тем, что в силу их деятельности, которая сопряжена с тяжелой физической подготовкой, ситуативная тревога в виде усталости, вялости, пассивности, быстрой утомляемости у юношей не проявляется. Динамика показателей тревоги у юношей и девушек до и после проведения тренинга отражена на рис. 1, 2.

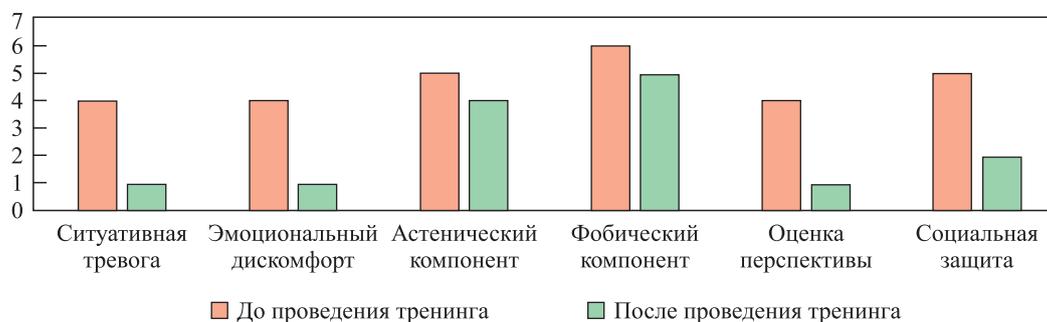

Рис. 1. Динамика показателей ситуативной тревоги у юношей до и после проведения психофизиологического тренинга с биологической обратной связью

Fig. 1. Dynamics of situational anxiety indicators before and after psychophysiological training with biofeedback in young men

В таблице представлены результаты статистического анализа данных, который позволил определить значимые различия показателей тре-

воги до и после проведения психофизиологического тренинга с биологической обратной связью.

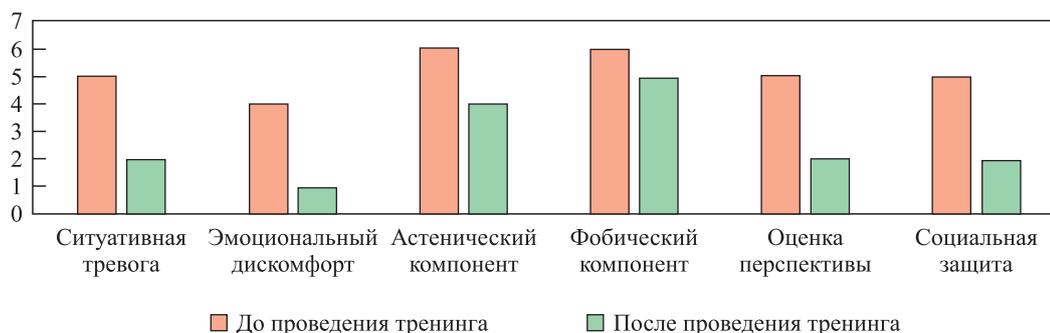

Рис. 2. Динамика показателей ситуативной тревоги у девушек до и после проведения психофизиологического тренинга с биологической обратной связью

Fig. 2. Dynamics of situational anxiety indicators before and after psychophysiological training with biofeedback in girls

Статистические различия показателей ситуативной тревоги у юношей и девушек до и после проведения психофизиологического тренинга с биологической обратной связью

Statistical differences in the indicators of situational anxiety of young men and girls before and after psychophysiological training with biofeedback

Показатель	T-критерий Вилкоксона		Значимость критерия	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Ситуативная тревога	3,506	4,863	0,005 000	0,000 089
Эмоциональный дискомфорт	3,089	1,899	0,010 000	0,000 146
Астенический компонент	0,327	2,619	0,750 000	0,075 000
Фобический компонент	2,429	3,394	0,033 000	0,018 000
Оценка перспективы	4,297	3,394	0,001 000	0,003 000
Социальная защита	2,132	2,936	0,056 000	0,009 000

Таким образом, в результате проведения тренинга уровень тревоги у спортсменов значительно снизился, что повлекло за собой снижение переживаний в сфере социальных контактов и изменение

восприятия социальной среды. Снизился также уровень тревоги, связанный с фобиями и оценкой перспектив, повысился эмоциональный фон и уменьшился уровень напряженности.

Заключение

Психофизиологический тренинг с биологической обратной связью – это цикл занятий, направленных на коррекцию эмоционального состояния спортсменов, в основе которого лежит управление непроизвольными физиологическими показателями.

Программа коррекции психофизиологического состояния тревоги спортсмена включает три блока: вводный блок (два занятия), блок обучения (четыре занятия), блок закрепления (четыре занятия). В результате проведения тренинга у спортсмена фор-

мируется навык диафрагмально-брюшного типа дыхания, который отвечает за активацию парасимпатического отдела вегетативной нервной системы, что, в свою очередь, способствует снижению эмоционального напряжения, и, как следствие, непродуктивной тревоги. В результате проведения тренинга во время подготовки к соревнованиям спортсмены будут меньше тревожиться, что существенно улучшит качество их физической и технико-тактической подготовки.

Библиографические ссылки

1. Воскресенская ЕВ, Мельник ЕВ, Кухтова НВ. *Психология страха и тревоги в спортивной деятельности (теория и практика)*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2015. 53 с.
2. Нехорошкова АН, Грибанов АВ, Джос ЮС. Проблема тревожности как психофизиологического явления. *Экология человека*. 2014;6:47–54.
3. Спилбергер Ч. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги. В: Астапов ВМ, составитель. *Тревога и тревожность*. Санкт-Петербург: Пер Сэ; 2008. с. 85–99.
4. Кретти БД. *Психология в современном спорте*. Москва: Физкультура и спорт; 1978. 224 с.
5. Ханин ЮЛ. Исследование тревоги в спорте. *Вопросы психологии*. 1978;6:94–106.
6. Хакунов НХ, Багадилова СК, Воронов ВФ. Динамика тревожности спортсменов-тяжелоатлетов в предсоревновательный период, соревновательный и постсоревновательный периоды. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология»*. 2006;2:241–243.
7. Шульц ИГ. *Аутогенная тренировка*. Москва: Медицина; 1985. 32 с.
8. Jacobson E. Progressive relaxation. *The American Journal of Psychology*. 1925;1(36):73–87.
9. Бондарь АИ, Савченко ВВ, Планида ЕВ, Филипович ЛВ, Микуло ЕВ, редакторы. *Коррекционная программа для снятия психоэмоционального напряжения (на основе биологической обратной связи)*. Минск: НИИ физической культуры и спорта Республики Беларусь; 2014. 18 с.
10. Laborde S, Dosseville F. Biofeedback, stress et prise de décision chez le sportif. In: Cadet B, Chasseigne G, editors. *Risque, stress et décision*. Paris: Publibook Université; 2012. p. 97–113.
11. Paul M, Garg K, Sandhu JS. Role of biofeedback in optimizing psychomotor performance in sports. *Asian Journal of Sports Medicine*. 2012;3(1):29–40.
12. Булышко ЕС. *Коррекционно-развивающая программа по уровню снижения тревоги методом биологической обратной связи (БОС)*. Минск: Республиканский научно-практический центр спорта; 2020. 40 с.
13. Булышко ЕС. Биологическая обратная связь как один из методов коррекции эмоционального состояния спортсменов при подготовке к международным соревнованиям: аналитический обзор. *Вестник МГИРО*. 2021;1(45):42–45.
14. Анохин ПК. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. В: Константинов ФВ, Ломов БФ, Швырков ВВ, редакторы. *Философские аспекты теории функциональных систем*. Москва: Наука; 1978. с. 49–106.
15. Бизюк АП, Вассерман ЛИ, Иовлев ВВ. *Применение интегративного теста тревожности*. Санкт-Петербург: Издательство Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева; 2005. 23 с.
16. Гнездицкий ВВ. *Комплекс реабилитационный психофизиологический для тренинга с биологической обратной связью «Реакор»*. Таганрог: Медиком МТД; 2018. 45 с.

References

1. Voskresenskaya EV, Mel'nik EV, Kukhtova NV. *Psikhologiya strakha i trevogi v sportivnoi deyatel'nosti (teoriya i praktika)* [Psychology of fear and anxiety in sports activity (theory and practice)]. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P. M. Masherova; 2015. 53 p. Russian.
2. Nekhoroshkova AN, Griбанov AV, Dzhos YuS. [The problem of anxiety as a psychophysiological phenomenon]. *Ekologiya cheloveka*. 2014;6:47–54. Russian.
3. Spielberger Ch. Conceptual and methodological problems of anxiety research. In: Astapov VM, compiler. *Trevoga i trevozhnost'* [Anxiety]. Saint Petersburg: Per Se; 2008. p. 85–99.
4. Cratty BJ. *Psikhologiya v sovremennom sporte* [Psychology in contemporary sport]. Moscow: Fizkul'tura i sport; 1978. 224 p.
5. Khanin YuL. [Research of anxiety in sport]. *Voprosy psikhologii*. 1978;6:94–106. Russian.
6. Khakunov NK, Bagadirova SK, Voronov VF. [Dynamics of anxiety among weightlifters in the pre-competition period, competitive and post-competition periods]. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Pedagogy and Psychology»*. 2006;2:241–243. Russian.
7. Schultz IG. *Übungsheft für das autogene Training*. Stuttgart: Georg Thieme Verlag; 1983. 38 p. Russian edition: Schultz IG. *Autogennaya trenirovka*. Moscow: Meditsina; 1985. 32 p.
8. Jacobson E. Progressive relaxation. *The American Journal of Psychology*. 1925;1(36):73–87.
9. Bondar' AI, Savchenko VV, Planida EV, Filipovich LV, Mikulo EV, editors. *Korreksionnaya programma dlya snyatiya psikhooemotsional'nogo napryazheniya (na osnove biologicheskoi obratnoi svyazi)* [Correctional program for relieving psycho-emotional stress (based on biofeedback)]. Minsk: Research Institute of Physical Culture and Sports of the Republic of Belarus; 2014. 18 p. Russian.
10. Laborde S, Dosseville F. Biofeedback, stress et prise de décision chez le sportif. In: Cadet B, Chasseigne G, editors. *Risque, stress et décision*. Paris: Publibook Université; 2012. p. 97–113.
11. Paul M, Garg K, Sandhu JS. Role of biofeedback in optimizing psychomotor performance in sports. *Asian Journal of Sports Medicine*. 2012;3(1):29–40.
12. Bulynko ES. *Korreksionno-razvivayushchaya programma po urovnyu snizheniya trevogi metodom biologicheskoi obratnoi svyazi (BOS)*. [Correctional and developmental program for the level of anxiety reduction by the method of biofeedback (BFB)]. Minsk: Republican Scientific and Practical Centre of Sports; 2020. 40 p. Russian.
13. Bulynko ES. Biofeedback as one of the method for correcting the emotional state of athletes in preparation for international competitions: an analytical review. *MCIDE Newsteller*. 2021;1(45):42–45. Russian.

14. Anokhin PK. [Fundamental questions of the general theory of functional systems]. In: Konstantinov FV, Lomov BF, Shvyrkov VB, editors. *Filosofskie aspekty teorii funktsional'nykh sistem* [Philosophical aspects of the theory of functional systems]. Moscow: Nauka; 1978. p. 49–106. Russian.
15. Bizyuk AP, Vasserman LI, Iovlev BV. *Primenenie integrativnogo testa trevozhnosti* [Application of an integrative test of anxiety]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Psikhonevrologicheskogo instituta im. V. M. Bekhtereva, 2005. 23 p. Russian.
16. Gnezditskii VV. *Kompleks rehabilitatsionnyi psikhofiziologicheskii dlya treninga s biologicheskoi obratnoi svyaz'yu «Reakor»* [Rehabilitation psychophysiological complex for training with biofeedback «Reacor»]. Taganrog: Medikom MTD; 2018. 45 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.04.2021.
Received by editorial board 20.04.2021.

Понкин И. В., Лаптева А. И. **Методология научных исследований и прикладной аналитики**. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Буки Веди, 2021. 567 с. (Методология и онтология исследований).

*Ponkin I. V., Lapteva A. I. **Methodology of scientific research and applied analytics**. 2nd ed., added and revis. Moscow : Buki Vedi, 2021. 567 p. (Methodology and ontology of research).*

Прежде чем приступить к анализу учебника «Методология научных исследований и прикладной аналитики», представлялось целесообразным изучить в целом степень разработанности этого тематического пространства, а также качество других схожих изданий. Следует отметить, что ни в других изданиях, ни в научных статьях избранный предмет не исчерпан. Но останавливаться на других работах мы не будем, чтобы избежать демагогичности и поверхностности изложения серьезнейших проблем методологии познания, исследования и отображения реальности вокруг нас, тем более в условиях и без того упавшего престижа науки и отсутствия интереса к ней среди молодежи.

К любому состоявшемуся ученому неизбежно приходит момент размышлений о том, как готовить своих учеников (студентов, аспирантов и докторантов), как дать им нужные знания, умения, навыки и опыт, как сделать из них профессионалов, способных думать, мыслить, познавать и владеющих академическим письмом. Эти вопросы требуют к себе утонченно осторожного внимания, ведь говорят, что «учитель влияет на вечность»: обладая уникальным правом и возможностью работать с людьми (тем более одаренными, талантливыми), добиваясь от них усвоения и даже интроекции передаваемых знаний, научный наставник уникальным образом влияет на их судьбы, жизни, будущее.

Абсолютное большинство ученых в начале научной карьеры сталкиваются с проблемами, поскольку не обладают достаточными знаниями в области

педагогике и психологии науки и аналитики. Некоторые сами, благодаря своей интуиции и таланту, находят те зерна рационального и душевного, которые позволяют создавать действительно хороших учеников. Надо сказать, что мы все в немалой степени автодидакты и во многом самостоятельно постигаем как науку исследовать, так и науку учить науке исследования. Это неизбежно. Однако возникает вопрос: возможно ли создать методики (а равно обеспечивающие и реализующие их учебники) научения учить науке?

Авторы рецензируемого учебника предлагают новую методику обучения науке. Используя необычный способ подачи материала и объяснения, они дают множество полезных советов и практических знаний. Несмотря на то что авторы учебника – юристы, он настолько универсальный и рациональный, что его могут применять в своей работе и ученые-психологи. И. В. Понкин и А. И. Лаптева не избегают юридических уклонов, но в целом предлагают использовать общенаучные и общeanалитические методы и инструментарию, а также объясняют важнейшие содержательные и методические моменты исследовательско-познавательного процесса.

В настоящее время психология не менее других наук нуждается в правильном понимании и толковании исследовательской методологии, а также в определении критериев оценки научного исследования. В рецензируемом учебнике авторы представили уникальную шкалу критериев оценки научного исследования и подробно описали каждый из них.

В учебнике красноречиво и очень доходчиво описываются 20 общенаучных методов и 15 общeanалитических методов, а также основы проектирования и построения исследования, работы с источниками, формирования исследовательских линий и др.

В рецензируемом издании представлены как новейшие подходы к формированию научного мышления и проведению прикладных аналитических исследований, так и классические.

Благодаря удачному сочетанию научно-методической подготовленности и референтной опытности, талантливости и проницательности, энциклопедичности, скрупулезности и педантичности авторов в отработке тематических вопросов был разработан необыкновенный учебник.

В настоящее время рецензируемое издание является наиболее полным пошаговым руководством по решению проблем, с которыми ученые и аналитики-практики сталкиваются в своей работе. В учебнике авторы успешно представили как оригинальные правила и методики научного и прикладного аналитического познания, так и существующие.

Подобного рода издания ценны тем, что способствуют обучению подрастающего поколения ученых-исследователей и формированию прочной исследовательско-методологической основы в их сознании. Страсть авторов учебника к науке (в высочайших стандартах ее понимания) заразительна, они передают это чувство каждому читателю.

Стоит отметить, что в книге отсутствует обращение к теории аргументации, а без этого другие излагаемые вопросы остаются открытыми. Недостатком также является неимение подробного раздела о методе описания. Несмотря на то что учебник психолого-педагогически выверен, ему все же не хватает чуть большего углубления в психологию научных исследований и прикладной аналитики (ведь авторы говорят о побуждении к исследованиям и познанию).

Кроме того, стилистика и лексика учебника слишком сложны, хотя, наверное, это обусловлено целевой аудиторией рассматриваемого издания. Философ

И. Кант в труде «Критика чистого разума» отметил, что изобретать новые слова – значит притязать на законодательство в языке, что редко увенчивается успехом, но это не наш случай, ибо Ж. Бодрийяр в работе «Система вещей» писал, что в нашей цивилизации все больше и больше вещей и все меньше и меньше терминов для их обозначения. В данном учебнике все расставлено по своим местам, все названо своими именами, все более чем разумно и обоснованно, иностранные термины употреблены лишь там, где использование привычных простых слов привело бы к загромождению текста и утрате его понимания. Сложные материалы имеют место только там, где это исключительно необходимо.

В рецензируемом учебнике вопросы методологии науки и прикладной аналитики разработаны и изложены настолько системно, фундаментально, полноохватно, обстоятельно и компетентно, что рассматриваемое издание следует читать людям, причастным к науке и прикладной аналитической работе. Этот учебник будет полезен многим поколениям студентов юридического и иных направлений, а также научных наставников (научных руководителей и научных консультантов). Он станет не только источником вдохновения и побуждения студентов к познавательной деятельности, но и подручным повседневным инструментом для многих исследователей, а научным руководителям позволит существенно экономить время на объяснения исследовательских методов и подходов.

*Л. Г. Степанова*¹

¹Людмила Григорьевна Степанова – кандидат психологических наук; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Ludmila G. Stepanova, PhD (psychology); associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: stepanova_lg@yahoo.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 101.1:316(06)

Человек. Культура. Общество [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. 18-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та (Минск, 22 апр. 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 847 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/271876>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.11.2021, № 011215112021.

В сборник включены доклады студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук, естественно-научных и гуманитарных факультетов БГУ, учреждений высшего образования Беларуси, представленные на 18-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

УДК 101.1:316(476)(06)+101.1:316(510)(06)

Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. и материалов XV Междунар. междисциплинар. науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 7–8 дек. 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: А. И. Зеленков (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 307 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272441>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.12.2021, № 012302122021.

Представлены научные статьи и материалы докладов участников XV Международного междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», который состоялся 7–8 декабря 2021 г. на базе Республиканского института китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета и факультета философии и социальных наук БГУ. Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и социально-гуманитарного познания.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Дисько-Шуман М. Р.</i> В поисках новых оснований рациональности: коммуникативное измерение лингвистической феноменологии Дж. Остина.....	4
<i>Лу Цзин.</i> Классическая философская и поэтическая мысль Китая и фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера: сравнительный анализ.....	11

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Белокрылова В. А., Доброродный Д. Г.</i> Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе	18
<i>Екадумов А. И.</i> Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам	27
<i>Мец А.</i> Может ли искусственный интеллект стать членом общества как автономная личность?	32
<i>Радевич Е. В.</i> Культурно-информационное пространство и дивергенция современных обществ ...	42
<i>Деделко Ю. В.</i> Аксиологический статус социального капитала в структуре нематериальных ресурсов современного общества	49

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Славкович В.</i> Миф о заговоре как специфический феномен общественного сознания	59
<i>Кузьмин С. В.</i> Цифровые компетенции студентов и молодых специалистов	68
<i>Чайковская Р. В.</i> Актуальность идеи родовых поместий в контексте социально-экономического развития страны	74

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Музыченко Д. С.</i> Виктимное поведение как функциональная адаптация.....	82
<i>Позняк К. В.</i> Экологический подход к исследованию когнитивных искажений как проявлений ограниченной рациональности.....	92

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Дворецкая В. А.</i> Особенности профессионального поведения специалистов по социальной работе в зависимости от уровня образования	100
<i>Руденков Д. В.</i> Динамика профессиональной самоидентификации курсантов военного вуза	109

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

<i>Булышко Е. С.</i> Психофизиологический тренинг с биологической обратной связью: динамика уровня ситуативной тревоги у спортсменов	124
--	-----

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Степанова Л. Г., Понкин И. В., Лаптева А. И.</i> Методология научных исследований и прикладной аналитики	131
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	133

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Dzisko-Schumann M. R.</i> In quest of the new foundations of rationality: communicative dimension of Austin's linguistic phenomenology.....	4
<i>Lu Jign.</i> Classical philosophical and poetic thought of China and the fundamental ontology of Martin Heidegger: comparative analysis.....	11

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Belakrylava V. A., Dabrarodni D. G.</i> Convergence of social and information technologies and the problem of trust in a digital society.....	18
<i>Ekadumov A. I.</i> Inclusion versus privilege: motivations for loyalty to social orders.....	27
<i>Mets A.</i> Can artificial intelligence become a member of the society as an autonomous personality? ...	32
<i>Radevich E. V.</i> Cultural and information space and divergence of modern societies.....	42
<i>Dedolko J. V.</i> Axiological status of social capital in the structure of intangible resources of contemporary society.....	49

SOCIAL RESEARCHES

<i>Slavkovich V.</i> Conspiratorial myth as a specific phenomenon of social awareness.....	59
<i>Kuzmin S. V.</i> Digital competencies of the students and young professionals.....	68
<i>Chaikouskaya R. U.</i> Relevance of the idea of family homesteads in the context of social and economic development of the country.....	74

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Muzychenko D. S.</i> Victim behaviour as a functional adaptation.....	82
<i>Poznyak K. V.</i> An ecological approach to the study of cognitive biases as demonstrations of bounded rationality.....	92

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

<i>Dvaretskaya V. A.</i> Features of professional behaviour of specialists in social work with different educational levels.....	100
<i>Rudzenkou D. U.</i> The dynamics of military students' professional self-identification.....	109

PSYCHOPHYSIOLOGY

<i>Bulynko E. S.</i> Psychophysiological training with biofeedback: dynamics of anxiety level of the athletes.....	124
--	-----

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Stepanova L. G.</i> Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of scientific research and applied analytics...	131
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	133

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *М. А. Журо, М. И. Дикун, М. А. Подголина*
Технические редакторы *Д. Ф. Когут, А. Ю. Лещинская*
Корректоры *А. С. Горгун, М. А. Журо, М. И. Дикун*

Подписано в печать 31.01.2022.
Тираж 100 экз. Заказ 1478.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *M. A. Zhuro, M. I. Dikun, M. A. Podgolina*
Technical editors *D. F. Kogut, A. Y. Leshchinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, M. A. Zhuro, M. I. Dikun*

Signed print 31.01.2022.
Edition 100 copies. Order number 1478.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022